

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
Учреждение высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»**

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

**Актуальные проблемы германистики,
романистики и русистики**

Часть I

МАТЕРИАЛЫ

ежегодной международной научной конференции

5 февраля 2016 года

г. Екатеринбург, Россия

Екатеринбург 2016

УДК 811.1/2

ББК Ш 140/159

А 43

Под редакцией:
Доктора педагогических наук, профессора
Н.Н. Сергеевой

Научный редактор:
Кандидат педагогических наук, доцент
Е.Е. Горшкова

А 43

Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 5 февраля 2016 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ин-т. – Екатеринбург, 2016. – Ч. I. – 172 с.

Сборник включает доклады участников конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики», организованной кафедрой профессионально-ориентированного языкового образования ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» 5 февраля 2016 г.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических и лингвистических специальностей высших учебных заведений.

ISSN 2411-4626

УДК 811.1/2

ББК Ш 140/159

А 43

© Институт иностранных языков, 2016
© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Сопоставительная лингвистика, терминология, фразеология и исследования в области языковых систем

<i>Арпентьева М.Р.</i> Проблемы перевода: аллологический поход	5
<i>Волкова Я.А.</i> Роль паралингвистических компонентов в невербальной концептуализации деструктивных эмоций	13
<i>Волбуева О.Н.</i> Концепт 'не понимать' в русской и английской фразеологии	21
<i>Глазырина А.И.</i> Англоязычные контактосинтаксемы в испанском компьютерном подязыке	27
<i>Зырянова Н.Э.</i> Особенности перевода английских сравнительных конструкций в формальном значении равенства	35
<i>Клюжева Н.В.</i> Типологический метод исследования фразеологических единиц в английском языке	41
<i>Кокорина Ю.Г.</i> «Всю жизнь я собирал и накапливал знания в своей области» (из истории археологической терминологии)	48
<i>Коноваленко И.В., Петренко Е.Е.</i> О соотношении терминов «научный стиль», «научный подстиль», «язык специальности», «сфера деятельности»	54
<i>Королева Е.И.</i> Экспрессивность английского предложения нефразеологизированного типа	59
<i>Макарова Е.Н.</i> Влияние контекста на акцентную и синтаксическую структуру высказывания (сравнительный анализ английской и испанской языковых систем)	67
<i>Мезенцева Т.А.</i> Эмотивная лексика в оригиналах и переводах художественных произведений	75
<i>Пасечник Т.Б.</i> Особенности внеязыковых прототипов английских фразеологизмов	83

<i>Скребова Е.Г.</i> Особенности устройства и организации релятивно-номинативного аспекта сложноподчиненных актантных предложений немецкого языка	89
<i>Федуленкова Т.Н.</i> Изоморфизм лексического варианта в фразеологии английского, немецкого и шведского языков.....	97
<i>Филипаци Ю.А.</i> Фонология римского диалекта и ее описание в лингвистической литературе.....	103
<i>Чайкисова А.В.</i> Грамматические инновации в современном английском языке: факторы и механизмы изменений	111
Литературоведение и интерпретация текста	
<i>Алексеевская А.И.</i> Блог Б. Акунина: тематика, структура записей, способы взаимодействия с читателями	117
<i>Бугакова Н.Б.</i> К вопросу об основных способах лексической объективации образа солнца в произведении И.С. Шмелева «Солнце мертвых».....	123
<i>Василенко А.П.</i> Субстантивные лексемы в полевой организации понятия «любовь» (на материале песен М. Фармер и Э. Пиаф).....	130
<i>Дымова А.В.</i> Частотные метафорические модели современной англоязычной рок-лирики.....	135
<i>Ермолаева Е.В.</i> Медитация и медитативные тексты: к определению понятий.....	141
<i>Разумкова Н.В.</i> Концептосфера цвета в лирике Осипа Мандельштама (к 125-летию поэта).....	151
<i>Рябова И.Ю.</i> Понятийная и образная составляющие концепта «путаница» в англоязычных версиях романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».....	157
<i>Степанова О.В.</i> Закономерное и случайное в пьесе Т.Стоппарда «Аркадия»	166

**Сопоставительная лингвистика,
терминология, фразеология и исследования
в области языковых систем**

УДК 81'25(075.8)

Арпентьева М.Р.

Калуга, Россия

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА:
АЛЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ПОХОД**

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода как процесса и результата понимания, диалога с текстом и его автором в процессе перевода. Особое внимание уделяется ксенологической перспективе диалога. Рассматриваются возможности и ограничения понимания переводимого текста, смыслов, заложенных автором в его структуру: «внутри» и «между» строк.

Ключевые слова: ксенология, аллология, понимание, диалог, перевод, автор

Сведения об авторе: Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования.

Место работы: Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Контактная информация: 248023, г. Калуга, ул. Разина. д. 26, к.122.
e-mail: mariam_rav@mail.ru

Код ВАК 10.02.01

Arpentieva M.R.

Kaluga, Russia

**TRANSLATION
PROBLEM:
ALLOLOGICAL
APPROACH**

Abstract. The article is devoted to the problems of translation as a process and result of understanding, dialogue with the text and its author in the translation process. Special attention is paid understanding in xenological term. Possibilities and limitations of text comprehension of meanings created by the author in its structure: "within" and "between the lines."

Keywords: xenology, allology, understanding, dialogue, translation, author.

About the Author: Arpentieva Mariam Ravilievna, doctor of psychological Sciences, associate professor, senior researcher of the department of development and education psychology.

Place of employment: Kaluga K. E. Tsiolkovsky state University.

Аллологический или ксенологический подход к изучению

само-бытия человека и текста – как встречи с самим собой, самоосуществления, со-бытия человека с человеком, текста и с текстом: как встречи Своего и Чужого (Другого), попытки осмысления друг друга и ино-бытия, как превращения Своего текста в Чужой, а Чужого – в Свой, – становится все более популярным. Такого рода отношения в процессе перевода предполагают осознание единства разного: «своего» и «чужого», «Я» и «Другого». Это направление работ заставило исследователей еще раз обратить внимание на проблему соответствия и экологичности понимания, его субъектности, существование различных критериев его адекватности. Особенно важным и продуктивным ксенологический подход становится при обсуждении вопросов понимания в контексте проблем межкультурного взаимодействия, в процессе перевода текстов разных культур [Арпентьева 2015а; Арпентьева 2015b].

Освоение Другого в контексте практик «условно-дословного» перевода и теоретическое осмысление роли Другого как фактора расширения смыслового горизонта переводчика и, позднее, читателя, связано, в первую очередь, с попытками осмысления человеческой жизни и его текстов как полилогов. Человеческое бытие протекает в контексте со-бытия с другими людьми, при этом человеческое бытие осмысленно и подлежит осмыслению. Оно и есть осмысление (понимание) [Гуссерль 1994; Гуссерль 1996: 30]. Человеческое существо «...мыслит другое как другое, как именно это, определенное, иное существо, чтобы соединиться с ним в сфере, простирающейся за пределы их собственных сфер – Между» [Ванденфельс 1994]. Истина – не существует вне человека и его бытия, но рождается в отношениях Я и Ты, при выходе, отказе от отчуждения. Понимание как попытка такого выхода Чуждости опирается на представления о том, что «Я» вторично по отношению к «ты»: вначале бытия и его понимания находится Другой. Другой устанавливает пределы Своего, как того, чем Свое обладает [Подорога 1995: 30-31, 144-145]. Другой — не только обозначенный предел, ограничивший Собственное. Другой есть способ присутствия человека в мире, структура поля понимания, без которой поле не могло функционировать [Делез 1996: 85]. Способность субъекта

понимать и быть понимаемыми, переводить значения и смыслы своего мира в значения и смыслы Чужого, возможна лишь потому, что есть Другой: общение есть выход за пределы Себя, не будь которого не было бы понимания, которое, по сути всегда взаимное или совместное понимание, события со-бытия. Собственное, не осознав себя и свои границы, оставалось бы непроявленным, «покоящимся» в самодостаточности. Перевод дает тексту новую жизнь, извлекая его из молчания, из со-бытия через со-бытие прочтения в ино-бытие. «Я» развивает свое бытие, его границы, благодаря Другому, за счет него и – развивает в этом «за счет» бытие Другого. В понимании самого себя, как постулирует аллологический подход, по сути, нет ничего, что изначально не было бы Другим, Чужим и даже Чуждым. Чужое же осмысливается лишь по отношению к Своему: его доступность есть иллюзия - доступности непосредственно недоступного, поэтому – в начале понимания - опыт Чужого существует как опыт почти или полностью непреодолимого отсутствия [Гуссерль 1996]. Чужое — всегда непостижимое, которое, будучи обретенным и познанным Своим (о-своенным) исчезает в Своем [Ванденфельс 1994]: перевод уничтожает то, что не может понять, что недоступно пониманию, поскольку отсутствует способ, концепт или форма, позволяющая выразить Другость – даже «между строк». Попытка понять Чужое как Чужое может столкнуться и с тем, что Чуждого нет: иллюзия Чуждости также распространена, как и иллюзия его непреодолимости: в диалоге, в процессе взаимопонимания, по мере формирования и развития «со-бытия», многочисленных превращений и возвратов в свое. Понимая Чужой текст – в исторической или диахронической перспективах, – переводчик рассматривает опыт Чужого лишь как более или менее понятный вариант опыта Себя. Только так можно понимать что-либо: то, что ничего не значит для человека с точки зрения предшествующего или предвосхищаемого опыта, понято быть не может, и то что понято не имеет однозначного смысла и завершенности: понятое есть результат финальной на данный момент в данном пространстве точки как части единого поля смыслового универсума [Подорога 1995]. Понимание Чужого

всегда есть истолкование его на своем, понятном человеку языке, независимо от того, насколько «свой» и «чужой» языки (способы понимания) совместимы. Осознание уязвимости и недоступности Чужого, создает задачу его изучения, поиска интерпретационных стратегий, там, где проблемы овладения Чужим и сохранения в неприкосновенности его самости наиболее актуальны: например, в практике и теории перевода, исторического анализа и иных форм мультикультурного контакта [Гуссерль 1996: 16-17, 62-63]. Через признание самодостаточности и потенциального субъектного статуса Чужого возможна попытка войти с ним в диалог, в «диалогическое проникновение в познаваемый смысл» [Бахтин 1969] и достичь развития. Аллопластичность (alloplastic), осуществление развития за счет взаимодействия с Другими/Чужими, существует в противоположность автопластичности (autoplatic), ищущей развития в собственных границах и ресурсах [Magdalino 1993]. Другое может быть выражением более совершенного мира, приводящим к развитию Своего [Арпентьева 2015а; Арпентьева 2015b]. Однако, обретение Чужого, как показывает опыт, далеко не всегда конструктивен: у «жизненного горизонта», несмотря на всю его изменчивость и «упругость», есть лимит трансформации, превышение которого оказывается фатально для нее [Бенвенист 1995: 236, 242]. Осмысляя Чужое, включается механизм «делания понятным», «относительно чужим», в чужом, его вторжении в собственное, понимается модификация, «модализация» собственного пути развития, опыта.

Диалог Чужого и Своего говорит о том, что Свое – также неуловимо и нереально, как и Чужое. Игра Чужого и Своего – способ понять что-то о лежащей вне них Абсолютной реальности. Что-то, что позволяет, заявив о величии, понять «ничто»-жность того, что называется «Своим» и «Чужим», его «нигде»-шность в Абсолютном, бесконечном и безначальном мире, его величие и центральность- существующие в мире «равновеликих» пространств и времен – обозначенных облачённом в слово смыслом [Арпентьева 2015а; Арпентьева 2015b]. Отношения между субъектами как авторами и переводчиками, между производимыми ими текстами

оформляются в том числе и за счет выделения различных по степени эксплицитности границ, в типы межсубъектных барьеров (латентных, дискурсивных, договорных, конфликтных и др.) и типы дискурсов – языковых правил и логик, а также нарративов – историй взаимодействия субъектов, включая данные барьеры и логики [Блакар 1987: 88,91; ВанДейк 1989; Кротиеева 1984].

Существенной чертой понимания является его интенциональность, направленность на «Чужое», лежащее вне человека. Интенциональность связана с «как»-моментом процесса понимания [Асмус 1984: 9, 217; Батищев 1969: 73-145, Гадамер 1988: 80; Кун 1977: 125; др.]. Понимание как «попытка прорыва сквозь данность» предполагает осознание того, что «чем больше человек думает, тем дальше он уходит от того, что здесь и сейчас». Оно есть попытка думать о чем-то, не «теряя с ним контакт» [Витгенштейн 1958; Лотман 1995]. Текст выступает как культурный объект, он дает «возможности... видения и понимания чего-то в мире или себе» [Бахтин 1979; Мамардашвили 1990]. Границы ино-бытия и само-бытия в событии встречи исчезают, чтобы возникнуть в новом времени-пространстве (ситуации) – преобразенные: уверившиеся в приближении к Своему и нашедшие варианты стать Чужим. К. Солер [Солер 1993] выделяет способы «практического разрешения выхода»:

- 1) субъект удовлетворяется полученным знанием, находя некоторую формулу истины, которая составляет основу его личности (*fin mot* становится *mot de la fin* (разгадка - словом конца));
- 2) более остро ощущая тот факт, что истина может быть лишь полусказана, субъект отказывается от анализа. “Баста” определяет выход “как бы взятый на измор”, выход через признанное бессилие: отсутствие *mot* (последнего слова) ведет к *motus* (ни слова);
- 3) Субъект полагает найденным решение «испытанию бессилия» в невозможном.

Выходы через веру в истину, неполноту и невозможное неравноценны в смысле “исчерпания ресурсов символического”

(способов формирования субъектом смысла происходящего в его внутреннем и внешнем мирах, в переводимом тексте):

- 1) предполагает оправдание надежд, но пренебрежение и игнорирование тупиков, отказ от собственного усилия к пониманию, удовлетворенность «знанием»;
- 2) надежды не оправдываются, но субъект дорожит ими из-за бессилия (своего или другого),
- 3) заключение невозможности иногда имеет эффект «выходящего за предел» отказа от понимания и изменения или к попыткам осуществления невозможного как невозможного.

Критериями результативности понимания выступают:

- 1) понимание как нахождение общего языка, главные критерии понимания - используемые речевые жанры и техники воздействия,
- 2) понимание как нахождение общих метафор, критерии понимания - характер концептов понимания и нормативных ролей;
- 3) понимание как нахождение (возникновение) общих ценностей, главные критерии - позиция и ценности субъектов.

Стратегии обладают различными возможностями понимания другого ("Чужого" опыта и культуры): во-первых, Чужое доступно как вариант общего как "Своего" и через формирование стилевой аналогии, "означивается" ею, во-вторых, Чужое недоступно, его понимание осуществляется через сведение к смыслу Чужого, ведущее к его уничтожению, Чужое воспринимается как доступное лишь в опыте "непреодолимого отсутствия", в-третьих, часть исследователей полагает, что Чужое должно восприниматься как относительно доступное: его понимание возможно, если человек обладает желанием смотреть и понимать, определяется в событии ответа. В со-бытии как воплощении инобытие и самобытие, превращение и возвращение встречаются: в точке их пересечения возникает взаимопонимание: свое и Чужое становятся Своими. В ино-бытии и само-бытии Свое и Чужое расходятся, вступая в диалог со Своим Чужим и Чуждым Своим. Возникает величайшая иллюзия: понимания самого себя или другого, преодолеваемая еще более внешне иллюзорным мигом «события со-бытия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арпентьева М.Р. Ксенологический подход: стратегии понимания себя и мира // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Тр. и мат. Межд. науч. конф. 12-15 окт. 2015 г. / Под ред. К.Р. Галиуллина и др. – Казань, ИФиМК КФУ, 2015а. –Т.2. – С. 17-20.
- Арпентьева М.Р. Ксенология в исследованиях мультикультурного диалога // Слово, высказывание, текст. Сб. научн. трудов I Межд. науч.-практ. конф. 25 сент. 2015 г. / Отв. ред. Т.В. Плесканюк. – Нижний Новгород: ИП Краснова Н.А., 2015б. – С.25-31.
- Асмус В.Ф. Историко-философские этюды. М.: Мысль, 1984. – 120 с.
- Батищев Г.С. Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969 – С.73-145.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. – 424 с.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Культура, 1995. – 460 с.
- Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. – С. 88-91.
- Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. – 420с.
- Ванденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о “Чужом” // Логос. 1994. – № 6. – С.77-90.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: ИЛ, 1958. – 134 с.
- Гадамер Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. – 340с.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. М.: Лабиринт, 1994. – 110 с.
- Гуссерль Э. Начало геометрии. М., 1996. – С. 16-17, 62-63.
- Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Комментарии. 1996. – № 10. – С. 85
- Ежегодник AdMarginem’93 / Под ред. Е.В. Петровской. – М.: Эйдос, РИК «Культура», AdMarginem, 1994. – 452с.
- Коротеева В.В. Этнические символы и символическая природа этничности // Ценности и символы национального самосознания

- в условиях изменяющегося общества. М.: Прогресс, 1994. – С. 39
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. – С.125.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: ЯРК, 1996. – 464с.
- Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопр. философ. 1990. – №10. – С.45-56.
- О разработках проблемы Чужого в современной философской мысли // От Я к Другому. Сб. / Под ред. А.А. Михайлова. Мн.: Навука, 1997. – 340с.
- Подорога В. Феноменология тела. М.: Admarginem, 1995. – 380с.
- Солер К. Клинические уроки перехода // Логос. – 1992. – №3. – С. 178-189.
- Magdalino P. The History of the Future and its Uses // The Making of Byzantine History / R. Vatton and Ch. Roueche (Eds.). L., 1993. – P. 3-34.

УДК 81'23

Волкова Я.А.

Волгоград, Россия

РОЛЬ

**ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
КОМПОНЕНТОВ В
НЕВЕРБАЛЬНОЙ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ДЕСТРУКТИВНЫХ ЭМОЦИЙ**

Аннотация. Рассматриваются языковые средства описания паралингвистических компонентов выражения деструктивных эмоций в художественной коммуникации. Описываются просодические стереотипы деструктивных эмоций в русской лингвокультуре и их роль в невербальной концептуализации деструктивных эмоциональных состояний.

Ключевые слова: *деструктивность, паралингвистика, просодико-фонационные компоненты, просодический стереотип, концептуализация эмоций.*

Сведения об авторе: Волкова Яна Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания. Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Контактная информация: 400074, г. Волгоград, ул. Циолковского, д.17, кв.41.

e-mail: yana.avolkova@gmail.com

Код ВАК 10.02.01

Y. Volkova

Volgograd, Russia

**THE ROLE OF
PARALINGUISTIC
FEATURES IN NON-VERBAL
CONCEPTUALIZATION OF
DESTRUCTIVE EMOTIONS**

Abstract. Language means presenting paralinguistic components of the expression of destructive emotions in the literary text are considered. Prosodic stereotypes of destructive emotions in Russian linguistic culture and their role in non-verbal conceptualization of destructive emotional states are analyzed.

Keywords: *destructiveness, paralinguistics, prosodic and phonatory components, prosodic stereotype, conceptualization of emotions.*

About the Author: Volkova Yana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Linguistics.

Place of employment: Volgograd State Socio-Pedagogical University.

Паралингвистические, т.е. просодико-фонационные компоненты общения, без сомнения, являются важнейшим средством передачи эмоций говорящего и реализации его

коммуникативных намерений. В настоящей статье рассмотрена роль паралингвистических компонентов коммуникации в кодировании экспрессии эмоций, стимулирующих деструктивные состояния говорящего, а именно ненависти, зависти и ревности. Кодирование экспрессии есть невербальная концептуализация переживаемых чувств и эмоций в рамках определенных правил, характерных для ситуации общения [Волкова 2014: 182]. Не останавливаясь на истории термина «паралингвистика», отметим, что в науке до сих пор существует широкое и узкое его понимание. Широкий подход представлен в монографии Г.В. Колшанского «Паралингвистика» [1974], где автор относит к паралингвистическим средствам коммуникации как кинетические, так и фонационно-просодические компоненты. В рамках узкого подхода под паралингвистикой понимается наука, «предметом изучения которой является параязык — дополнительные к речевому звуковые коды, включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию» [Крейдлин 2004: 27].

В нашем исследовании мы придерживаемся узкого подхода к определению границ паралингвистики и относим к паралингвистическим «ритмико-интонационные средства фонации, характеризующие речь на данном языке и создающие совокупность звуковых явлений, не входящих в систему собственно дифференциальных фонологических противопоставлений: различные интонационные модуляции голоса, дополнительные призвуки, окраска голоса и т.п.» [Чанышева 1979: 22].

Что касается функций паралингвистических компонентов в речи, то одним из первых их перечень предложил Д. Кристэл, включив в него следующие пункты: 1) выражение эмоций; 2) грамматическая функция — маркирование грамматической структуры высказывания; 3) указание на социальный статус говорящего; 4) указание на профессиональную принадлежность говорящего: большинство профессий, где речь является неотъемлемой частью профессиональной деятельности, имеют свой отчетливый «паралингвистический стиль» [Crystal 1975: 163—167].

Естественно, что нам наиболее интересна первая функция, выделенная Д. Кристалом, а именно эмотивная функция

паралингвистических компонентов. Исследования в области выражения эмоций голосом были начаты позже, чем соответствующие исследования в области языка жестов. Одним из первых тестов, разработанных для определения способности человека узнавать эмоции по голосу, был “The Vocalic Meaning Sensitivity Test”: профессиональные актеры читали один и тот же текстовый фрагмент, выражая голосом эмоции страха, гнева, презрения, горя и безразличия. Эксперимент показал потрясающий результат: 88 % испытуемых безошибочно определили безразличие, 84 % — презрение, 78 % — гнев и горе соответственно, а 66 % — страх [Leathers 1976: 123–129]. Исследования, проводившиеся позднее, выявили, что легче всего по голосу определяются гнев и страх [Davitz, 1964]. Однако с учетом индивидуальных особенностей Д. Дэвиц допускал погрешность в определении эмоций исключительно по голосу в пределах 50 %.

Что касается художественной коммуникации, то очевидно, что в тексте художественного произведения коммуникативный эффект паралингвистических средств значительно снижается. Однако это не означает, что текстовое отражение этих средств малоэффективно с точки зрения прагматики. Так, Н.И. Жинкин писал об ошибочности мнения о том, что интонация, например, имеет отношение только к устной речи, а не к письменной, подчеркивая: «Читающий должен вычитать ту интонацию, которая вписана в текст сочинителем. Без этого невозможно верное прочтение и понимание текста» [Жинкин 1956: 148–149]. Проблема отражения фонационно-просодических компонентов коммуникации в художественном тексте детально разрабатывалась в трудах Н.И. Светозаровой [2000], Н.В. Черемисиной-Ениколоповой [1989], Н. Пейджа [Page 1973], Р. Чэпмэна [Charman 1984] и других лингвистов, не говоря уж о сотнях работ по фонологии звучащей речи. В художественном тексте речи персонажей отводится особая роль, т.к. в ней максимально имитируется реальность [Page 1973: 3]. В отличие от реальной коммуникации, где слово получает свою значимость в основном из контекста ситуации, экстралингвистические компоненты в художественном тексте сознательно и эксплицитно показываются автором. То есть речь в художественном произведении

информативно более нагружена, чем живая разговорная речь, но эту нагрузку несут также и недиалогические элементы. Общеизвестно, что прямая речь в тексте обычно сопровождается, используя термин Н. Пейджа, «сценическими указаниями», то есть описаниями тех невербальных компонентов, которые обычно сопровождают живую речь (выражение лица, жесты, интонация, тон и т.д.) Но не все читатели способны «воспроизвести» звуки, прочитанные ими в художественном тексте. Было отмечено, что интерпретация письменной речи во многом зависит от фоновых, экстралингвистических знаний читателя [Chapman 1984: 8].

Для научного описания паралингвистических явлений существует свой особый метаязык, однако его использование в художественной коммуникации невозможно по определению, ибо художественная репрезентация речи не может быть точной. В языке для описания паралингвистических компонентов высказывания существует особый корпус лексических единиц, называемых глаголами речи. Большинство из них сообщает информацию о просодических характеристиках голоса только благодаря установленным для носителей данного языка соглашениям о соответствии плана выражения и плана содержания лексемы. Некоторые обладают звукоподражательным эффектом, как, например, глагол *визжать*, придающий вводимому им высказыванию напряженно-эмоциональный характер.

Поскольку средства описания эмоциональной фонации и просодики для агрессивно окрашенных высказываний были нами систематизированы и описаны ранее (см. [Покровская 1998]), мы лишь кратко остановимся на тех моментах, которые помогут нам вычленить просодические стереотипы деструктивных эмоций. Корпус примеров описания паралингвистических компонентов деструктивных эмоций составил 732 примера. Материал показывает, что для описания паралингвистических проявлений деструктивных эмоций используются следующие средства:

1) глаголы эмоциональной речи: *(за)кричать, сорваться (о голосе), процедить, воскликнуть, выкрикнуть, вспылить, (про)шипеть, (про)рычать, (за)реветь, (про)хрипеть, рывкнуть, ругать(ся), (за)вопить, гаркнуть, (за)визжать, честить,*

задышаться, засопеть, бурчать, (за)орать, цедить, (про)стонать и др.;

2) наречия, определяющие конкретные деструктивные эмоциональные проявления: *ненавистно, ненавидяще, зло, презрительно, высокомерно, раздраженно, гневно, яростно, ядовито, злобно, свирепо, угрожающе, надменно, бешено, завистливо, ревниво* и др.;

3) существительные, обозначающие эмоции, с предлогом: *с (бешеной) ненавистью / раздражением / гневом / (бешеной, слепой и др.) яростью / (тихой) злобой / презрением / (затаенной, нескрываемой и т.д.) завистью / (фанатической, глупой, странной) ревностью;*

4) прилагательные и причастия, как обозначающие конкретные эмоции, так и маркирующее все высказывание как враждебное (но не обязательно агрессивное / деструктивное): *рыдающий / скрежещущий / высокий / дикий / силовый / ледяной / бычий / страшный / злой / дрожащий / испуганный / злоедающий / бешеный / враждебный / ненавидящий / завистливый / холодный / ревнивый (голос, тон, нотка в голосе)* и др.;

5) Наречия, маркирующие все высказывание как враждебное (но не обязательно агрессивное или деструктивное): *резко, жестко, колко, испуганно, враждебно, напряженно, недобро, сквозь зубы, сило* и др.

Как видно из вышеприведенного списка, многие лексемы могут служить для описания не только агрессивных эмоций. Например, глагол «задышаться» может описывать крайнее состояние волнения:

*Вместо чистосердечного признания, – говорил он, **задыхаясь от волнения**, – как это требуется от тебя по долгу службы, ты начинаешь лгать... лгать без зазрения совести! (Г.М. Марков. Строговы.)*

Значение эмоции окончательно и бесповоротно определяет только контекст. Приведем пример из того же произведения.

*Эти слова старика взбесили Евдокима. Он затопал ногами и **закричал**: — Вон отсюда, смутьян! Все равно кедровник мой будет! Матюху твоего в тюрьме сгною, и тебе не миновать этого! — Он **прокричал** это **сило**, **задыхаясь от злости**,*

*страшно побледнев. <...> Закинув руки назад, дед Фишка ответил Юткину: — Ты, сват, меня не срами принародно. Я не вор. — И, помолчав, крикнул: — И Матюша не вор. Мы у тебя ничего не украли! — Нет, ты вор! И Матвей тоже вор! Вы мой кедровник обворовали! — **повысил голос** Евдоким. — Чего, сват, болтаешь зря! Народ свое взял, богом ему данное, — спокойно, с сознанием своей правоты проговорил дед Фишка. <...> Дрожь от ярости, он широко размахнул руками и, потрясая ими, **прохрипел**: — А, народ? Народ — тоже вор! <...> Он оттолкнул жену от себя и, набрасываясь на стариков, **исступленно кричал**: — Воры! Ишь они какие! Меня же обокрали — и ко мне же хлеб жрать пришли. Воры! (Г.М. Марков. Строговы.)*

В данном фрагменте паралингвистические компоненты общения описываются следующими глагольными сочетаниями: *закричал; прокричал сипло, задыхаясь от злости; крикнул; повысил голос; прохрипел; испступленно кричал*. В тексте также присутствуют описания других невербальных компонентов: пантомимики и жестики (*затопал ногами, дрожь от ярости, широко размахнул руками, потрясая руками*), мимики (*страшно побледнев*), а также метафорическое описание ярости (*взбесился*). Все это не позволяет ошибиться в деструктивном характере ситуации общения, а также определить основные эмоции, «запустившие» данную ситуацию общения, — злость, ярость, ненависть.

Очевидно, что текстовые описания паралингвистических компонентов коммуникации дают весьма общее представление о том, как должен звучать голос человека, испытывающего гнев, ярость, бешенство, ненависть и другие деструктивные эмоции, т.к. диапазон акустических характеристик голоса субъекта данных эмоций, отраженный в художественной литературе, весьма широк — от «ледяного» голоса до срывающегося от ярости на визг. Анализ и систематизация практического материала позволили выделить следующий просодический стереотип для эмоций группы гнева: высокий тон, значительная сила звучания (громкость), быстрый темп. Однако если говорящий пытается подавить свои эмоции, то возможно наличие длинных пауз.

Что касается паралингвистического выражения зависти и ревности, то из 138 примеров описания завистливого голоса и 74

примеров описания ревности в голосе не удалось выделить какого-либо определенного просодического стереотипа: все описания в высшей степени однообразны и представляют собой глагольные сочетания с существительными или наречиями (*сказать в завистью, завистливо произнести / сказать, сказать с ноткой зависти / ревности в голосе, сказать с завистью в голосе*). По результатам выборки, в художественных описаниях голоса зависти и ревности нашли отражение два паралингвистических компонента — это дрожание голоса и затруднение в дыхании от соответствующих эмоций:

— *Со дна?* — спросил Сергей дрогнувшим от ревности голосом. (Ф. Искандер. Морской скорпион.)

Я почувствовал, как задрожала от волнения рука Есенина. Расширились зрачки. На желтоватых, матовых его щеках от волнения выступил румянец. Он выдавил из себя задыхающимся (от ревности, от зависти, от восторга) голосом: — Вот так слава! (А. Мариенгоф. Роман без вранья.)

Данные невербальные проявления не являются характерными для эмоций зависти и ревности — по сути дела, дрожание голоса и затруднения в дыхании являются паралингвистической характеристикой любой сильной эмоции. Поэтому мы не можем рассматривать данные компоненты как часть просодического стереотипа эмоций зависти и ревности.

Подводя итоги, отметим еще раз, что нами было рассмотрено только то, как деструктивные эмоции описываются в тексте: практическое изучение фонационно-просодических характеристик выражения деструктивных эмоций представляет собой тему отдельного исследования. Также хотелось бы упомянуть чрезвычайно интересный вывод Л. Нейкурс, основанный на проведенном ею опросе респондентов: «Более 60 % людей оценивают гневные и угрожающие интонации как нейтральные. Это говорит о глубоком перерождении нашей психики: агрессия в сознании многих стала нормой» [Нейкурс www]. Если этот вывод верен, то в скором времени стоит ожидать и изменения просодических стереотипов исследуемых эмоций в языковом сознании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. д-ра филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2014. – 444 с.
- Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III - VII классов // Психология усвоения грамматики, орфографии и развития письменной речи; под ред. Д.Н. Богоявленского. — Известия АПН РСФСР. — Вып. 78. — М., 1956. — С. 141—256.
- Колшанский Г.В. Паралингвистика. — М.: Наука, 1974. — 81 с.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 584 с.
- Нейкурс Л. Гнилое слово убивает не хуже рака [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://neikurs.com/stati/gniloe-slovo-ubivaet-ne-huzhe-raka/>.
- Покровская (Волкова) Я.А. Отражение в языке агрессивных состояний человека (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. — Волгоград, 1998. — 188 с.
- Светозарова Н.Д. Интонация в художественном тексте. — Спб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. — 177 с.
- Чанышева З.З. Лексические средства обозначения паралингвистических компонентов речи в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — М., 1979. — 223 с.
- Черемисина-Ениколопова Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. — Русский язык, 1989. — 240 с.
- Chapman R. The Treatment of Sound in Language and Literature. — London: Basil Blackwell Publisher Ltd., 1984. — 262 p.
- Crystal D. Paralinguistics // The Body as a Medium of Expression. — London: Allen Lane, 1975. — P.162—174.
- Davitz J. The Communication of Emotional Meaning. — New York, etc., 1964. — 214 p.
- Leathers, D. Nonverbal Communication Systems / D. Leathers. — Boston: Allyn, Bacon, Inc., 1976. — 273 p.
- Page N. Speech in the English Novel. — London: Longmans, 1970. — 172 p.

УДК 811.161.1'373

Волобуева О.Н.

Тюмень, Россия

**КОНЦЕПТ 'НЕ ПОНИМАТЬ'
В РУССКОЙ И
АНГЛИЙСКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ**

Аннотация. В статье рассматривается концепт 'не понимать', выраженный фразеологизмами русского и английского языков. Концепт представлен через анализ семантики фразеологизмов путем выделения основных и дифференциальных семантических признаков.

Ключевые слова: фразеологическая единица, концепт, семантика, фразеологическое значение, сема, дифференциальный семантический признак.

Сведения об авторе: Волобуева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Тюменский государственный нефтегазовый университет.

Контактная информация: 625000, г. Тюмень, ул. Мельникайте, 72/2, к. 218.

e-mail: volobueva-olga-n@yandex.ru

Код ВАК 10.02.20

Volobueva O.N.

Tyumen, Russia

**CONCEPT 'NOT TO
UNDERSTAND' IN RUSSIAN
AND ENGLISH
PHRASEOLOGY**

Abstract. The article deals with the concept 'not to understand' in Russian and English phraseology. The concept is presented through the analysis of basic and differential markers of phraseological units.

Keywords: phraseological unit, concept, semantics, phraseological meaning, seme, differential semantic marker.

About the Author: Volobueva Olga Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of

Foreign Languages.

Place of employment: Tyumen State Oil and Gas University.

Фразеологический концепт «не понимать», наряду с такими концептами как «думать» и «понимать», занимает важное место в концептуальной системе любого языка и выделяется на том основании, что результаты мыслительного акта могут быть как положительные, так и отрицательные. Фразеологизмы, объективизирующие рассматриваемый концепт, широко представлены в русском и английском языках, что

свидетельствует о его актуальности в языковом сознании русского и англичанина [Волобуева 2011: 131].

В отличие от концептов «думать» и «понимать», представленных в основном глагольными фразеологическими оборотами, рассматриваемый концепт представлен также адъективными и субстантивными словосочетаниями, а также различными видами предложений. Некоторые фразеологизмы употребляются только в характерных для них синтаксических конструкциях.

На основе семантики русских и английских фразеологических единиц (далее ФЕ) в структуре концепта можно выделить три основные семантические группы: 1) ФЕ с общим значением «не обладать способностью к пониманию», 2) «не понимать временно; неправильно понять», 3) «не понимать, быть в замешательстве, недоумении». Фразеологизмы, обладая также дополнительными (дифференциальными) семантическими признаками, формируют семантические ряды внутри каждой группы.

В первую группу входят ФЕ со значением «не понимать, не иметь представления о чем-л.»: рус. *не иметь понятия о чем-л.*, англ. *have no (not the slightest, the faintest, the foggiest) idea (of sth), not have a clue, be hazy about, be unclear about, not know the meaning of* [ФСРЯ; Кунин 1984; LongDicId; LongDic], а также значительное количество русских и английских фразеологизмов со значением «ничего не понимать, не иметь ни малейшего представления о чем-л., не разбираться в чем-л.»: рус. *не смыслить (не понимать, не знать, не ведать) ни бельмеса, не знать (не смыслить) ни уха ни рыла, ни в зуб (ногой) (толкнуть), ни полслова (не понимать), разбирается (смыслит, понимает) как свинья в апельсинах*, нов. *ни в зуб галошей*, англ. *not to take head or tail of sth, not know "a" from "b"*, амер. *not know beans (about)* [Мелерович 2001; Квеселевич 2000; ФСРЛЯ; Белянин 1994; LongDicId] и др. Дополнительный семантический оттенок «не понимать того, что понятно, очевидно всем» имеют устойчивые сочетания рус. *как (будто) с Луны свалился (упал), как (будто) с неба свалился (упал)*, англ. *he (she) was born in the ark* [Квеселевич 2000: 326].

В структуру рассматриваемого концепта входят также фразеологические единицы, значение которых можно определить как «быть выше чьего-л. понимания». Русские выражения являются субстантивными словосочетаниями, английские представляют собой в основном конструкции с глаголом *to be*: рус. *(это) китайская грамота, книга за семью печатями, (это) темный (дремучий) лес, (это) потёмкинские деревни*, англ. *be (all) Greek to sb; pass one's comprehension (understanding), beyond one's grasp, be out of one's depth, beyond (out of) one's ken* [СФС; ФСРЯ; Мелерович 2001; Квеселевич 2000; LongDicId] и др.

Во фразеологии отмечается, что непонимание может быть связано с недальновидностью («не понимать, быть крайне недальновидным»): рус. *не видеть дальше своего (собственного) носа*, англ. *not see beyond the end of one's nose*. Фразеологизмы *за деревьями не видеть леса*, англ. *not to see the wood (forest) for the trees* имеют значение «не понимать, не видеть главного из-за множества второстепенных деталей» [Квеселевич 2000; LongDicId; LongDic].

В рассматриваемую группу входят также фразеологические обороты со значением «плохо, туго соображать», которые характеризуют медленно думающего и понимающего человека. Такие фразеологизмы очень часто употребляются в разговорной речи: рус. *туго соображает, туго (медленно) доходит, доходит как до жирафа, большая (длинная) передача*, диал. *шарики не крутят*, англ. *be slow in (on) the uptake, be slow on the draw* [СФС; Федоров 1983; Кунин 1984; Маккей 1997].

Фразеологизмы второй группы имеют значение «не понимать временно; неправильно понять». Принципиальное отличие данной группы от первой заключается в том, что словосочетания, ее составляющие, обозначают временное непонимание или заблуждение, либо невозможность понять, разобраться в каком-либо конкретном вопросе, ситуации. Так, ряд английских ФЕ имеет значение «неправильно понять что-л.»: англ. *get (hold of) the wrong end of the stick* (ср. *get the right end of the stick*), *get (have) it all wrong*. Дополнительные семантические оттенки имеют английские фраземы *miss the point* – «не понять,

не уловить главного» и *take nothing of* - «совершенно не понять что-л., ничего не понять» [LongDicId; LongDic; Hornby 1982].

Семантически близкой является русская фразеологическая единица *не взять в толк (в соображение)* [Квеселевич 2000], имеющая значение «не суметь понять что-л.». Данная фраза предполагает наличие объектной семы и употребляется только в составе сложноподчиненных предложений, например: *он не мог взять в толк, почему...* Для русского языка также характерны выражения, представляющие собой безобъектные конструкции, например, фразеологизмы со значением «не в состоянии сообразить, понять что-л.»: рус. *ума (головы) не приложить*, диал. *ума не дать*, диал. *ума не приставить*, диал. *ума не приберешь* [СФС; Квеселевич 2000; ФСРЛЯ; Федоров 1983].

Яркостью образной основы отличаются русские фраземы, обозначающие временную утрату способности понять что-л., здраво рассуждать: рус. *затуманилось в голове, вступило в голову, все путается в голове, (будто) затмение нашло, ум за разум заходит, каша в голове*, диал. *шарики за ролики закатились* [ФСРЯ; ФСРЛЯ; Мелерович 2001; Федоров 1983]. Дополнительное значение имеют фраземы *голова кружится (закружилась), голова идет (ходит) кругом, голова пухнет (распухла)*, подразумевающие потерю способности ясно соображать от множества дел, забот, волнений [ФСРЛЯ: 112]. Фразеологизмы *не укладывается в голове (в сознании), в голове не помещается*, диал. *мозга за мозгу не улаживается* включают в структуру своего значения дополнительную сему «не верить» и употребляются в том случае, когда человек не в состоянии осмыслить, осознать и примириться с чем-либо [ФСРЛЯ; Прокошева 1972].

Своеобразием отличается третья группа фразеологических сочетаний, выражающих значение «не понимать, быть в замешательстве, недоумении». Обороты, в нее входящие, характеризуются наиболее обобщенным значением и включают такие семы, как «заблуждение», «замешательство», «растерянность»: рус. *сбиваться / сбиться с толку (с панталыку), теряться в мыслях, заблудиться в трех соснах, как в (темном) лесу (быть, очутиться)* [ФСРЛЯ; СФС].

Дополнительный семантический признак «удивление» имеют ФЕ *хлопать глазами, пожимать плечами, чесать в затылке (затылок), разводиться / развести руками*, англ. *scratch one's head* [Квеселевич 2000; СФС Мелерович 2001; CollCoDic: 186]. Наиболее многочисленный ряд фразеологизмов со значением «находиться в замешательстве, растерянности, недоумении» составляют английские выражения: англ. *(be) at a loss for sth, be at one's wits end, be (all) in a fog, be (all) at sea, lose one's head, lose one's bearings* [Hornby 1982; LongDicId; Кунин 1984] и др.

Сильную степень замешательства обозначают фразеологизмы со значением «приходить в крайнее затруднение, замешательство»: рус. *становиться / стать в тупик, заходить / зайти в тупик, терять / потерять голову*, диал. *потерять самую себя*, англ. *reach a deadlock* [Мелерович 2001; Прокошева 1972; РАС]. Английские образные выражения *be in (have) two minds, be of two minds, be in twenty minds* имеют значение «быть в нерешительности, стоять перед альтернативой, не знать, на что решиться» [Кунин 1984: 503]. В этот же ряд входят русские ФЕ *свихнуть (себе) голову, голову (себе) поломать* [ФСРЯ].

Таким образом, непонимание в русской и английской фразеологической картине мира может выражать постоянный признак (оценка человека по интеллекту), характеризовать временное отсутствие понимания, а также замешательство и недоумение. Структура концепта в целом совпадает в русском и английском языках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. – М., 1994. – 192 с.
- Волобуева О.Н. Концептуальное поле "Человек и его интеллект" в русской и английской фразеологии. Дис. ... к.ф.н. – Тюмень, 2011. – 269 с.
- Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 2000. – 705 с.
- Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.

- Маккей А., Ботнер М.Т., Гейтс Дж.И. Словарь американских идиом. – СПб.: Изд-во «Лань», 1997. – 464 с.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: ок.1000 единиц. – М., 2001. – 856 с.
- Прокошева К.Н. Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья. – Пермь, 1972. – 82 с.
- РАС – Оксфордский русско-английский словарь / Сост. Маркус Уилер. – М.: Престиж, 1996. – 913 с.
- СФС – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.М. Мокиенко. – Ростов-н/Д: Феникс, 1996. – 352 с.
- Федоров А.И. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Сост. Л.Г. Панин, Л.В. Петропавловская, А.И. Постнова, А.И. Федоров; под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1983. – 232 с.
- ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. / Под ред. А.И. Федорова. – М., 1995. – 606 с.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. – 543с.
- CollCoDic – Collins Cobuild Dictionary of Idioms / HarperCollins Publishers, Second edition, 2002. – 496 p.
- Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.– Oxford University Press, 1982. – 1072 p.
- LongDic – Longman Dictionary of Contemporary English. 3d edition. –Longman Group Ltd 2000. – 1668 p.
- LongDicId – Longman Dictionary of English Idioms. Addison Wesley Longman Limited, 1998. – 398 p.

УДК 811.134.2'322

Глазырина А.И.

Екатеринбург, Россия

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ
КОНТАКТОСИНТАКСЕМЫ
В ИСПАНСКОМ
КОМПЬЮТЕРНОМ
ПОДЪЯЗЫКЕ**

Код ВАК 10.02.20

Glazyrina A.I.

Ekaterinburg, Russia

**ENGLISH CONTACT
SYNTAXSEMES IN
SPANISH COMPUTER
SUBLANGUAGE**

Аннотация. В статье представлен комплексный подход к классификации англоязычных контактосинтаксем в испанском компьютерном подъязыке (на материале одно- и двуязычных онлайн терминографических источников).

Ключевые слова: *испанский язык, английский язык, компьютерный подъязык, контактосинтаксемы.*

Abstract. The article features a multifaceted approach to classification of English contact syntaxxsemes in Spanish computer sublanguage based on the material provided by one- and two-language terminographical sources).

Keywords: *Spanish, English, computer sublanguage, contact syntaxsemes.*

Сведения об авторе: Глазырина Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: ООО «Глобал Амбассадор».

Контактная информация: 620075, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 133-69.

e-mail: glazyrina-anna@mail.ru

About the Author: Glazyrina Anna Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor.

Place of employment: "Global Ambassador".

Испанский язык, наравне с английским, входит в тройку языков мирового значения, является одним из шести официальных языков ООН. По некоторым данным, на настоящий момент испанский язык занимает второе место в мире по числу носителей, опережая английский [10 Facts About the Spanish Language 2016]. Русскоязычные исследователи специальной лексики, работающие в рамках теории заимствований и контактной лингвистики, сконцентрировали свое внимание на изучении механизма и результатов заимствования английских элементов в русский и немецкий компьютерный подъязык (единственное исключение составляют работы М. А. Лобановой и Юрьевой М. Д., посвященные англицизмам в испанском компьютерном подъязыке [Лобанова 2009; Юрьева 2014]). Этому есть объяснение: более высокий удельный вес

германистов в общем (англистов – в частности) по сравнению с испанистами в российской лингвистике.

Материалом для исследования послужили 1449 испанских единиц, относящихся к специальной лексике (термины, номены, жаргонизмы), которые представлены в нескольких он-лайн словарях: 760 специальных лексических единиц содержатся в электронных автоматических русско-испанских и испано-русских он-лайн словарях интернет-системы «Мультитран» [Мультитран 2016], 446 – в испаноязычном «Глоссарий компьютерных терминов» [Глоссарий компьютерных терминов 2016] и 243 – испаноязычном «Глоссарий по телекоммуникациям» [Глоссарий по телекоммуникациям 2016]. Наибольшее число английских контактных элементов различных языковых уровней представлено в «Глоссарий компьютерных терминов» (80%). Далее в порядке убывания следуют «Глоссарий по телекоммуникациям» (26%) и «Мультитран» (17%). Очевидно, что в среднем 41% специальной лексики напрямую заимствован из английского компьютерного подязыка (в силу, вероятно, географической близости США и Мексики). Мы считаем, что две пятых заимствований от общего числа специальных единиц представляет собой высокий процент (пусть даже на достаточно ограниченном для выявления статистических закономерностей материале). Более того, английский и испанский языки относятся к языкам различных языковых групп внутри одной языковой семьи. Синтаксис романских и германских языков достаточно сильно отличается, следовательно, тем более иллюстративным становится данное исследование.

Интернет-система «Мультитран» выделяет 18 предметных областей компьютерного подязыка: вычислительная техника (31%), Интернет (24%), компьютерная техника (15%), программное обеспечение (8%), телекоммуникации (8%), программирование (6%), компьютерная графика (2%), информационная безопасность (2%). Наименее репрезентативными ($\geq 1\%$) оказались компьютерные игры, оргтехника, сетевые технологии, теория информации, бытовая техника, кибернетика, Майкрософт, операционные системы, робототехника, электронная почта. Данная классификация представляется вполне оправданной: компьютерный подязык чрезвычайно активен в своих пересечениях со смежными областями

науки и техники.

Далее методом сплошной выборки были отобраны единицы, содержащие английские контактные элементы (контактоморфемы, контактолексемы и контактосинтаксемы). Под контактосинтаксемой мы будем понимать словосочетание, относящееся к испаноязычной специальной лексике, частично или полностью заимствованное из языка-источника. Количество контактосинтаксем составило 144 единицы (10% от общего числа специальных единиц).

Английские контактолексемы в составе контактосинтаксем насчитывают 159 единиц. Приведем данные контактолексем от наиболее частотных к менее частотным: *Web, clic/click/clics/clik, Internet/internet, Home/home, software/"software", "built-in", band, link, audio/Audio, bits, bus, cable, caché, coaxial/coaxil, CompactFlash, Data/data, disc/disk, flash, laser/laser, pager, PC, printer, RAM, ROM, screen, Alley, back-end, base, beat, block, box, by, CAD, cam, card, CDMA, CDPD, CE, chat, Class, composite, DDOS, default, desk, diagram, dial, digital, dot, double, down, DV, Dynamic, engine, entry, Ethernet, file, firmware, floating, floppy, found, ghost, Good, GSM, hackers, hard, hash, help, hoax, HTML, hyper, image, inkjet, IrDA, junk, K, LAN, LED, Liquid, list, live, lock, Lode, login, Mac, mail, mailing, Manager, map, matrix, memory, Message, mini, miniplug, mirror, modem, movie, MPI,2,3, name, Norma, not, NT, of, on-line, OS, package, pad, page, passed, pay, per, play, player, plug, PoE, point, Prety, Privacy, process, processor, Quality, RCA, robot, saver, scroll, search, serial, Server, Service, set-top, Short, side, signals, Silicon, site, spam, start, Super, System, TDMA, theatre, touch, triple, twist, two-way, up, UPS, USB, V., Valley, VGA, Video, view, virtual, virus, voice, Wide, Windows, Workstation, world.* Некоторые компоненты имеют графические варианты: зачастую данный факт обусловлен отнесение специальной единицы либо к разряду терминов, либо к разряду номенов, причем последние в английском языке традиционно капитализируются. Одной из отличительных черт специальной лексики компьютерного подъязыка являются инициальные аббревиатуры. На первый взгляд, данный тип аббревиатур представляют большую часть контактолексем, которые, в свою очередь, являются компонентами контактосинтаксем. Однако наш анализ показал, что доля инициальных аббревиатур среди вышеприведенных англоязычных компонентов контактосинтаксем

составляет всего лишь 14%.

Очевидно, что часть англоязычных компонентов, входящих в контактосинтаксемы, представлена в нескольких предметных областях. Наибольшее число пересечений имеют контактосинтаксемы, включающие компоненты *web, Internet/internet, audio/Audio, bus, PC, RAM, ROM* (данные компоненты представлены в интернет-системе «Мультитран» и словаре «Глоссарий компьютерных терминов»). Далее в порядке убывания следуют *Home/home, cable, Data* («Глоссарий компьютерных терминов» и «Глоссарий по телекоммуникациям») и единичный пример *link* в «Мультитран» и «Глоссарий по телекоммуникациям».

Рассмотрим количественные характеристики контактосинтаксем: количество компонентов в контактосинтаксемах и среднюю длину контактосинтаксем.

Контактосинтаксемы представлены двумя структурными типами: элементарные (два компонента) и сложные (> двух компонентов). Доля элементарных контактосинтаксем составляет 71%, сложные контактосинтаксемы представлены оставшимися 29%.

Сложные контактосинтаксемы представлены четырьмя типами: трехкомпонентные – 29 единиц (69% от общего числа сложных контактосинтаксем), четырехкомпонентные – 8 (19%), пятикомпонентные – 3 (7,1%), шестикомпонентные – 1 (2,45%), семикомпонентные – 1 (2,45%).

Средняя длина контактосинтаксемы английского происхождения в испанском компьютерном подязыке составила 13,22 знаков без пробелов. Интересно отметить, что наибольшая средняя длина контактосинтаксем отмечается в интернет-системе «Мультитран» (16,935 знаков), далее идет «Глоссарий компьютерных терминов» (13,94 знаков), замыкает список «Глоссарий по телекоммуникациям» (8,78 знаков). Таким образом, наблюдается прямая корреляция между средней длиной специального словосочетания и количеством заимствований в словаре: чем выше доля англоязычных заимствований, тем короче средняя длина специального словосочетания. Средняя длина двухкомпонентных словосочетаний составляет 10,5 знаков, трехкомпонентных – 16,95, четырехкомпонентных – 19,72, пятикомпонентных – 18,16, шестикомпонентных – 4,66,

семикомпонентных – 9,33. Количественные характеристики лексических единиц, а особенно статистические данные, полученные на основе анализа больших массивов данных, составляют основу любого электронного продукта, разрабатываемого прикладными аспектами лингвистики: корпусной лингвистикой и лексикографией, компьютерной лингвистикой и терминографией и т.д.

Перейдем к качественным характеристикам контактосинтаксем, а именно – степени «заимствованности», проникновения англоязычных контактных элементов из языка-источника (английского компьютерного подязыка) в язык-реципиент (испанский компьютерный подязык).

Мы считаем возможным подразделить все контактосинтаксемы на две группы: гомогенные (контактосинтаксемы, состоящие исключительно из англоязычных контактолексем) и смешанные (контактосинтаксемы, содержащие не менее одной англоязычной контактолексемы).

Гомогенные контактосинтаксемы подразделяются, в свою очередь, на контактосинтаксемы, состоящие из элементов, заимствованных напрямую (при прямом заимствовании данные элементы не были адаптированы языковой системой-реципиентом), и контактосинтаксемы, включающие компонент, подвергшийся адаптации внутри реципирующей системы.

Что касается последнего типа контактосинтаксем, включающих адаптированные элементы, то среди гомогенных контактосинтаксем данные единицы не представлены. Это может свидетельствовать о «замкнутом» характере заимствований, не предполагающем адаптации внутри заимствующей системы.

Контактосинтаксемы смешанного характера, напротив, включают 5 подобных единиц: *caché de disco*, *impresora láser*, *memoria caché*, *módem de 56 K V.90* (адаптация англоязычных *cache*, *laser modem* путем добавления диакритических знаков (в представленных случаях – акута)), *cable coaxil* («испанизация» англоязычного *coaxial* вследствие правил чтения соположенных гласных).

Гомогенные контактосинтаксемы представлены всего двумя типами: двухкомпонентные (82,5%) и трехкомпонентные словосочетания (17,5%). Перечислим двухкомпонентные

контактосинтаксемы: *back-end processor, base band, block diagram, bus serial, by default, cable link, CompactFlash card, data entry, dial up, down link, Dynamic HTML, flash (memory, RAM), floating point, floppy disk, ghost site, hard disk, help desk, home (cam, page, passed, theatre), hyper band, image map, inkjet printer, junk mail, LAN Manager, laser printer, Liquid Audio, live cam, Lode Data, login name, Mac OS, mailing list, mini (disc, DV), mirror site, movie player, Norma (CDMA, CDPD, GSM, TDMA), screen saver, search engine, set-top box, side band, Silicon (Alley, Valley), start up, Super VGA, touch (pad, screen), twist lock, two-way pager, virtual PC, virus (Class, hoax), voice chat, web (page, site), Windows (2000, 95, 98, CE, NT).*

Трехкомпонентные контактосинтаксемы представлены следующими специальными единицами: *composite triple beat, digital signals process, dot matrix printer, file not found, floating point package, pay per view, plug & play, Prety Good Privacy, Quality of Service, Short Message Service, Video Home System, Windows NT (Server, Workstation), World Wide Web.* Таким образом, компоненты *flash, home, mini, Norma, Silicon, touch, virus, web, Windows NT* могут являться первыми компонентами контактосинтаксем. Контактосинтаксема *Prety Good Privacy* представлена неправильным орфографическим вариантом *Prety*.

Контактосинтаксемы смешанного характера представлены пятью типами: двух- (56%), трех- (24%), четырех- (13,5%), пяти- (5%) и семикомпонентными (1,5%) словосочетаниями. Перечислим двухкомпонентные контактосинтаксемы: *aplicación web, ataque DDoS, diseño web, ficha (miniplug, RCA), función "built-in", hacer (clic/click, spam), audiencia on-line, indicador "built-in", interfaz web, memoria (flash, RAM, ROM, USB), navegador web, operación "built-in", página web, PC industrial, placa Ethernet, policia internet, robot antropomorfo, sistema CAD, sitio web, software (libre, malicioso), tarjeta CompactFlash.* По типу синтаксической связи все вышеприведенные контактосинтаксемы относятся к именному типу, за исключением *hacer (clic/click, spam)*, относящихся к глагольным.

Подразделим трехкомпонентные контактосинтаксемы на именные (*ataque de hackers, función de hash, ingenieria del "software", Internet en línea, marcador de Internet, MP1,2,3 y 4, proveedor de internet, puerto infrarrojo IrDA, retroiluminación por LED, soporte con PoE, tasa*

de bits, versión de firmware) и глагольные (*enviar el link, hacer un klik*). Очевидно, что подавляющее большинство также относится к именному типу.

Четырех- (*bus universal en serie, dimensionamiento de la UPS, editor de páginas web, en unos pocos clics, lenguajes de programación web, pager de doble vía scroll horizontal o vertical, software de código abierto*), пяти- (*dispositivo de salida de audio, proveedor de servicios de Internet, web de hospedaje y descarga*) и семикомпонентные контактосинтаксемы (*editor de gráficos de mapa de bits*) представлены единичными случаями.

Анализ 144 специальных контактосинтаксем, зафиксированных в трех онлайн-словарях испанского компьютерного подязыка (одном переводном и двух испаноязычных), позволяет сделать вывод о сложности структуры предметной области и определить ее как постоянно развивающуюся. Контактосинтаксемы составляют 19% от общего числа заимствованных специальных единиц на различных языковых уровнях, что свидетельствует о том, что их доля относительно велика. Именные группы представляют абсолютное большинство среди контактосинтаксем. Глагольные контактосинтаксемы представлены специальными единицами *enviar el link, hacer (clic/click/un klik, spam)*. Интересно отметить, что доля инициальных аббревиатур среди англоязычных компонентов контактосинтаксем составляет всего лишь 14%. Что касается средней длины контактосинтаксемы, то нам удалось выявить определенную закономерность: чем выше доля англоязычных заимствований, тем короче средняя длина специального словосочетания.

Комплексный подход, основанный совместном применении качественных и количественных критериев, позволил установить, что коэффициент соотношения гомогенных (55%) и смешанных контактосинтаксем (45%) равен 1.2, то есть оба типа находятся практически в равновесии. Однако наибольший дисбаланс заметен среди двухкомпонентных гомогенных синтаксем, которые превышают число смешанных ровно в два раза. Что касается трехкомпонентных контактосинтаксем, то их число идентично среди гомогенных и смешанных. Можно сказать, что язык-реципиент достаточно активно заимствует контактные элементы, не стремясь к

адаптации: адаптация наблюдается лишь на фонетико-графическом уровне (*caché de disco, coaxil, impresora láser, memoria caché, módem de 56 K V.90*).

Англо-испанские языковые контакты в компьютерном подъязыке достаточно обширны. Оба языка входят в тройку мировых языков, что, несомненно, приведет к еще большему взаимовлиянию специальной лексики обоих языков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

10 Facts About the Spanish Language [Электронный ресурс]. URL: http://spanish.about.com/od/historyofspanish/a/10_facts_about_spanish.htm (дата обращения: 16.01.2016).

Глоссарий компьютерных терминов [Электронный ресурс]. URL: http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=ru&base=es_computers&page=showindex (дата обращения: 16.01.2016).

Глоссарий по телекоммуникациям [Электронный ресурс]. URL: http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=ru&base=es_comunic&page=showindex (дата обращения: 16.01.2016).

Лобанова М.А. Структурно-семантические особенности современной компьютерной терминологии (на материале испанского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М. А. Лобанова; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. - Екатеринбург. 2009.

Юрьева М.Д. Англицизмы в компьютерной терминологической системе современного испанского языка в Интернете // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – №4. – С. 231-241.

Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <http://www.http://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=5&l2=2&CL=1&a=0> (дата обращения: 16.01.2016).

УДК 811.111'25

Зырянова Н.Э.

Екатеринбург, Россия

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
АНГЛИЙСКИХ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ В
ФОРМАЛЬНОМ
ЗНАЧЕНИИ РАВЕНСТВА**

Аннотация. Английские сравнительные конструкции в формальном значении равенства требуют при переводе как контекстуального, так и экстралингвистического анализа для принятия верного переводческого решения. Одна и та же конструкция в разных случаях может выполнять функцию сравнения в значении равенства и усилителя признака в значении превосходной степени качества.

Ключевые слова: *фразеологический интенсификатор, амбивалентная конструкция, эмфаза, литота, абсолютная и относительная форма превосходной степени сравнения.*

Сведения об авторе: Зырянова Наталья Эдуардовна, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Уральский государственный горный университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, ул. Хохрякова, 85, к. 3514.

e-mail: nata.natali.zyryanova@mail.ru.

Код ВАК 10.02.01

Zyryanova N.E.

Ekaterinburg, Russia

**SOME ISSUES CONNECTED
WITH TRANSLATION OF
ENGLISH COMPARATIVE
STRUCTURES WITH
FORMAL MEANING OF
EQUALITY**

Abstract. While translating English comparative structures with formal meaning of equality it is necessary to analyze both: the context and extra linguistic parameters to make an adequate translation decision. One and the same structure can, in different cases, perform the function of comparison with the meaning of equality and of intensifier with the meaning of superlative degree of comparison.

Keywords: *phraseological intensifier, ambivalent structures, emphasis, litotes, absolute and relative form of the superlative degree of comparison.*

About the Author: Zyryanova Natalya Eduardovna, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Ural State Mining University.

*“As sly as a fox,
As strong as an ox,
As fast as a hare,
As brave as a bear,
As free as a bird,
As neat as a word,
As quiet as a mouse,
As big as a house...”*

(слова из песни
австралийской певицы Ленки
Крипач *“Everything at once”*).

Текст популярной песни, которая была использована в рекламном ролике к операционной системе Windows 7 и Windows 8 компании Microsoft, построен на одной единственной сравнительной конструкции *“as...as”*. Эту конструкцию (*“as...as”*+ N, где N – эталон для сравнения) можно назвать доминантной сравнительной конструкцией в значении равенства в английском языке. Она передает равную меру признака у сравниваемых объектов, фактически - тождество. Существует целый ряд устоявшихся выражений, построенных по данной схеме, которые часто реализуются в качестве экспрессивных средств: *as busy as a bee; as blind as a bat; as clear as crystal*.

Оборот формального выражения равенства *“as...as”* (варианты: *as much as, as good as, as long as* etc.) встречается в следующем примере: *“Her hands were shaking as much as her insides”*. (Yvonne Whittal *“There is no tomorrow”*). Варианты перевода: *Ее внутренняя дрожь была такой же сильной, как и дрожь в руках; Руки у нее тряслись так же сильно, как и все ее нутро*.

Эта же самая конструкция может показывать равную меру различных признаков в одном предмете: *“Her hair was cropped short and was as dark as Elizabeth’s was blond”*. (John Saul *“Suffer the children”*) *Ее коротко стриженные волосы были настолько же черны, насколько белы были волосы Элизабет*.

Если конструкция *“as...as”* содержит имя числительное и слово *“times”*, то она передает значение неравенства: *Your dress is ten times as beautiful as mine. Твое платье в десять раз лучше*

моего. Выражение равенства с показателем времени, количества, расстояния и т.д. выражает высокую степень признака, выбранного для сравнения: *as early as 2004, as little as 10 minutes, as many as five wives, as far away as Iceland, as young as four*. Пример: *In this deserted oasis the water is disappearing. The underground water table in the area has fallen as much as 10 meters. Вода исчезает в этом оазисе пустыни. Уровень подземных грунтовых вод снизился на целых 10 метров*. Английские сравнительные конструкции, как уже отмечалось, обладают большими экспрессивно-стилистическими возможностями. Конструкция “as + прилагательное или наречие + as + any (anything)” часто утрачивает элемент сравнения и выступает в качестве эмфазы: “*This castle is as ancient a building as any in Scotland*”. *Этот замок – один из самых древнейших в Шотландии*.

Как мы видим, одна и та же синтаксическая конструкция в зависимости от контекста может передавать прямо противоположные значения, т.е. быть амбивалентной. Синтаксическая амбивалентность английского языка порождена существующей в английском языке тенденцией к экономии языковых средств. И особенно «коварной» конструкцией английского синтаксиса для перевода следует признать так называемый сравнительный оборот с формальным значением равенства [Рецкер 2007: 95].

Оборот «as+прилагательное+as+ неопределенное местоимение или наречие» является примером амбивалентной синтаксической конструкции: он может иметь две функции – 1) сравнительная конструкция со значением равенства; 2) фразеологический интенсификатор какого-либо признака или качества. В данном случае оборот, формально выражающий равенство, в действительности имеет значение не сравнительной, а превосходной степени качества. *Harry was as great a sinner as ever. Гарри был такой грешник, каких свет не видал, т.е. самый большой грешник на свете*.

Я.И. Рецкер приводит в качестве примера цитату из романа Ч.Диккенса «Дэвид Копперфильд» [Рецкер 2007: 99]: «*I believe our boys were, generally, as ignorant a set as any schoolboys in*

existence, they were too much troubled and knocked about to learn». В некоторых редакциях перевода романа данная конструкция ошибочно передана со значением равенства: «Мне кажется ученики моего пансиона были так же невежественны, как любые другие школяры; их слишком запугивали и колотили, чтобы ученье пошло впрок». Правильный перевод: «Мне кажется, что невежественнее наших учеников не было в мире».

Цитата из романа Теккерея «Ярмарка тщеславия»: “*And when at length home was reached, Miss Amelia Sedley skipped out on Sambo’s arm, as happy and as handsome a girl as any in the whole big city of London*”. «И когда, наконец, они доехали до дому и мисс Эмилия Седли выпорхнула из кареты, опираясь на руку Сембо, - *другой такой счастливой и хорошенькой девушки нельзя было найти* во всем огромном Лондоне». По существу, это означает, что Эмилия была *самой счастливой девушкой* в Лондоне.

Анализ материала показывает, что компаративная конструкция в функции фразеологического интенсификатора может выражать относительное и абсолютное превосходство. В английском языке параллельно существуют две формы: *as great as any – the greatest; As aristocratic as any – the most aristocratic*. Для сравнения: в русском языке «самый талантливый» - абсолютное превосходство; «талантливейший» - относительное превосходство, т.к. «талантливейших» (н-р, поэтов) может быть несколько.

Смысловое значение переводимой конструкции переводчик выводит из всего контекста, а не из отдельного предложения. Я.И. Рецкер неоднократно подчеркивал тот факт, что жанр переводимого материала играет определяющее значение при определении функции компаративной конструкции [Рецкер 2007: 102-106].

Цитата из повести Теккерея «Роковые сапоги»: “*When I heard this, I made a sudden bound back, and gave such a cry as any man might who was in such a way*”. *Я издал такой громкий крик, как это сделал бы всякий на моем месте*. Имеет место сравнение равенства: говорящий вовсе не хочет сказать, что закричал громче, чем это сделал бы другой на его месте. Определить

функцию сравнительной конструкции в данном случае помогает контекст.

Сравнивая газетный или научно-технический текст с художественным текстом, необходимо отметить, что в первом случае, как правило, отсутствует дополнительная экспрессивность, присущая художественному тексту. В связи с этим, компаративная конструкция передает значение равенства. В художественном тексте данная конструкция чаще имеет значение усиления или эмфазы.

При переводе нередки случаи употребления так называемой «обратной гиперболы» или «литоты» (стилистическая фигура преуменьшения, нарочитого умаления для усиления выразительности): Например, «какого свет не видал», «каких немного»; Это примеры литоты – гиперболы. Более тонкий, «осторожный» способ перевода – литота-эвфемизм – нарочитое смягчение выражения путем замены слова противоположным, отрицательным по значению: «неплохо» вместо «хорошо», «не возражаю» вместо «согласюсь». Примеры литоты-эвфемизма: «не хуже других», «ничем не уступает». *"He may grant an interview while he swims, and the number of sun-lighted conferences on his patio or on one of his boats are so many they have gone uncalculated. Yet they have been as vital as any other conferences"*. Он дает интервью в плавательном бассейне, а количество конференций и совещаний, проведенных им под открытым небом, на веранде белого дома или на одной из его яхт так велико, что им потеряян счет. Однако, они имеют не менее важное значение, чем другие.

Выбор способа перевода зависит от экстралингвистического контекста. *"Poet, editor, literary critic and short story writer he, as much as any other writer, deserves the name of the father of the modern short story"*. (Об Эдгаре По в предисловии к сборнику его коротких рассказов) [Рецкер 2007: 103] Варианты перевода: *Не меньше любого другого заслуживает* (литота). *Больше, чем кто-либо из писателей заслуживает* (интенсификатор, превосходная степень). Эдгар По в США является подлинным основателем жанра «короткого рассказа», поэтому правильным будет второй вариант.

Таким образом, при переводе сравнительной конструкции в значении формального равенства, необходимо провести контекстуальный и экстралингвистический анализ для выбора адекватного переводческого решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бузаджи Д.М., Маганов А.С. Техника перевода. Грамматические аспекты перевода. Сборник упражнений по переводу с английского языка на русский. // Москва: Изд-во Валент, 2007. – 207 – с.52-60.

Зинатуллин В.Ш., Чибисова Е.Ю. Эмфаза в англоязычной научной литературе: способы выражения и принципы перевода. – Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2009. – №2. – с.129-133.

Петроченко Л.А., Федеряева Н.О. О способах выражения категории компаративности. – Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 9. – С. 45-51.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. // Москва: Изд-во Валент, 2007. – С. 92-106.

Рубцов П.В. Синтаксическая амбивалентность как проблема переводоведения. – Вестник московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 558. – С. 103-120.

УДК 811.111'373

Клюжева Н.В.

Владимир, Россия

**ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ
МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Основываясь на идеях, изложенных проф. А.В. Куниным и его учениками, в статье затрагиваются основные методы изучения фразеологических единиц и приёмы их переосмысления в стилистических целях. Анализ проводится согласно типологическому методу на материале современного английского языка.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, значение, типологический метод.

Сведения об авторе: Клюжева Наталья Витальевна, преподаватель английского языка кафедры ИЯПК.

Место работы: Владимирский государственный университет.

Контактная информация: 600015, г. Владимир, проспект Ленина 35А - 20.

e-mail: kluzhevanatalia@mail.ru

Код ВАК 10.02.01

Kluzheva N.V.

Vladimir, Russia

**TYOPOLOGICAL METHOD OF
RESEARCH OF
PHRESEOLOGICAL UNITS IN
ENGLISH**

Abstract. Following the ideas put forward by Alexander V. Kunin and his disciples, the author treats the main methods of research of phraseological units and the ways of their transformation for stylistic purposes. The analysis is based on phraseological units using in Modern English according to typological method of research.

Keywords: phraseology, phraseological units, meaning, typological method.

About the Author: Kluzheva Natalia Vitalyevna, Teacher of English of the Chair of Foreign Languages PC.

Place of employment: Vladimir State University.

Фразеология является своеобразной и яркой составляющей любого языка. Фразеологические обороты привлекают внимание исследователей на протяжении многих лет. Фразеологические единицы заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком (новых) сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями

предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций и т.д. [Кунин 1996: 5]. Вместе с тем, фразеология, как самостоятельная дисциплина оформилась сравнительно недавно. Труды отечественных учёных (Поливанов Е.Д., Ларин Б.А., Виноградов В.В., Кунин А.В.), посвящённые изучению фразеологического состава языка способствовали появлению и накоплению систематизированных фактов к созданию фразеологии как лингвистической дисциплины. С появлением работ В.В. Виноградова в 40-х годах XX столетия связывают многие вопросы общего теоретического характера. С конца 50-х годов О.А. Ахмановой и А.И. Смирницким разрабатывались вопросы, связанные с описанием фразеологизмов, как структурных единиц языка. Английские и американские учёные не рассматривают фразеологию, как отдельную лингвистическую науку. Работы, посвящённые теории фразеологии, сравнительно немногочисленны, однако и в них отсутствует рассмотрение фундаментальных вопросов, таких как, системность фразеологии, фразеологическая вариативность, фразеобразование и методы изучения фразеологических единиц. Таким образом, приоритет в выделении фразеологии в качестве отдельной лингвистической дисциплины принадлежит отечественной науке.

Фразеологизмы являются значительно более сложными образованиями, чем слова. Поскольку мы имеем дело с анализом фразеологических единиц (ФЕ), считаем необходимым осветить происхождение ФЕ, в особенности английские ФЕ. Источники происхождения ФЕ очень разнообразны. Их можно разделить на две категории: исконно английские и заимствованные ФЕ, и в свою очередь они подразделяются на внутриязыковые и межязыковые. Выделяют четыре основные группы ФЕ:

1) Исконно английские ФЕ;

Исконно английские ФЕ связаны с традициями, обычаями и поверьями английского народа, а так же с реалиями, преданиями, историческими фактами. Приведём примеры: *by bell, hook and candle* – окончательно, бесповоротно; по всей форме (отражают традиции и обычаи); *blue stocking* - синий чулок (реалии); *a Sherlock Holmes* – сыщик любитель, *a black*

sheep – паршивая овца (связь с поверьями); *the stars were against it* – сама судьба против этого (связанные с астрологическими заблуждениями); *fortunate's purse* – неистощимый кошелек (взяты из сказок и басен); *halcyon days* – спокойные, мирные дни (связь с преданиями); *the curse of Scotland* – проклятие Шотландии, девятка бубен (связь с историческими фактами).

2) Межязыковые заимствования, то есть ФЕ заимствованные из американского варианта английского языка;

3) Межязыковые заимствования ФЕ, т.е. заимствованные из иностранных языков путем того или иного вида перевода;

Многие заимствованные ФЕ восходят к античной мифологии: *the golden age* – золотой век, *Lares and Penates* – домашний очаг. С гомеровскими поэмами «Илиада» и «Одиссей» связаны выражения *Homeric laughter* – гомерический хохот (оборот связан с описанием Гомера смеха богов); *winged words* – крылатые слова. Из греческой истории и легенд взяты: *the Gordian Knot* – гордиев узел; *the unwritten law* – неписанный закон (принадлежит афинскому законодателю Солону), от Платона идут: *Platonic love* – платоническая любовь. Ряд выражений восходит к басням Эзопа: *the mountain has brought forth a mouse* – гора родила мышь. Многие английские фразеологизмы связаны с Древним Римом: *life is not a bed of roses* – жизнь прожить-не поле перейти. Но имеются ФЕ заимствованные из латинского языка через французский, они не употребляются во французском языке: *anger is a short madness* – гнев-недолгое безумие (лат. *Ira furor brevis est* – Гораций). *Homer sometimes nods* – каждый может ошибаться (лат. *Indignor, quamnoque bonus dormital Homerus*). В английском языке встречаются заимствования из немецкого, французского, датского, голландского, итальянского, китайского языков. Важно упомянуть, что анализ заимствований помогает понять, что аналогичные понятия по-разному оформлены в различных языках. То, что в английском, французском, испанском языках является словосочетанием, а в немецком выражается зачастую сложным словом. Некоторые ФЕ в современных языках представляют собой кальки оборотов, зачастую с латинского языка. Многие фразеологизмы совпадают в русском языке без какого-либо заимствования (*a bird of passage*

– перелётная птица). К сожалению, не всегда удаётся установить с достаточной точностью источники заимствования того или иного фразеологизма.

4) ФЕ, заимствованные в иноязычной форме;

Фразеологическая единица имеет ряд признаков, отличающих её как от слова, так и от свободного словосочетания. Большинство учёных выдвигают на первый план устойчивость ФЕ как одну из основных дифференцирующих признаков для классификации. Особенность их отличия от переменных сочетаний слов, анализ типов их значений, структуры, зависимости компонентов, узуального и окказионального употребления требуют особых методов исследования. Ни один отдельно взятый метод не может претендовать на доминирующее положение из-за многогранности фразеологии. «Метод представляет определённый подход к изучаемому явлению, определённый комплекс положений, научных и чисто технических приёмов, применение которых даёт возможность изучить данное явление. Поэтому метод всегда является системой» [Общее языкознание 1973: 258]. Общие задачи типологического исследования языков, который является одним из перспективных направлений лингвистики, особенно актуальны в описании фразеологической системы языков. В современной литературе нет единого мнения о соотношении сходств и различий во фразеологических составах неродственных языков. Совершенно очевидно, что назрела необходимость исследования фразеологических систем отдельных языков с позиций широкого типологического обобщения, с целью выявления закономерностей, присущих этому уровню языка в целом. Существуют разные подходы к структурированию фразеологического материала. Для оценки результатов описания различных сфер фразеологического состава языков, ФЕ можно группировать, придерживаясь различных принципов: по тематическим группам (к примеру, названия растений – пастушья сумка – *shepherd's purse*; венерин волос – *maiden hair*), лексико-семантическим группам (например, группа ФЕ со значением «быстрое движение» - бежать во весь дух, жать на педали), по семантическим полям (поле

«несправедливость» - валить с больной головы на здоровую, козёл отпущения) и т.д.. Однако составление подобных классификаций имеет существенный недостаток – это непосредственно сама терминология. Отмечено, что сами авторы довольно произвольно оперируют указанными терминами, выделенную по ономаσιологическому принципу, тематическим рядом, а тематический ряд – семантическим полем. Одних наименований с термином «поле» в их составе насчитывается примерно около ста.

Специфичность ФЕ в национально-культурном плане, отображаемых в национальной культуре, национальной истории, национальной экономики, национальном складе характера не вызывает сомнений. Совершенно верно в связи с этим, что фразеология отражает мир чувств, образов, оценок того или иного народа, она самым непосредственным образом связана с культурой речи. Но фразеология – это к тому же и зеркало, отражающее особенности системной организации языка и его структуры. Фразеология предлагает различные типы классификаций фразеологического состава языка в зависимости от свойств фразеологизмов и методов их исследования. А.В. Кунин представил наиболее современную классификацию ФЕ английского языка. Он выделяет четыре больших класса: А- номинативные ФЕ; Б- номинативно-коммуникативные ФЕ; В- междометные ФЕ и модальные ФЕ междометного характера; Г- коммуникативные ФЕ.

Существование фразеологического значения как лингвистической категории служит предметом обсуждения среди исследователей фразеологии. А.В. Кунин выделяет три основные разновидности фразеологического значения: идиоматическое, фразеоматическое и идиофразеоматическое [Кунин 1986: 122-123]. Для идиофразеоматизмов и идиоматизмов характерно переосмысленное значение, а фразеоматизмы – с точки зрения их семантической сложности, без переосмысления значения. Во фразеологизмах языковеды рекомендуют отталкиваться от элементарных эвфонических и лексических выразительных средств [Кунин 1996: 261]. К элементарным эвфоническим

выразительным средствам относятся аллитерация, ассонанс и рифма. К элементарным лексическим выразительным средствам можно отнести антонимы, синонимы и повторы. Возможны комбинированные средства, такие как аллитерация с рифмой или повторы с аллитерацией, сопоставление антонимов и рифмы и т.д. В основе типологического метода исследования ФЕ по теории А.В. Кунина лежит процесс фразеологической номинации, т.е. фразеологическое переосмысление. Процесс фразеологической номинации является медленным и постепенным, длящимся годами до момента полного приобретения ФЕ общеупотребительной воспроизводимости. Сложность фразеологической номинации в отличие от номинации словной объясняется раздельнооформленностью ФЕ, сочетанием в ней слов с различными типами значений, соотносённостью с фразеологическим прототипом, богатством внутренней формы и коннотации [Кунин 1980: 25]. Переосмысление является одним из способов познания действительности в сознании человека. Процесс переосмысления заключается в том, что старая форма используется для вторичного или третичного наименования путём переноса названий и семантической информации с детонантов прототипов ФЕ или фразеологических вариантов соответственно на детонанты ФЕ или фразеосемантических вариантов [Кунин 1986: 132-133]. Основными типами переосмысления являются метафора и метонимия. Различные виды переосмысления с учётом структур, в которых реализуется фразеологическое значение, лежат в основе классификации типов фразеологического значения. В ходе анализа фразеологического значения используется ряд процедур. Анализ фразеологического значения предполагает семный анализ, выделение степеней абстракции [Fedulenkova 2009: 42], анализ компонентов коннотации [Кунин 1996: 177] и анализ внутренней формы [Кунин 1996: 165]. При анализе значения ФЕ степени абстракции выделяются в зависимости от характера абстрагирования от лексического и грамматического значения компонентов фразеологизма, а также от прототипа фразеологизма и значения синтаксической конструкции. Характер внутренней формы устанавливается при помощи

процедуры сопоставления значения фразеологизма с буквальными значениями его компонентов. Анализ коннотации осуществляется путем выделения ее компонентов: образно-неэмотивного, эмотивного, функционально-стилистического и других [Кунин 1996: 179].

Системные связи в сфере фразеологии очень многообразны. Тем не менее, применяя любые процедуры анализа и описания фразеологии, исходим из фразеологической концепции А.В. Кунина, предложенной им классификации типов фразеологического значения и методов фразеологического исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. Труды. М., 1986. – С. 243.

Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. – М.: Высш. шк., 1970. – 344 с.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1986. – С. 122-135.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.

Серебренников Б.А. Общее языкознание: методы лингвистических исследований // Ин-т языкознания АН СССР; отв. ред. Б.А. Серебренников // М.: Наука, 1973. – 318с.

Fedulenkova T. Phraseological Abstraction // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August 2008 / T. Fedulenkova (ed.). – Arkhangelsk; Aarhus, 2009. – P. 42-54.

УДК 81'373.46

Кокорина Ю.Г.

Москва, Россия

**«ВСЮ ЖИЗНЬ Я СОБИРАЛ И
НАКАПЛИВАЛ ЗНАНИЯ В
СВОЕЙ ОБЛАСТИ» (ИЗ
ИСТОРИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ)**

Аннотация. Данная статья посвящена анализу терминологии последнего труда выдающегося российского археолога М.И. Ростовцева, вышедшего до отъезда из России в 1918 году. Книга «Скифия и Боспор» содержит термины, которые ученый ввел впервые, термины, которые отражают его дар предвидения, и термины, являющиеся данью научной традиции

Ключевые слова: историческое терминоведение, археологическая терминология, история археологии в России, М.И. Ростовцев, археология Причерноморья и Крыма

Код ВАК 10.02.21

Kokorina J.G.

Moscow, Russia

**«I COLLECTED ALL LIFE
AND ACCUMULATED
KNOWLEDGE IN THE
FIELD» (FROM HISTORY OF
ARCHAEOLOGICAL
TERMINOLOGY)**

Abstract. Given article is devoted to analysis of terminology of last work of the outstanding Russian archeologist M.I.Rostovtsev who has left before departure from Russia in 1918. The book «Scifia and Bosphorus» contains terms which the scientist has introduced for the first time, terms which reflect its gift of a prediction, and the terms which are a tribute of scientific tradition

Keywords: Historical terminological studing, archaeological terminology, archeology history in Russia, M.I.Rostovtsev, archeology of the Northern coast of Black Sea and Crimea

Сведения об авторе: Кокорина Юлия Георгиевна, доктор филологических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры «Высшая школа реставрации».

Место работы: Российский государственный гуманитарный университет

Контактная информация: 125993, Москва, Миусская площадь, д.6.
e-mail: kokorina@inbox.ru

About the Author: Kokorina Julia Georgievna, Doctor of Philology, The expert in educational and methodical work

Place of employment: Russian State University for Humanists

Слова, вынесенные в заглавие статьи, принадлежат выдающемуся российскому историку античности и археологу М.И. Ростовцеву (1870-1952). Данная работа посвящена рассмотрению терминологии последнего его труда, опубликованного в России. И биография самого автора, и путь издания его труда отражают драматический характер российской истории начала XX века. Эта работа была передана в Археологическую комиссию в Петрограде в 1918 году. Опубликована в 1925 году. Речь идет об обобщающем труде М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор». Сам выдающийся российский историк античности и археолог, не приняв Великую Октябрьскую революцию и покинув Россию в 1918 году. Но его основательный труд, посвященный археологии Северного Причерноморья и Крыма, до наших дней во многом остается актуальным. Многие теоретические положения, высказанные ученым, не утратили своего значения до наших дней, и термины, предложенные исследователем, стали достоянием отечественной науки. Поэтому их анализ представляется актуальным.

Какие группы терминов использует М.И. Ростовцев в своем труде? Ученый применяет термины теоретической археологии: *памятники археологические, архитектурные сооружения, архитектурные фрагменты, памятники скульптуры не погребального характера, археологический материал*. Анализируя *вещественные памятники*, он выделяет на Боспоре «эпоху эллинизма и римское время», проводя, таким образом, историческую реконструкцию высокой степени обобщения.

Широта задач, которые ученый ставит перед археологией, прослеживается в использовании вводимых им терминов. Так, говоря о необходимости подробного изучения *надгробных стел*, покрытых рельефами, он отмечает, что это важно « не только для характеристики *быта, костюма, вооружения* и тому подобного, но имеет крупное значение и для разрешения вопроса о *загробных верованиях* боспорцев, и для установления *культурных связей* Боспорского царства с другими *культурными центрами* античного мира» [Ростовцев 1925:163]. Так, использованные ученым термины, прочно вошедшие в исторические конструкции при археологических

исследованиях, говорят об великом провидении ученого. Опережая свое время минимум на пятьдесят лет, М.И. Ростовцев вводит в теорию археологии термины *внутренний* и *внешний признаки*. В 1950-х годах о них напишет, независимо от М.И. Ростовцева, французский археолог-теоретик Ж.-К. Гарден [Гарден 1983], и в настоящее время эти термины обсуждаются в теоретических работах по археологии [Лихтер 2015].

Вклад М.И. Ростовцева в археологическую теорию фиксируется терминами, которые использует ученый: «для этого необходимо все эти *памятники* изучать как одно целое по *категориям*, определить *эволюцию* каждой *серии*, как таковой, выяснить *хронологию* и происхождение отдельных групп в каждой *серии* и выделить из *серий* то, что наиболее *типично* именно для Боспора» (С.162). При этом в терминологии М.И. Ростовцева задолго до труда основоположника *типологического метода* в России В.А. Городцова употреблены термины *категория*, *типический*, *серия* и т.п. Напомню, что работа В.А. Городцова вышла в 1927 году [Городцов 1995].

Эмоциональное отношение к памятникам древности, ярко проявляющееся в языке археологии первой половины XX века, разумеется, не с такой силой, но проявляется в лексике М.И. Ростовцева. Это прослеживается на примере таких высказываний, как *интересные бюсты*, *разноцветные сосудики*. Но это, скорее, исключение, чем правило.

Предыдущему периоду в истории археологии в России было свойственно пренебрежительное отношение ко всем предметам, не являющимися памятниками искусства или выполненным из драгоценных материалов. Остатки этой традиции прослеживаются и у М.И. Ростовцева: «*мелких предметов обихода* и художественной промышленности найдено, конечно, больше» [Ростовцев 1925:157]. Обозначая основной источник информации о жизни древнего населения Северного Причерноморья, ученый употребляет наряду с термином *предмет* термин *вещь*, приводя ему эквивалент – термин *образец*, который будет использоваться в археологической терминологии нашего времени.

М.И. Ростовцев дает обозначения вещам, составляющим античную материальную культуру – *туалетные ящики, деревянные токарные (современный термин – точеные) сосуды, резная деревянная мебель, поделки из кожи* – которые прочно вошли в современную археологическую терминологию. Своеобразна лексика, используемая для обозначения древнегреческих сосудов в труде «Скифия и Боспор»: наряду с термином *сосуды* используется собирательное наименование *вазовый материал*. Здесь сказывается неразработанность классификаций древнегреческих сосудов – в настоящее время для наименования разных типов ваз, как говорили археологи XIX столетия, используются термины, заимствованные из древнегреческого и латинского языков: *ойнохойя, писксида, лекана, гуттас, лутерий* и т.п. Во времена М.И. Ростовцева такая традиция только складывалась, и ученый способствует ее созданию: в его труде встречаются термины *кратер, амфора, писксида, лекиф, пелика* и другие. Ученых того времени больше интересовала роспись сосудов – и М.И.Ростовцев использует термины *аттические расписные сосуды, орнаментальные мотивы*, поддерживает выделение особого типа ваз керченского стиля.

Исследователем внесен значительный вклад не только в теоретическую и непосредственно в античную, но и в полевую археологию. М.И. Ростовцевым продолжается традиция предыдущих археологов в использовании терминов полевой археологии: *раскопка* (современное слово – *раскопки* как процесс и *раскоп* как место проведения полевых работ), *курган, гробница* (современный термин – *погребение*). Приведу небольшую цитату, в которой прослеживается ряд терминов, со времен М.И. Ростовцева, прочно укрепившихся в современной археологической лексике: «*Инвентарь погребений составляет наш главный археологический материал. Сами же погребения, их живописное и скульптурное убранство, их архитектура являются главным свидетелем отдельных этапов развития архитектуры, монументальной живописи и декоративной скульптуры в пределах городов Боспора*» [Ростовцев 1925:157]. Из приведенных терминов не используется в современной археологической терминологии только слово *убранство*, остальные прочно вошли в археологическую лексику. В полевую

археологию вошли такие термины, как *инвентарь погребений, исследования разведочного характера* (современный термин – *археологические разведки*), *стратиграфия городищ, слой*. М.И. Ростовцев активно использует такой термин полевой археологии, как *материк* (поверхность, на которой отсутствуют следы жизни древних людей), а этот термин только входил в археологию во второй половине XIX века. Ученый применяет термины *насыть кургана, погребальная камера*, он выделил такой тип античных погребений как *погребения с каменными камерами* [Ростовцев 1925:160], вводит термины *погребальная комната, курганный склеп, камера с уступчатым покрытием*.

При этом он дает определения ряда терминов, как например, «высеченных в скале или вырезанных в глине подземных камер, которые у нас принято называть *катакомбами*» [Ростовцев 1925:163].

М.И. Ростовцев отдает дань бытоописательному изучению древностей предыдущих эпох, видя задачу археологии Боспора в описании «быта и религии греческих поселенцев» [Ростовцев 1925:158]. Все археологические исследования ученый разделяет на изучение быта, нравов и материальной культуры древних людей [Ростовцев 1925:163]. Ученый тонко отличает *некрополи* греческих *городов* от *некрополей* полугреческих *поселений* – то есть для разных реалий используются различные термины: *город и поселение*.

Присутствуют в лексике М.И. Ростовцева и заимствованные термины: восходящие к древнегреческим реалиям – *некрополь* (город мертвых), *саркофаг*, иноязычным терминам – *фактории* (временные поселения греческих колонистов в Северном Причерноморье).

Для лексики М.И. Ростовцева свойственны слова, которые кажутся современному исследователю примером модернизации: «шедевры греческой художественной *промышленности*» [Ростовцев 1925:161], тогда как, разумеется, никакой промышленности в античном мире не было – было *ремесло*. Использует ученый и термин *производство* – *ткацкое производство* – который является более подходящим для древности и используется современными археологами. Наряду с

терминами *предмет, вещь, образец* ученый использует термин *изделие* для обозначения археологических находок. В настоящее время данный термин используется в связи с обращением археологов к достижениям новой дисциплины – *технетики* [Щапова 2000].

Термины *архитектурные гробничные сооружения, гробы*, примененные М.И. Ростовцевым, в настоящее время не используются в археологической науке.

Таким образом, в терминологии, использованной выдающимся российским археологом-антиковедом, нашли отражение и глубокий интерес исследователя к теоретическим проблемам, его научное предвидение, внимание к полевой археологии и новаторское введение новых терминов – особенно терминов, обозначающих античные сосуды. В его научной лексике просматривается масштаб научной личности, личности глубокого исследователя Северного Причерноморья и Крыма, личности, которую мы в наши дни по-новому открываем для себя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М.: Прогресс, 1983. – 297 с.

Лихтер Ю.А. Вещественный источник и база данных – принципы взаимодействия. М.: ООО «ТМ Продакшн», 2015 – 414 с.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. М.: Российская Академия истории материальной культуры, 1925. – 621 с.

Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение. М.: МГУ, 2000. – 142 с.

УДК 81'373

Коноваленко И.В.

Петренко Е.Е.

Омск, Россия

**О СООТНОШЕНИИ
ТЕРМИНОВ «НАУЧНЫЙ
СТИЛЬ», «НАУЧНЫЙ
ПОДСТИЛЬ», «ЯЗЫК
СПЕЦИАЛЬНОСТИ»,
«СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

Аннотация. Статья представляет собой обзор подходов к соотношению терминов «научный стиль», «научный подстиль», «язык специальности», «сфера деятельности».

Ключевые слова: научный стиль, подстиль, язык специальности

Код ВАК 10.02.01

Konovalenko I.

Petrenko E.

Omsk, Russia

**ABOUT THE CORRELATION
OF THE TERMS
«SCIENTIFIC STYLE»,
«SCIENTIFIC SUBSTYLE»,
«THE LANGUAGE OF THE
SPECIALTY», «THE FIELD
OF ACTIVITY».**

Abstract. The article presents the review of approaches to the correlation of the terms «scientific style», «scientific substyle», «the language of the specialty», «the field of activity».

Keywords: scientific style, substyle, the language of the specialty.

Сведения об авторе: Коноваленко Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков.

Петренко Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков.

Место работы: Омский автобронетанковый инженерный институт.

Контактная информация: 644110 г.Омск, ул.Заозерная 3б-94.

e-mail: irkonovalenko@yandex.ru, petrenkoe@mail.ru

About the Author: Konovalenko Irina, master of philology, Associate Professor, Department of Foreign and Russian Languages.

Petrenko Elena, master of philology, Associate Professor, Department of Foreign and Russian Languages.

The place of the work: Omsk auto-tank engineer institute.

Одним из требований культуры владения языком является свободное использование его функциональных разновидностей. Для иностранных студентов важно уметь воспринимать и продуцировать специальную речь. Научный стиль – основа подготовки к овладению профессиональной речью.

Цель статьи – показать соотношение терминов, используемых при обучении РКИ.

В научной литературе по РКИ при рассмотрении научного стиля встречаются термины научный стиль, научный подстиль, язык специальности, сфера деятельности.

Обзорно рассмотрим соотношение данных терминов.

В научном стиле как стиле, обслуживающем научную сферу общественной деятельности, исследователи выделяют подстили, в которых сохраняются основные черты стиля, но в то же время обнаруживаются специфические особенности, частные стилевые черты, как бы наслаивающиеся на основные.

В рамках научного стиля, т.о., выделяются следующие подстили: научно-гуманитарный (включает подязыки отдельных специальностей, например, философии, политэкономии, истории и др.), научно-технический (включает подязыки технических наук, которые изучают закономерности «вторичной» природы, это такие науки, как математика, информатика), естественно-научный (включает подязыки естественных наук, которые, в свою очередь, изучают природу, такие науки, как физика, химия, биология, астрономия).

Рассмотрим отличия подстилей, в частности, на лексическом уровне.

Традиционно отмечается, что такие различия обусловлены в основном наличием терминологической лексики. Тем не менее, значимыми для практики преподавания РКИ представляются отличия, касающиеся общенаучного пласта лексики, т.е. той лексики, которая одинаково широко представлена в разных подстилях научного стиля речи. Здесь следует выделить два основных фактора.

1. Слово общенаучного пласта в разных подстилях имеет разную систему окружения, актуализирует разные синтагматические связи. Так, например, для естественников актуальны связи глагола *совершать*— *совершить* в значениях 'сделать, осуществить, произвести' со словами, обозначающими физические процессы, например, *совершать колебания, движение* и др.; для гуманитариев – связи этого глагола со словами,

обозначающими социальные явления, например, *совершить революцию, переворот* и др.

2. Многозначное слово общенаучного пласта в разных подстилях появляется в различной сочетаемости. Так, например, глагол *поддерживать* актуален как для учащихся естественных вузов, так и гуманитарных, но с разной степенью сочетаемости: естественные науки - *поддерживать постоянный уровень чего-либо, нормальные условия чего-либо*; гуманитарные науки - *поддерживать кого в борьбе за что, против кого*

Менее изученными являются различия на морфологическом уровне, но они тоже есть. Приведем пример. В научном стиле речи глагольная форма несовершенного вида настоящего времени обычно имеет так называемое вневременное значение в отличие от общелитературного языка, где чаще реализуется настоящее актуальное время, ср.: *Книга лежит на столе / Равнина лежит восточнее Уральских гор*. Эта же форма в подъязыке юриспруденции в законодательных актах используется в значении настоящего должностования: *Капитальный ремонт лежит на нанимател*).

Таким образом, как видим, научный стиль речи и язык специальности – явления системно родственные, но неоднородные

Рассмотрим соотношения терминов язык специальности и сфера деятельности.

Л.П. Клобукова отмечает при этом непоследовательность употребления термина аспект. Например, мы используем термин аспект и в другой сочетаемости - фонетический аспект изучения языка, лексический.

Говоря о целесообразности выделения в процессе преподавания в качестве основных аспектов: "язык специальности", "язык газеты, радио, телевидения", "язык художественной литературы", она тем самым показывает выделение сфер деятельности с учетом двух параметров: а) тематика коммуникации, б) условия протекания акта коммуникации (официальное / неформальное общение). И тогда выделяется:

1. Учебно-научная сфера. Общение в данной сфере предполагает слушание лекций, участие в работе семинарского

занятия, выступление с докладом на научной конференции, обсуждение профессиональных проблем с товарищами по группе и др.

Нужно отметить, что в данной сфере выделяют подсферы, имеющие определенное своеобразие: слушание лекций, подготовка к семинару, работа в семинаре, сдача зачетов и экзаменов, консультации и коллоквиумы, подготовка докладов и сообщений на конференции, неформальное общение со студентами на специальные темы, беседа с научным руководителем по теме курсовой работы или диплома, написание курсовой работы или диплома.

2. Общественно-политическая сфера. Примерами коммуникативных актов в данной сфере являются: чтение периодики, слушание радио, просмотр телевизионных передач общественно-политического характера, обсуждение актуальных вопросов международной жизни и др.

3. Социально-культурная сфера. Общаясь в социально-культурной сфере, учащиеся посещают концерты, спектакли, читают художественные произведения, обмениваются впечатлениями о прочитанных книгах, обсуждают проблемы литературы, искусства, спорта и др.

4. Социально-бытовая сфера. В качестве примеров коммуникации в данной сфере можно назвать ежедневное общение в сфере общественного питания, бытового обслуживания и т.п.; обсуждение повседневных бытовых проблем с близкими и родными.

5. Административно-правовая сфера. Общение в данной сфере требует от учащихся умения оформить некоторые виды официальных документов (заявление, объяснительную записку, таможенную декларацию и т.д.).

Исследователи справедливо отмечают, что коммуникативные потребности, возникающие у студентов в перечисленных выше сферах деятельности, неравнозначны. Так, например, речевые потребности в административно-правовой сфере носят достаточно периферийный характер. В социально-бытовой сфере к началу занятий на первом курсе учащиеся уже приобретают необходимые навыки общения в условиях русского языкового окружения.

На основном этапе обучения важнейшими оказываются коммуникативные потребности студентов в учебно-научной, общественно-политической и социально-культурной сферах деятельности.

Аспект «язык специальности» в практике преподавания русского языка используют в двух значениях:

1. Как синоним термина «научный подстиль».
2. Как цикл занятий, направленных на углубленное изучение отдельных функциональных языковых подсистем с целью подготовки обучающихся к общению в определенных сферах их деятельности.

В качестве вывода дадим определение рассмотренным выше терминам.

Научный стиль – стиль, обслуживающий научную сферу общественной деятельности,

Научный подстиль – это своего рода субстиль, имеющий ряд общих черт, условий функционирования, но в то же время и языковых особенностей, проявляющихся в зависимости от характера наук (гуманитарных, технических).

Аспект «язык специальности» используют в практике преподавания русского языка как синоним термина «научный подстиль» и как цикл занятий, направленных на углубленное изучение отдельных функциональных языковых подсистем с целью подготовки обучающихся к общению в определенных сферах их деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аросева Т.Е. Научный стиль речи: технический профиль: пособие по русскому языку для иностранных студентов.-4-е изд. перераб. и доп. -М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 312 с.

Клобукова Л.П. Обучение языку специальности. – М.: МГУ. 1987. – 81 с.

Основы научной речи: Учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякова и др.; Под ред. В.В. Химика, Л.Б. Волковой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр Академия, 2003. – 272 с.

УДК 811.111'367

Королева Е. И.

Екатеринбург, Россия
**ЭКСПРЕССИВНОСТЬ
АНГЛИЙСКОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ
НЕФРАЗЕОЛОГИЗИРО-
ВАННОГО ТИПА**

Аннотация. В настоящей статье исследуются структурно-синтаксические, семантические и функциональные аспекты английских экспрессивных предложений нефразеологизированного типа. Автором описываются механизмы экспрессивизации предложения как самостоятельной структурно-семантической и коммуникативной единицы, предлагается полевая модель экспрессивных синтаксических средств английского языка.

Ключевые слова: экспрессивность, предложение нефразеоло-гизированного типа, полевая модель, ядро, периферия.

Сведения об авторе: Королева Екатерина Игоревна, аспирант кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Контактная информация: 620072, г. Екатеринбург, ул. Сиреневый бульвар, 4/3, к. 91.
e-mail: korolyova87@mail.ru

Код ВАК 10.02.01

Koroleva E. I.

Ekaterinburg, Russia
**EXPRESSIVITY OF THE
ENGLISH SENTENCE OF
NON-PHRASEOLOGICAL
TYPE**

Abstract. The given article focuses on the structural-syntactic, semantic, and functional aspects of the English expressive sentences of non-phraseological type. The author describes the mechanisms of expressivity of the sentence as a separate structural-semantic and communicative unit as well as constructs the field-model of the expressive syntactic means of the English language.

Keywords: expressivity, sentence of non-phraseological type, field-model, nucleus, periphery.

About the Author: Koroleva Ekaterina Igorevna, postgraduate of the Department of Modern Russian Language and Applied Linguistics.

Place of employment: Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin.

В синтаксической теории неоднократно предпринимались попытки выстроить классификацию предложений по принципу эмоционально-экспрессивной «отмеченности». Например, В. Г. Адмони, затрагивая проблему типологии предложений, указывает аспект эмоциональности: «Формы его [аспекта эмоциональности] выявления – прежде всего интонация и порядок слов, а также специализированные слова (междометия). <...> Различение типов здесь удастся провести лишь суммарно, противопоставляя друг другу эмоционально нейтральные и эмоционально повышенные предложения» [Адмони 1968: 234].

Именно предложение является сферой функциональной реализации единиц нижележащих языковых уровней и концентрирует в себе их эмоциональный «заряд». Несмотря на то, что в предложении прослеживается аккумуляция значений его компонентов, экспрессивность этой синтаксической единицы не сводится к сумме «не-нейтральных» актуализаций языковых средств. Очевидно, существуют источники и механизмы экспрессивизации предложения как самостоятельной структурно-семантической и коммуникативной единицы. Гипотетическим для нас является также представление о том, что в своей совокупности экспрессивные предложения образует континуум языковых и речевых средств, в котором обнаруживаются принципы полевой организации, а именно: (1) системный характер данного континуума обуславливается общностью семантических функций его компонентов, (2) среди выявленных конститuentов поля намечается соотношение центра и периферии.

С целью конструирования модели экспрессивности на уровне предложения нами собран эмпирический материал – 1500 высказываний нефразеологизированного типа, реализующих функцию выражения эмоций в текстах современной британской беллетристики [Fielding 2001; Heller 2004; Townsend 2000]. На первом этапе исследования данные предложения-высказывания анализировались на предмет структурно-синтаксического, семантического и функционального своеобразия. На втором этапе определялись средства, наиболее специализированные для выражения категории экспрессивности и регулярно

задействованные в речи в этой функции, а также периферийные формы. Изложим основные результаты исследования.

Наряду с морфологическими и лексическими экспрессивными единицами в языковой системе существует коммуникативный тип предложения, предполагающий целенаправленное выражение в речи коммуникативно и социально значимого свойства человека – эмоциональности. Таким типом является восклицательное предложение. Основная семантическая функция восклицательного предложения, реализуемая в речи, – выражение эмоций говорящего и эмоциональной оценки ситуации.

Oh, joy! Oh, precious rapture! A letter has arrived from the BBC! [Townsend 2000: 150]

‘You’re pregnant,’ I interrupted.

Sue’s fat face fell. ‘How did you know?’

‘You are?’ Sheba said. *‘Oh that’s wonderful news, Sue!’* [Heller 2004: 37]

Подобная функциональная специфика влияет на семантическую и формальную организацию синтаксической единицы. В восклицательных высказываниях говорящий выносит на первый план не пропозитивное значение предложения, поскольку не преследует цель сообщить о положении дел в действительности, а субъективное: комплекс категорий эмотивности, оценочности, субъективной модальности, интенсивности. Таким образом, восклицательные предложения имеют ослабленную соотнесенность с действительностью.

В английском языке сформировались структурные модели восклицательного предложения, обладающие повышенной воздействующей силой в речи (односоставные конструкции с операторами *what, how*; образованные на основе эллипса односоставные номинативные N!, адъективные Adj!, адвербиальные Adv!, инфинитивные и причастные конструкции To V!, V3!, Ving!). Приведем некоторые примеры:

‘Where do you keep your soup ladles?’ she said, banging cupboard doors. ‘Honestly, darling. *What a mess!* Now. Have a look

through these bags while I heat up the soup.' [Fielding 2001: 99]
(модель What N!)

The waiter arrived now with my and Sheba's soup. '*How scrummy!*' Sheba exclaimed, tasting hers [Heller 2004: 27]. (модель How adj!)

Listen, Harvey, I'm in the middle of something très, trèsordinaire, but can I call you back? Where are you? New York. *Great! Great! Great! Great! Absolutely!*' [Townsend 2000: 48]
(модель Adj!; модель Adv!)

Как показывает контекстуальный анализ, функция выражения эмоций является системным проявлением восклицательного предложения английского языка. Данный тип синтаксических единиц не является трансформом, стилистическим вариантом какой-либо нейтральной синтаксической конструкции и используется в экспрессивной функции в любом жанрово-стилистическом окружении. В связи с этим мы заключаем, что категориальное значение экспрессивности входит в структуру значения восклицательного предложения, и само средство можно квалифицировать как ядерное.

Более сложную организацию обнаруживает периферийная зона синтаксической экспрессивности, объединяющая на функциональной основе ряд явлений, которые традиционно относят к области нормативного синтаксиса и стилистической грамматики. Функция экспрессивности является второстепенной, сопровождающей, для императивного предложения английского языка и объективируется с заметной регулярностью лишь в таких прагматических его актуализациях, как категорический приказ, просьба, уговор, мольба. Императивные высказывания составляют отдельный периферийный сектор модели.

'All right! *Just shut up!*' he shouted. '*Shut up, will you?*' He stepped towards me. I could see the beadlets of sweat on his nose. 'Sheba likes me,' he said quietly. 'I know she does.' [Heller 2004: 80]

'Okay!' Sheba interrupted. 'Okay!' She raised her hands in a gesture of surrender. 'I'll take her. I'll take her. *Only no more shouting. Please, let's just go.*' [Heller 2004: 55]

Периферийную область конституируют повествовательные и вопросительные предложения-высказывания, выступающие в качестве не-нейтральных речевых трансформов системно-языковых синтаксических единиц. Грамматические (грамматико-стилистические) механизмы экспликации категории экспрессивности в проанализированных высказываниях относятся преимущественно к сфере нарушения синтаксических норм или к использованию данных коммуникативных типов предложений в их вторичных функциях (экспрессивная функциональная транспозиция). Приведем более детальное описание секторов и их компонентов.

На основе экспрессивного изменения структуры предложения «синтаксической компрессии» выстраиваются следующие приемы: эллиптические повествовательные и вопросительные предложения-высказывания, апозиопезис, асиндетон. Воздействующий потенциал перечисленных явлений создается прагматически мотивированным опущением части синтаксической конструкции или средств связи:

Hate the New Year. Hate everyone. Except Daniel Cleaver. Anyway, have got giant tray-sized bar of Cadbury's Dairy Milk left over from Christmas on dressing table, also amusing joke gin and tonic miniature. Am going to consume them and have fag [Fielding 2001: 16]. (эллипс)

'Wanta lift or anything?' said Jeremy's brother, following it up with a belch [Fielding 2001: 27]. (эллипс)

'I...' He paused, then started pacing around the patio, sighing and running his hand through his hair. *'How's the... Have you read any good books lately?' Unbelievable* [Fielding 2001: 120]. (апозиопезис)

'You look about ninety...' she said, *turning, holding* the kettle, *dropping* her eyes modestly, then *looking up, beaming* like Bonnie Langford about to embark upon a tap-dancing routine [Fielding 2001: 81]. (асиндетон)

Противоположным синтаксической компрессии механизмом экспрессивного преобразования конструкций признается «синтаксическая избыточность», мотивированное усложнение строевого порядка предложения [Арнольд 2006;

Копнина 2012; Скребнев 2003]. Синтаксическая избыточность выявляется в таких конструкциях, как парантетические внесения, приемы сегментации предложения (синтаксическое расчленение, парцелляция), синтаксические повторы (синтаксический параллелизм, хиазм, анадиплозис, синтаксическая анафора, синтаксическая эпифора, кольцевой повтор, повтор-плеоназм).

Категория экспрессивности также находит выражение в повествовательном и вопросительном предложениях английского языка посредством «не-нейтрального» расположения компонентов их (предложений) актуального членения. При помощи инвертированного словопорядка, нарушающего границы тема-рематической организации предложения, достигается интенсификация определенной синтаксической позиции.

Against the youth and radiance and intellectual brilliance of Dr Pandora Braithwaite he stands no chance at all – besides, Tufton has been embroiled in a row about his close friendship with Len Fox, the mobile-phone magnate (something about a Jiffy-bag in Marbella), decreasing his chances even further [Townsend 2000: 12].

Еще одну периферийную группу средств составляют высказывания с функциональной транспозицией. Под последней мы понимаем употребление общеизвестных коммуникативных типов предложений в нетипичных для них коммуникативных функциях. Транспонированные предложения, более интенсивные, чем нейтральные формы, демонстрируют различное эмоциональное содержание и стилистические эффекты в зависимости от лексического наполнения, лингвистического и ситуативного контекста. Примеры транспонированного вопроса:

What is going on? Is the whole world doomed to emotional trauma? Poor Dad. Am I to be the tragic victim of a broken home now, on top of everything else? [Fielding 2001: 27]

Транспонированное повествовательное предложение:

How come my mum can slip easily from one relationship to another and I can't even get the simplest thing off the ground. *Maybe their generation is just better at getting on with relationships?* Maybe they don't mooch about being all paranoid and diffident. Maybe it

helps if you've never read a self-help book in your life [Fielding 2001: 36].

I suddenly realize everything has shifted and now I am looking after my parents instead of them looking after me, which seems unnatural and wrong. *Surely I am not that old?* [Fielding 2001: 41]

Описанные выше механизмы экспликации категории экспрессивности на уровне предложения – прагматически мотивированное изменение структуры английского предложения (в направлении его большей строевой и семантической сложности или в направлении компрессии), инвертированное словорасположение (с нарушением границ тема-рематического членения высказывания), функциональная транспозиция – могут дополнять друг друга в рамках одного и того же высказывания и тем самым увеличивать степень эмоционального воздействия говорящего на слушающего.

Все выявленные периферийные конструкции реализуют в речи категориальное значение экспрессивности, дополнительное к пропозитивному содержанию предложения. Представленные повествовательные и вопросительные предложения в полной мере не утрачивают своих основных значений при экспрессивизации, реализуют свой системно-языковой функциональный потенциал, а экспрессивность данных синтаксических единиц получает статус приобретенной, речевой, сопровождающей.

В результате моделирования экспрессивности на уровне предложения мы приходим к полевой структуре с явно выраженным ядром, которое составляют языковые синтаксические единицы с системной функцией эмоционального воздействия (восклицательные предложения), и гетерогенной периферией, формально представленной языковыми и речевыми средствами. В рамках периферийной зоны разграничиваются: (1) сектор с императивными предложениями, для которых экспрессивность является второстепенной системно-языковой функцией; (2) сектор речевых приемов, образованных на основе механизма прагматически мотивированного структурного преобразования предложения (синтаксическая компрессия, синтаксическая избыточность); (3) сектор предложений-

высказываний с инвертированным словопорядком; (4) сектор транспонированных предложений-высказываний.

Полученная полевая структура, с одной стороны, представляет собой самостоятельный целостный объект (выстроенное на базе семантико-прагматической функции единство языковых и речевых средств), с другой – является микросистемой более крупного межуровневого функционально-семантического поля экспрессивности, объединяющего фонетические, словообразовательные, лексические, грамматические, текстовые, экстралингвистические средства эмоционального воздействия.

В завершение отметим продуктивность анализа экспрессивных грамматических средств английского языка. В результате исследования подтверждается функциональная активность единиц синтаксического уровня при объективации эмоционально-чувственной сферы человека в речевом общении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адмони В. Г. Типология предложения // Исследования по общей теории грамматики / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Наука, 1968. – С. 232-291.
- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта, 2006. – 384 с.
- Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 576 с.
- Скрёбнев Ю. М. Основы стилистики английского. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 221 с.
- Fielding H. Bridget Jones's Diary. – London: Picador, 2001. – 310 p.
- Heller Z. What Was She Thinking?: Notes on a Scandal: A Novel. – NY: Picador, 2004. – 258 p.
- Townsend S. Adrian Mole: The Cappuccino Years. – London: Penguin Books, 2000. – 400 p.

УДК 81'243

Макарова Е.Н.

Екатеринбург, Россия

**ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТА НА
АКЦЕНТНУЮ И
СИНТАКСИЧЕСКУЮ
СТРУКТУРУ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
АНГЛИЙСКОЙ И
ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ
СИСТЕМ)**

Аннотация. В статье представлено системное сопоставительное описание роли фразового ударения и порядка слов в организации коммуникативной структуры высказывания на примере высказываний, включённых в контекст. Функциональная нагрузка названных средств, а именно типы словопорядка и акцентные модели, анализируются при выражении таких смысловых категорий как новизна и контраст.

Ключевые слова: контекст, фразовое ударение, порядок слов, коммуникативный центр, контраст

Сведения об авторе: Макарова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой делового иностранного языка

Место работы: Уральский государственный экономический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, к. 454.

e-mail: makarovayn@mail.ru

Код ВАК 10.02.19

Makarova E.N.

Ekaterinburg, Russia

**ACCENTUAL AND
SYNTACTIC STRUCTURE
OF AN UTTERANCE: THE
CONTEXT AFFECT
(COMPARATIVE ANALYSES
OF ENGLISH AND SPANISH
LANGUAGE
SYSTEMS)**

Abstract. The article deals with the comparative description of phrasal accent and word order as means of communicative utterance structure in context dependent sentences. Word order types and accentual modals of utterances with new and contrastive elements are analyzed.

Keywords: context, phrasal accent, word order, communicative centre, contrast

About the Author: Makarova Elena Nickolaevna, Candidate of Philology, Head of the Chair of Business Foreign Languages.

Place of employment: Ural State University of Economics.

В языках мира есть множество способов актуализации компонентов коммуникативной структуры (различные синтаксические конструкции, лексические маркеры, артикли как грамматические показатели определённости/неопределённости и т.д.). Основными и универсальными из них в большинстве изученных языков принято считать порядок слов и интонацию. В отечественной и зарубежной литературе описание различных средств выражения коммуникативной организации высказывания на материале разных языков представлены достаточно полно. Среди отечественных авторов, которые занимаются изучением взаимодействия интонационных, синтаксических и лексических средств реализации коммуникативной структуры Т.М. Николаева [Николаева 2005], Т.Е. Янко [Янко 2001], А. В. Павлова [Павлова 2009], С.В. Кодзасов [Кодзасов 1996], А.В. Циммерлинг [Циммерлинг 2008] и другие. Специфика средств реализации коммуникативной структуры, их сопоставление в разноструктурных языках является активно разрабатываемой в лингвистике областью.

Под коммуникативной структурой в данной статье понимается вид смыслового членения, которое проявляется в зависимости от использования высказывания в определённых коммуникативных ситуациях (контекстах). Описание примеров, коммуникативная организация которых проявляется в зависимости от контекста, представлено в статье в терминах данное (известная для слушающего информация, как правило предупомянутая в предшествующем контексте) и новое (неизвестное для адресата). Под термином фразовое ударение, используемым в статье при описании акцентной структуры высказывания, понимается самое сильное ударение во фразе, которое, как правило, маркирует то, что ново и важно.

Выбор для сопоставительного анализа испанского и английского языков не случаен, и обусловлен тем, что различия между двумя языковыми системами в наборе средств, используемых для реализации коммуникативной структуры высказывания, проявляются достаточно ярко.

Цель статьи – дать системное сопоставительное описание роли фразового ударения и порядка слов в организации

коммуникативной структуры высказывания на примере высказываний, включённых в контекст. Функциональная нагрузка названных средств, а именно типы словопорядка и акцентные модели, анализируются, в частности, при выражении таких смысловых категорий как новизна и контраст.

Краткая характеристика роли порядка слов и фразового ударения в маркировке компонентов коммуникативного членения в двух сопоставляемых языках необходима для описания как сходств, так и наиболее ярких различий в изучаемой области. Базовым порядком слов в повествовательном английском предложении принято считать SVO (подлежащее, сказуемое, дополнение). Английский язык характеризуется устойчивым порядком слов, который играет важную роль в разграничении между подлежащим и прямым дополнением, прямым и косвенным дополнением, определением и определяемым. Именно поэтому основной функцией английского словопорядка является функция грамматическая, тогда как использование его в целях выражения степени коммуникативной значимости лексических элементов довольно ограничено. В нейтральных повествовательных предложениях подлежащее как правило выступает в роли темы (данного, отправной точки), а коммуникативная нагрузка членов предложения нарастает к концу. Поскольку, как было сказано выше, роль порядка слов в реализации вариантов коммуникативного членения невелика, для выражения степени коммуникативной нагрузки лексических единиц наиболее активно используются интонационные средства.

Испанский язык отличает сравнительно свободный словопорядок. Прямым порядком слов в нейтральных повествовательных испанских предложениях, как и в английских, является порядок SVO. Поскольку испанский словопорядок в отличие от английского определяется прежде всего задачами коммуникативного членения, в инициальной позиции в испанском предложении может оказаться практически любой член предложения. Как и в английском языке, коммуникативный порядок следования элементов – от темы в инициальной позиции к реме (новому), расположенному в конце.

Свободный словопорядок и его подчинение функции коммуникативного членения приводят к тому, что актуализация того или иного лексического элемента приводит к изменению порядка слов, прежде всего к изменению порядка следования подлежащего и сказуемого. В статье рассмотрены два вида таких случаев, а именно типы словопорядка и акцентных моделей, используемые в сопоставляемых языках при выражении таких смысловых категорий как новизна и контраст.

Во-первых, это случаи маркировки подлежащего-нового, не предупомянутого в контексте. Для сопоставления первым проведён пример с прямым порядком слов в изолированном от контекста высказывании: *La estudiante visitó al profesor*. Специальный вопрос к подлежащему изменяет порядок следования элементов: *Visitó al profesor la estudiante*.

Вариации ПС могут иметь место и в двухсоставном предложении: *Los estudiantes bailan*. В ответе на вопрос «*Kmo mançuem?*» сказуемое предшествует подлежащему: *Bailan los estudiantes*.

Вторым типом примеров с изменённым порядком следования подлежащего и сказуемого в испанском языке являются случаи реализации идеи контраста, когда подлежащее является контрастирующим элементом: *Unos estudiantes compraron los discos*. - *No, los discos los compraron una muchacha*. Или: *Hizo tu esposa el pastel?* - *El pastel lo hizo mi hija*.

Сопоставление позиции фразового ударения в английском и испанском языках, а также изучение его роли в качестве средства маркировки коммуникативного центра позволяет говорить как о сходствах, так и различиях между двумя языковыми системами в этой области. В подавляющем большинстве английских и испанских высказываний фразовое ударение падает на самый важный (новый) лексический элемент. В случае нейтральных независимых от контекста высказываний, это, как правило, ударный слог последнего знаменательного слова. В случае предупоминания в контексте фразовое ударение в английском языке может быть реализовано на любом слове вне зависимости от его позиции. При наложении на нейтральную акцентную схему идеи контраста, контрастным ударением может

быть выделена как тема, так и рема, как новое, так и данное. Что касается испанского языка, его принято считать языком с фиксированным местом фразового ударения: оно как правило реализовано на последнем лексическом элементе. Э. Валдуви в этой связи пишет о непластичности испанской интонации, относя английскую интонацию с подвижным местом фразового ударения, напротив, к категории пластичных [Vallduvi 1991]. Поскольку основным средством реализации коммуникативного членения в испанском языке является, как было показано выше, порядок слов, наиболее коммуникативно значимый элемент, перемещается в финальную позицию, получая там не только позиционную маркировку, но просодическую выделенность. Такие случаи, касаются прежде всего позиции подлежащего. Место фразового ударения в приведённых ниже примеров указано подчёркиванием:

He will give Mary the book.

Él dará a María el libro.

He will give Mary the book.

Él dará el libro a María. [Face & D'Imperio 2005:273].

Или:

John lent me his bicycle.

Juan me prestó su bicicleta.

John lent me his bicycle.

Juan me prestó la bicicleta de él. [Chela-Flores 1997:124].

Вопрос о способах выражения элемента нового и идеи контраста в испанском языке дискутируется и результаты, приведённые в немногочисленных зарубежных работах, противоречивы. В исследованиях последних лет представлена точка зрения, что в этих случаях порядок слов может оставаться неизменным, а фразовое ударение может служить маркером элементов нового и противопоставления без изменения испанского словоупорядка. Всё чаще приводятся данные, которые противоречат устоявшейся точке зрения об уже упомянутой непластичности испанской интонации. Так, в работе К. Габриэля приводятся сведения об использовании носителями аргентинского варианта испанского языка обеих стратегий (изменение порядка слов и сдвиг фразового ударения с конечной

позиции) как для выделения элемента противопоставления, так и для маркировки элемента нового [Gabriel 2010]. В работе Т. Леал-Мендес и С. Ши сделан вывод о возможности оформления вариантов коммуникативной структуры только просодическими средствами [Leal-Méndez & Shea 2012]. В работе Б. Хута приведены данные об использовании информантами сдвига фразового ударения в 40% случаев из 100%. В оставшихся 60% информанты изменяли порядок слов для выделения элемента нового и элемента противопоставления [Hoot 2012]. Важно заметить, что в упомянутых работах нет однозначного ответа на вопрос о степени использования носителями различных вариантов испанского языка выделения элемента нового или контраста только просодическими средствами. Авторы чаще всего пишут лишь о фиксации таких случаев. Такие, пусть немногочисленные данные, ставят под сомнение два устоявшихся в литературе мнения: во-первых, то, что фразовое ударение в испанском языке всегда локализовано в крайней правой позиции, и во-вторых, то, что порядок слов в испанском языке является основным средством выражения коммуникативной структуры.

Для уточнения роли порядка слов и фразового ударения в актуализации коммуникативного центра испанских высказываний, включённых в контекст, был проведён эксперимент по переводу с английского языка на испанский. Его целью явилось выявление степени использования вариации словопорядка для реализации коммуникативной структуры. В качестве информантов выступили испано-английские билингвы, 7 человек, носители мексиканского варианта испанского языка в возрасте от 50 до 60 лет, преподаватели Техасского университета в г. Эль Пасо. Все они были рождены в Мексике, где прожили первые 20-25 лет своей жизни. Последние 25-30 лет информанты проживают на территории США, активно используя оба языка в ежедневном общении. В статье приводятся данные по типам фраз, где подлежащее является либо новым (60 примеров), либо элементом контраста (60 примеров). В первом случае в испанском переводе лишь в 5% случаев от общего количества фраз с подлежащим-элементом нового информантами была

использована стратегия изменения порядка слов, например: *¿Quién compró los discos compactos? - Los discos compactos los compró una mujer.* Неожиданным явилось, что в подавляющем большинстве случаев словопорядок остался без изменений: *Una mujer compró los CD's.*

Среди примеров с подлежащим-элементом противопоставления, количество вариантов с изменённым словопорядком чуть выше – 10% от общего количества исследуемых фраз с подлежащим-элементом контраста: *¿Los niños compran los libros? - Los libros los compran hombres.* Превалирующим вариантом и в этом случае остался базовый порядок слов: *Los hombres compran los libros.* В ряде случаев прямое дополнение, выраженное именем существительным в примерах с изменённым порядком слов, было заменено на местоимение: *¿Comió tu mamá una manzana? - Se la comió un hombre.*

Полученные результаты демонстрируют, что вариации порядка слов представлены в переводах информантов лишь в незначительном количестве. Значит ли это, что носителями мексиканского языка может активно использоваться сдвиг фразового ударения без изменения порядка слов для маркировки наиболее коммуникативно значимого элемента? Ответ на этот вопрос пока остаётся без ответа, он требует проведения дополнительной серии экспериментов с участием наивных носителей мексиканского варианта испанского языка, не владеющих английским языком. Возможно, испано-английские билингвы при переводе английского материала используют стратегию, знакомую им из английского языка, который они используют на регулярной основе.

Проведение дальнейшего сопоставительного изучения роли порядка слов и фразового ударения в коммуникативной организации высказывания интересно как с теоретической точки зрения, так и в прикладном аспекте. Полученные результаты могут иметь значение не только для развития общей теории интонации и коммуникативного синтаксиса, но и совершенствования методики обучения неродному языку и навыкам практического перевода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кодзасов С.В. Законы фразовой акцентуации. // Просодический строй русской речи. М., 1996. – С. 181–206.
- Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. На материале славянских языков. М.: Едиториал УРСС. 2005. – 168 с.
- Павлова А.В. Понимание смысла предложений в связи с местом фразового ударения при восприятии письменной речи // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 71–91.
- Циммерлинг А. В. Порядок слов как естественно-научный объект// Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2008. – № 3. – С. 162–175.
- Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.
- Chela Flores, B. (1997) Rhythmic patterns as basic units in pronunciation teaching. Chile: ONOMAZEIN 2. – Pp. 111-134.
- Face & M. D'Imperio Reconsidering a focal typology: Evidence from Spanish and Italian. *Rivista di Linguistica*. 2005. 17.2 – Pp. 271-289.
- Gabriel C. On focus, prosody, and word order in Argentinean Spanish: A Minimalist OT account. *ReVEL*. 2010. 4. – Pp.183-222.
- Hoot B. Narrow focus on pre-nominal modifiers in Spanish: An Optimality-Theoretic analysis// In K. Geeslin & M. Díaz-Campos (Eds.), *Selected, Proceedings of the 14th Hispanic Linguistics Symposium*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project. 2012. – Pp. 293-307.
- Leal-Méndez T., & Shea C. L1 Mexican Spanish and L2 Spanish learners at the syntax-discourse interface: P-movement or in-situ prosody? Paper presented at the 42nd Linguistic Symposium on Romance Languages, Cedar City, UT, April 21, 2012.
- Vallduví E. The role of plasticity in the association of focus and prominence. *Proceedings of the Eastern States Conference in Linguistics (ESCOL)* 1991. 7. – Pp.295-306.

УДК 81'255.2

Мезенцева Т.А.

Екатеринбург, Россия

**ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В
ОРИГИНАЛАХ И
ПЕРЕВОДАХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

Аннотация. В статье рассматривается специфика эмотивной лексики в оригинальных и переводных вариантах художественных текстов. Анализ текстового материала проводится на примере текста романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», в оригинале и в переводе.

Ключевые слова: эмотивная лексика, художественные произведения, художественный текст, оригинал и перевод, Чарльз Диккенс.

Сведения об авторе: Мезенцева Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков.

Контактная информация: 620144, г. Екатеринбург, ул. О. Шмидта, д. 60.

e-mail: tanya_mezentseva@mail.ru

Эмотивная лексика является объектом рассмотрения для многих исследователей. Эмотивные лексемы выражают различные оттенки эмоциональных состояний, их эмотивное значение знакомо всем носителям языка: «Эмотивные значения слов осознанны, адекватно идентифицируются и дифференцируются говорящими, одинаково соотносятся всеми говорящими с понятиями, признаками объектов, детерминирующими эмоции, одними и теми же типами эмоций, а также ассоциируются с определенными языковыми единицами

Код ВАК 10.02.19

Mezentseva T.A.

Ekaterinburg, Russia

**EMOTIVE LEXICS IN THE
ORIGINALS AND
TRANSLATIONS OF WORKS
OF FICTION**

Abstract. The article deals with the specifics of emotive lexics in the original and translated versions of literary texts. Textual analysis is based on the text of the novel by Charles Dickens "The Posthumous Papers of the Pickwick Club", in the original and in the translation.

Keywords: emotive lexics, works of fiction, a literary text, original and translation, Charles Dickens.

About the Author: Mezentseva Tatyana Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

их выражения – носителями эмотивной семантики – и с типизированными эмоциональными ситуациями их употребления в речи. В связи с этим эмотивные значения, несомненно, коммуникативны». [Шаховский 2009: 39]. При этом эмотивная лексика выполняет важную коммуникативную функцию: «Эмотивная лексика сознательно отбирается говорящим в рамках существующего кода, то есть, ее отбор контролируется сознанием говорящих в зависимости от ситуации общения. Коммуникативность эмотивов – единиц языка с эмотивным типом семантики – заключается в том, что они сообщают о душевном волнении говорящего, передают некую эмоциональную информацию (одновременно с фактуальной или независимо от нее), вызывают ответную эмоциональную реакцию, например, осознанные обеими сторонами общения чувства отвращения, презрения, ненависти и др. В абсолютном большинстве случаев использование эмотивного значения коммуникантами смоделировано». [Шаховский 2009: 39 - 40]. Весь спектр человеческих эмоций и их вариантов описывается системой эмотивной лексики языка.

Структура лексических значений эмотивных слов отличается некоторыми характерными особенностями. Л.Г. Бабенко [Бабенко 1989] подчеркивает, что для характеристики лексического значения эмотивного слова первостепенным значением обладает категориально-семантический компонент (КСК). Выделяются следующие виды КСК: состояние, отношение, деятельность, воздействие, признак, качество, лицо, предмет [Бабенко 1989: 31]. Л.Г. Бабенко отмечает, что во всём множестве эмотивной лексики можно выделить определенное количество исходных эмотивных смыслов, соответствующих базовым эмоциям (удивление, страх, радость и т.д.), которые составляют категориально-лексические семы эмотивности (КЛСЭ); в иерархии внутрисистемных компонентов категориально-семантический компонент (КСК) занимает первую позицию, далее за ним следует категориально-лексическая сема эмотивности (КЛСЭ).

Эмотивная лексика в составе художественных текстов несет на себе основную нагрузку по формированию текстовых

эмотивных смыслов: «Что же касается единиц прагматического уровня, они отражаются в сознании читателя в иерархии идей и образов: от микроидеи до целостного концепта текста и от микрообразов до системы художественных образов и глобального художественного образа мира в рамках целого художественного произведения. В лирическом произведении особую значимость имеет эмоциональный подуровень, единицами которого являются эмотемы (лингвистически репрезентированные сигналы эмотивности). Система эмотем формирует в сознании читателя представление об эмоциональном тоне, который может варьироваться и формировать общую эмоциональную тональность произведения». [Болотнова 2007: 262]. Экстралингвистический аспект текстового содержания включает в себя эмоциональный уровень как важный смысловой компонент.

Эмоции являются постоянным и частым предметом изображения в художественной литературе. Эмотивность в тексте выделяется как на уровне фраз, так и на текстовом уровне: «Следует различать фразовую и текстовую эмоциональные тональности. Они отличаются и внешне – по конкретным условиям реализации, и внутренне – по функционально-смысловой направленности. Фразовая эмоциональная тональность – фундамент, основа, помогающая осмыслить и воспринять текстовую эмоциональную тональность, которая обычно включает фразовую и опирается на нее». [Бабенко 2004: 241]. Общая эмоциональная тональность текста складывается из множества разнонаправленных эмотивных текстовых смыслов, доминирующих и факультативных, представленных в тексте художественного произведения.

Писателем, владеющим широчайшей эмоциональной палитрой выразительных средств, выдающимся мастером в описании психологической индивидуальности своих героев, является Чарльз Диккенс. Литературоведами отмечается чрезвычайная эмоциональная насыщенность диккенсовских текстов: «Эмоциональность составляет одну из важнейших особенностей реализма Диккенса. Каждый характер, каждая ситуация предстает в его романах в определенном эмоциональном ключе. У Диккенса нет безлично объективных описаний. Мы всегда ощущаем отношение писателя к тому, что он изображает, и

проникаемся сами этим же отношением. В произведениях Диккенса господствуют три эмоциональные стихии, получающие выражение в сатире, юморе и патетике». [Аникст 1956: 309]. Эмоциональный фон произведений Ч. Диккенса наполнен всеми возможными нюансами эмоциональных переживаний героев, а также и эмоций самого автора.

Ассортимент эмотивных языковых средств в произведениях Чарльза Диккенса отличается высокой вариативностью и стилистическим разнообразием: «Описания Диккенса меньше всего похожи на натуралистическую фотографию действительности. Поскольку вещи незаметно перенимают у людей характерные для них черты, повторяя их и сливаясь с ними, – в подробной детализации Диккенса много скрытого смысла. В его распоряжении богатейшие изобразительные средства. Его метафоры – всегда несколько неожиданные, необычные и яркие, – обладают особой экспрессивностью». [Ивашева 1954: 430]. Писатель, виртуозно владея в целом всем арсеналом выразительных языковых средств, демонстрирует также особое искусство в использовании языковых средств с семантикой эмоций при создании глубоких и достоверных эмоциональных портретов персонажей.

Изображения эмоций в романе Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» представлены во множестве и составляют мощный эмоциональный содержательный пласт произведения, причем доминируют в эмоциональном фоне романа позитивные эмоции: «Самая природа «пиквикистов» не позволяет им надолго оставаться мрачными и несчастными. И это не потому, что жизнь так ласкова и обходительна с ними. Совсем нет. По мере разворачивания романа они, сталкиваясь с реальностью, терпят не одну неудачу (...). Но внутреннее добродушие, постоянная готовность проявить свой хороший характер, перейти в сферу веселья и светлого оптимизма сохраняются за мистером Пиквиком и его близкими и в конце концов побеждают все тяготы жизни». [Сильман 1970: 58].

Эмотивные лексические средства в романе Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» присутствуют в тексте в значительном количестве, выражая

самый широкий спектр эмоций, формирующих эмоциональный компонент текстового содержания. На примере исследования эмотивной лексики с семантикой радости в данном художественном произведении можно проанализировать объем и состав эмотивной лексики радости, в аспекте ее сопоставительного рассмотрения, в тексте оригинала романа на английском языке (Charles Dickens. “The Posthumous Papers of the Pickwick Club”) и в переводном тексте этого романа на русском языке («Посмертные записки Пиквикского клуба», в переводе А.В. Кривцовой и Е. Ланна).

Эмотивная лексика радости включает категориально-эмотивную лексику радости, в лексических значениях которой эмотивные смыслы радости представлены как основные, и дифференциально-эмотивную лексику, в лексических значениях которой эмотивные смыслы радости представлены как дополнительные.

Лексика радости в оригинале романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» на английском языке представлена 66 единицами (159 словоупотреблений). Категориально-эмотивная лексика радости включает 42 лексем (99 словоупотреблений), из них существительных – 15 лексем (46 словоупотреблений), прилагательных – 13 лексем (21 словоупотребление), наречий – 4 лексем (9 словоупотреблений), глаголов – 3 лексем (5 словоупотреблений), страдательных причастий – 7 лексем (18 словоупотреблений). Дифференциально-эмотивная лексика радости охватывает 22 лексем (60 словоупотреблений), из них существительных – 11 лексем (26 словоупотреблений), прилагательных – 3 лексем (3 словоупотребления), наречий – 2 лексем (2 словоупотребления), глаголов – 5 лексем (28 словоупотреблений), страдательных причастий – 1 лексема (1 словоупотребление).

В состав лексики радости в переводе романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» на русском языке входит 34 единицы (173 словоупотреблений). Категориально-эмотивная лексика радости охватывает 14 лексем (96 словоупотреблений), из них существительных – 4 лексем (41 словоупотребление), прилагательных – 3 лексем (35 словоупотреблений), наречий –

1 лексема (4 словоупотребления), глаголов – 4 лексемы (13 словоупотреблений), страдательных причастий – 2 лексемы (3 словоупотребления). Дифференциально-эмотивная лексика радости включает 20 лексем (77 словоупотреблений), из них существительных – 11 лексем (36 словоупотреблений), прилагательных – 2 лексемы (3 словоупотребления), наречий – 2 лексемы (2 словоупотребления), глаголов – 4 лексемы (35 словоупотреблений), страдательных причастий – 1 лексема (1 словоупотребление).

Категориально-эмотивные существительные в оригинальном тексте романа на английском языке представлены двумя КСК (категориально-семантическими компонентами): КСК «состояние» (например, *joy*) и КСК «явление» (например, *a consolation*). Категориально-эмотивные прилагательные включают два КСК: КСК «свойство» (например, *jolly*) и КСК «состояние» (например, *gay*). Категориально-эмотивные наречия обладают двумя КСК: КСК «свойство» (например, *pleasantly*), КСК «состояние» (например, *joyously*). Категориально-эмотивные глаголы имеют один КСК: КСК «состояние» (например, *to brighten*). Категориально-эмотивные страдательные причастия включают один КСК: «состояние» (например, *pleased*).

Дифференциально-эмотивные существительные в оригинале романа на английском языке характеризуются тремя КСК (категориально-семантическими компонентами): КСК «деятельность» (например, *a wink*), КСК «состояние» (например, *placidity*), КСК «явление» (например, *a holiday*). Дифференциально-эмотивные прилагательные имеют один КСК: КСК «качество» (например, *fortunate*). Дифференциально-эмотивные наречия включают один КСК: КСК «состояние» (например, *warmly*). Дифференциально-эмотивные глаголы обладают одним КСК: КСК «состояние» (например, *to cry*). Дифференциально-эмотивным страдательным причастиям свойственен один КСК: КСК «состояние» (например, *gratified*).

Категориально-эмотивные существительные в переводном тексте романа на русском языке включают два КСК (категориально-семантических компонента): КСК «состояние» (например, *радость*) и КСК «явление» (например, *удача*). Категориально-

эмотивные прилагательные характеризуются двумя КСК: КСК «свойство» (например, *приятный*) и КСК «состояние» (например, *жизнерадостный*). Категориально-эмотивные наречия имеют два КСК: КСК «свойство» (например, *отрадно*), КСК «состояние» (например, *торжествующе*). Категориально-эмотивные глаголы обладают двумя КСК: КСК «воздействие» (например, *радовать*) и КСК «состояние» (например, *просиять*). Категориально-эмотивным страдательным причастиям присущ один КСК: «состояние» (например, *обрадованный*).

Дифференциально-эмотивные существительные в переводе романа на русском языке имеют четыре КСК (категориально-семантических компонента): КСК «деятельность» (например, *подмигивание*), КСК «лицо» (например, *счастливец*), КСК «состояние» (например, *смех*), КСК «явление» (например, *праздник*). Дифференциально-эмотивные прилагательные обладают двумя КСК: КСК «качество» (например, *благодушный*) и КСК «свойство» (*утешительный*). Дифференциально-эмотивным наречиям свойственны два КСК: КСК «свойство» (например, *утешительно*) и КСК «состояние» (например, *благодушно*). Дифференциально-эмотивные глаголы включают два КСК: КСК «деятельность» (например, *поцеловать*) и КСК «состояние» (например, *расплакаться*). Дифференциально-эмотивным страдательным причастиям присущ один КСК: КСК «состояние» (например, *польщенный*).

Эмотивная лексика радости как в оригинале романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» на английском языке, так и в переводе романа на русском языке (перевод А.В. Кривцовой и Е. Ланна) характеризуется множественным употреблением и выраженным разнообразием. Эмоциональный пласт содержания, включающий эмоцию радости, занимает значительное место в художественном мире этого произведения, основной эмоциональный фон которого отличается оптимизмом и позитивными эмоциональными тонами.

Эмотивная лексика, входящая в состав художественных текстов в оригинальных и переводных вариантах, формирует набор эмотивных текстовых смыслов, из которых складывается

эмоциональный компонент содержания художественных произведений. Сопоставительный анализ эмотивной лексики в оригинале и в переводе художественного произведения позволяет установить особенности репрезентации эмоций в каждом из двух вариантов существования художественного текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аникст А. История английской литературы. – М.: Учпедгиз, 1956. – 483 с.
- Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск, 1989. – 187 с.
- Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.: Деловая книга, 2004. – 464 с.
- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
- Ивашева В.В. Творчество Диккенса. – М.: Издательство Московского университета, 1954. – 472 с.
- Сильман Т.И. Диккенс. – Ленинград: Художественная литература, 1970. – 376 с.
- Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.

УДК 811.111'373

Пасечник Т.Б.

Коломна, Россия

**ОСОБЕННОСТИ
ВНЕЯЗЫКОВЫХ
ПРОТОТИПОВ
АНГЛИЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

Аннотация. Проблема, поставленная в статье, заключается в рассмотрении взаимодействия значения английской идиомы и значения свободного словосочетания, которое служит его прототипом.

Ключевые слова: фразеологическая единица, языковая единица, фразеологическое значение, языковой прототип, речевой прототип, внеязыковой прототип.

Сведения об авторе: Пасечник Татьяна Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка.

Место работы: ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет».

Контактная информация: 140407 Московская обл., г. Коломна, ул. Ленина, д.103 кв.45.

e-mail: РТВ.65@mail.ru

Код ВАК 10.02.01

Pasechnik T.B.

Kolomna, Russia

**PECULIARITIES OF
OUTLANGUAGE
PROTOTYPES OF ENGLISH
IDIOMS**

Abstract. Our intention in writing this article is to trace the interconnection between the meaning of an English idiom and the meaning of a phrase which is considered to be its prototype.

Keywords: phraseological unit, language unit, phraseological meaning, language prototype, speech prototype, outlanguage prototype.

About the Author: Pasechnik Tatiana Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the English Language.

Place of employment: State University of the Humanities.

Важным представляется остановиться на положениях о внутренней форме, без анализа которой невозможно говорить о конкретном фразеологическом значении. Понятие внутренней формы языка было введено в лингвистику выдающимся немецким ученым Вильгельмом фон Гумбольдтом. Учение о внутренней форме далее было развито в трудах Г. Штейнталя, А.А. Потемни, в работах современных языковедов - В.П.

Жукова, А.В. Кунина, О.А. Леонтович, А.М. Мелерович, Л.И. Ройзензона и др.

Многие лингвисты подчеркивали различия между внутренними формами ФЕ и слова. Внутренняя форма ФЕ как один из формальных элементов, организующих содержание фразеологизма, подчинена потребностям выражения определенного фразеологического значения и является фактором, определяющим его своеобразие. Различие между внутренней формой слова и ФЕ заключается в том, что если внутренняя форма слова способна отражать какое-либо отличительное свойство, признак предмета, то внутренняя форма ФЕ, как правило, отражает конкретный, единичный и вместе с тем мыслимый обобщенный образ, созданный на базе представлений о сумме отличительных признаков, образующих составное значение того или иного прототипа, который лег в основу ФЕ (например, переменного сочетания слов) [см. Хостай 1997].

Внутренняя форма ФЕ значительно более стойкая, чем внутренняя форма слова, что объясняется преобразованным характером фразеологического значения, преобладанием мотивированных фразеологизмов, их раздельнооформленностью, а также спецификой их взаимоотношений с прототипами.

А.В. Кунин полагал, что «все ФЕ восходят к потенциальным фразеологизмам, которые обозначают познанные человеком объекты вне языковой действительности. Но это не означает, что все ФЕ проходят один и тот же путь развития, так как в их основе лежат разные прототипы» [Кунин 1996: 166]. Он различает прототипы четырех видов - речевые, языковые, внеязыковые и смешанные, а внутренние формы - простые и сложные. Эта классификация основана на едином принципе, так как учитывается материал, на основе которого возник фразеологизм.

Речевым и языковым прототипам соответствует простая или сложная внутренняя форма, а внеязыковым и смешанным - только сложная.

К ФЕ, восходящим к речевым прототипам - переменным словосочетаниям, относятся обороты с прозрачной внутренней формой:

(англ.) *to play cat and mouse with* (букв. играть в кошки-мышки) – (рус.) дразнить; (англ.) *to row (sail) in the same boat with smb.* (букв. плыть в одной лодке) – (рус.) действовать сообща, совместно с кем-л., быть связанным общим делом с кем-л. В данных примерах внутренняя форма ФЕ основана на образном переосмыслении ситуации, предмета.

Внутренняя форма свойственна не только ФЕ со структурой словосочетания, но и ФЕ со структурой предложения, восходящим к переменным предложениям. Так, в основе пословицы (англ.) *if there were no clouds, we should not enjoy the sun* (букв. если бы не было туч, то мы не ценили бы солнца) лежит образ непогоды как случающегося несчастья в течение спокойной и благополучной жизни.

По классификации А.В. Кунина прототипом второго фразеосемантического варианта часто является первый, компоненты которого имеют буквальное, но осложненное значение.

Так, к языковым прототипам относятся ФЕ, от которых в рамках третичной номинации образованы другие ФЕ. Например, английская ФЕ *birds of a feather* (в значении «люди одного склада, один другого стоит») не восходит непосредственно к переменному словосочетанию, а опосредована соответствующей пословицей (*birds of a feather flock together* (букв. Птицы одного пера держатся стаями – рыбак рыбака видит издалека)). Фразеологические дериваты включаются в словари как отдельные единицы наряду с их фразеологическими прототипами.

К внеязыковым прототипам (осложненная внутренняя форма) относятся различные экстралингвистические факторы, с которыми ФЕ связаны деривационными отношениями. К таким факторам, способствовавшим появлению ФЕ, относятся легенды, традиции, исторические факты и др.

В.Н. Телия, осмысливая культурно-национальную специфику фразеологизмов, отмечает, что «система образов,

закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а поэтому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996].

Примером ФЕ с внеязыковым прототипом в английском языке может служить фразеологизм *blow by blow* (букв. удар за ударом) – очень подробно. Возникновение данного выражения восходит к тридцатым годам прошлого века, когда репортажи с матчей по боксу в Америке передавались по радио и сопровождалась самым подробным описанием каждого удара, наносимого соперниками друг другу. В современном английском языке фразеологизм вышел за пределы спортивной лексики: “Endless secret meetings took place, usually in Downing street, lasting many hours. One grows to trust Ashdown’s blow by blow versions of these conversations”. (THE SPECTATOR, 22 September 2001).

Другим интересным примером фразеологизма с внеязыковым прототипом может быть выражение *to blow one’s own trumpet* (*horn*), употребляющееся в значении «хвалиться, хвастать, бахвалиться; заниматься саморекламой». Происхождение выражения напоминает о древней традиции объявлять о прибытии важной персоны звуками музыкального инструмента: трубы или рожка.

Английская идиома *to push the boat out* возникла в языке в начале 20 века и широко употреблялась моряками, когда речь заходила о веселой пирушке, до того как корабль отправится в плавание. Событие отмечалось бурно, спиртное лилось рекой. Именно этот обычай способствовал широкому распространению в английском языке данного фразеологизма. Однако сегодня в Англии мало кто знает о былой традиции. Выражение используется в значении «быть щедрым, много тратить».

Как видим, возникновение идиом во многих случаях объясняется реальными фактами из жизни англоязычных народов. Но происхождение целого ряда выражений относится к легендам или событиям, которые не имеют достоверного подтверждения. Так, идиома *an albatross around one’s neck*

восходит к легенде о моряке, убившего альбатроса и навлекшего по убеждению экипажа беду на весь корабль. Убитую птицу повесили на шею несчастному в качестве наказания. В современном английском выражение используется в значении «тяжелое бремя или испытание».

К смешанным прототипам относятся ФЕ, восходящие к тому или иному литературному источнику, от которых образованы другие ФЕ путем фразеологической деривации. Так, известное выражение *to grin like a Cheshire cat* в значении «ухмыляться, улыбаться во весь рот», несомненно, приобрело особую популярность благодаря книге Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». Однако, «Чеширский кот» был известен задолго до этого. История гласит, что в Чешире производили сыры в форме кота, либо ставили на головках сыра печать в виде его головы. Таким образом, выражение уже употреблялось за сто лет до выхода в свет популярной книги.

Хотя внутренняя форма является компонентом семантической структуры фразеологизма, приведенный выше анализ показал тесное взаимодействие внутренней формы с различными прототипами фразеологизмов как в рамках семантической структуры, так и за ее пределами. Подобное взаимодействие приводит к образованию простой или осложненной внутренней формы. На характер внутренней формы оказывает также влияние фразеологическая абстракция, полное или частичное переосмысление фразеологизма, безобразное семантическое преобразование и его раздельнооформленность.

Как показывают лингвистические исследования, внутренняя форма может быть живой, т. е. осознаваться на современном этапе развития языка как мотивированная, или мертвой, которая когда-то была живой, т.е. свойственной фразеологизму в диахронном плане и неустановленной во фразеологизмах, этимология которых неизвестна. Изучение внеязыковых прототипов, как видим уводит нас в далекое прошлое, возвращая к малоизвестным фактам, традициям, легендам, к истокам истории и культуры народов изучаемого языка.

По определению А.В. Кунина, внутренняя форма фразеологизма – это значение его прототипа, с которым фразеоматическое значение связано деривационными отношениями [Кунин 1996: 173].

Исследуя внутреннюю форму ФЕ, ученые приходят к выводу, что она является одним из важнейших компонентов ее семантической структуры, ее изучение необходимо для выявления специфики фразеологического значения и путей его развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - 2-е изд., перераб. - М.: Высш. шк. Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

Хостай И.С. Системно-функциональные характеристики фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. - Москва, 1997. – 175 с.

Linda and Roger Flavell. Dictionary of idioms and their origins. CPI Group (UK) Ltd., 2011. – 343 с.

УДК 811.112.2'367.335

Скребова Е.Г.

Воронеж, Россия

**ОСОБЕННОСТИ
УСТРОЙСТВА И
ОРГАНИЗАЦИИ РЕЛЯТИВНО-
НОМИНАТИВНОГО АСПЕКТА
СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ
АКТАНТНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей устройства и организации релятивно-номинативного аспекта сложноподчиненных актантных предложений немецкого языка. Это один из ключевых аспектов анализа информативно не минимальных предложений. Используя союзные слова, местоименные наречия, лексико-синтаксическое окружение, говорящий эксплицирует воспринятые им отношения между основной ситуацией и сопутствующими ей событиями.

Ключевые слова: релятивно-номинативный аспект, сложноподчиненные актантные предложения, отношения пространственной локализации.

Сведения об авторе: Скребова Екатерина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент 209 кафедры иностранных языков.

Место работы: Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина».

Контактная информация: 394030, г. Воронеж, ул. Бакунина, 24, к. 261.

Код ВАК 10.02.04

Skrebova E.G.

Voronezh, Russia

**SPECIAL ASPECTS OF
STRUCTURE AND
ORGANIZATION OF
GERMAN COMPLEX
ACTANT SENTENCES'
RELATIVE-NOMINATIVE
ASPECT**

Abstract. The article considers peculiarities of the structure and organization of German complex actant sentences' relative-nominative aspect. It is one of the key factors of the analysis of the non-minimum informative sentences. The speaker expresses relations between the principal situation and concomitant events, perceived by him, using connective words, pronominal adverbs, lexical-syntactic position.

Keywords: relative-nominative aspect, complex actant sentences, relationships of spatial localization.

About the Author: Skrebova Ekaterina Gennadievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the 209 Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Military development and Education Centre of Airforces «Airforce Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin».

При описании семантико-структурного устройства сложноподчиненных актантных предложений ведущая роль принадлежит релятивно-номинативному аспекту. В пределах данного аспекта рассматриваются способы эксплицитной актуализации, т.е. раскрываются реальные значения и функции информативно не минимальных виртуальных синтаксических единиц (знаков).

Интересующие нас подчинительные комплексы в качестве эксплицитных актуализаторов используют коннекторы – лексические средства, специально предназначенные для выражения семантических отношений между главной, основной ситуацией и сопутствующими ей ситуациями или, точнее, отношений между двумя и более (в зависимости от состава предметной ситуации) семантическими объектами, кодируемыми с помощью предложений.

В сложноподчиненных актантных предложениях функционируют два типа коннекторов, а именно союзы и корреляты.

По устоявшейся в германистике традиции союзы принято обозначать термином «**субьюнкторы**» («Subjunktoren»). Субьюнкторы указывают на тот или иной семантический тип синтаксической зависимости придаточного предложения от главного предложения. В придаточных предложениях, вводимых субьюнкторами, центр тяжести в структурной организации предложения переносится на структурное завершение предложения его необходимым компонентом – спрягаемой формой глагола. Образуется некое подобие рамки между двумя важнейшими для структурной целостности придаточного предложения компонентами: субьюнктором, расположенным в самом начале предложения, и дистанцированной от него спрягаемой формой глагола. Вместе с тем субьюнкторы, будучи лингвистически релевантными единицами значения, устанавливают связь главного предложения с придаточным посредством уточнения семантики последнего [Гулыга 1971: 24-26; Адмони 1973: 307; Blühdorn 2008: 11].

Обследованный нами языковой материал показывает, что сложноподчиненные актантные предложения фиксируют отношения пространственной локализации. В них развитие предметной ситуации, представленной в главной части подчинительного комплекса, ограничивается каким-либо пределом – пространственным локализатором, функции которого выполняет придаточная часть.

Пространство в описываемых сложноподчиненных предложениях отличается протяженностью, проявляющейся в том, что в каждый установленный отрезок времени субъект (реже – объект) предметной ситуации имеет определенную сферу окружения, т.е. занимает свою «пространственную сферу» (термин Д. Вундерлиха). При этом субъект конституирует пространственную сферу «своим перцептивным образом, основной функцией, которую он выполняет, и/или свойством, обусловленным этим образом» [Кошелев 2000: 40]. Отсюда, воспринятое и отраженное сознанием говорящего/пишущего пространство приобретает семиотический характер, становясь зависимым от формального выражения.

Отношения локализации в сложноподчиненных актантных предложениях передаются исключительно с помощью субъюнктора *wo*:

Wo die erste der querlaufenden Kunststraßen von der Pappelallee dammartig zwischen Wiesenbassins und Waldparzellen zum Hange laufend, an dessen Fuße mündet, führt links ein Weg, der im Winter von der Jugend als Rodelbahn benutzt wird, in das tiefer liegende Gelände hinab (Th. Mann); Der Stab oder Pflock ist alt und verwittert, von der gleichen Farbe wie die Schlange; wo ihn die Sonne bescheint, ist er wie mit silbergrauen Härchen besetzt (G. Keller); Mr. Brown stellte ich ein paar Schritte entfernt auf, wo er geduckt wie ein Torwart bereitstand, das Tier abzufangen, falls es Mrs. Brown Griff entschlüpfen sollte (L. Alexander).

В приведенных синтаксических конструкциях *wo* указывает на полное вхождение соотносимых пространств друг в друга, однако границы этих пространств остаются крайне неопределенными. Данное обстоятельство вызвано особенностями семантики рассматриваемого субъюнктора. Дело

в том, что *wo* всегда было многозначным субьюнктором. Еще в эпоху ранненововерхнемецкого языка (*des Frühneuhochdeutschen*), характеризовавшуюся интенсивным развитием подчинения в систему с устойчивой и специфической формой, с дифференцированной сложной сетью коннекторов, *wo* широко использовалось для выражения пространственных, временных, противительно-уступительных, условных значений. Анализируя явление полисемии у *wo*, Й. Шипек отмечает, что именно неопределенность значения, связанная с широтой употребления, делает этот субьюнктор удобным способом введения придаточного предложения и там, где необходимо только обозначить предложение как зависимое от следующего [Schiepeck 1899: 72-73]. В современном немецком языке субьюнктор *wo* сохраняет «неопределенность значения». Оно одинаково свободно реализуется и в сложноподчиненных предложениях с пространственным соотношением компонентов, и в сложноподчиненных предложениях, репрезентирующих условные отношения. Таким образом, степень семантической самостоятельности субьюнктора *wo* находится в прямой зависимости от его собственного семантического диапазона.

С учетом изложенных выше фактов на функционирование *wo* в сложноподчиненных актанных предложениях значительное влияние оказывает лексико-синтаксическое окружение. Прежде всего здесь имеются в виду **коррелятивные элементы**.

Основная синтаксическая функция коррелятов состоит в установлении соотношений между несколькими взаимосвязанными величинами. С одной стороны, они отсылают к предметной ситуации главного предложения, с другой стороны – они отсылают к предметной ситуации придаточного предложения, способствуя более тесному объединению предложений как частей сложного целого.

Специфика коррелятов заключается в том, что их семантическое поле оказывается бинарным, например: *da – dann*, *da – dort* и т.д. Это противопоставление служит основой для дифференциации значений коррелятов.

В зависимости от семантической и строевой роли в осуществлении взаимосвязи частей сложного синтаксического целого выделяются две группы коррелятивных элементов – анафорические и катафорические. Анафорические корреляты отсылают к информации, содержащейся в препозитивном придаточном предложении, подчеркивая, таким образом, его коммуникативную значимость. В этом случае семантико-синтаксические отношения выражаются наиболее четко, так как соответствуют актуальному членению предложения. Придаточное предложение в препозиции обычно выступает как тема, распространяясь на все высказывание в целом и предопределяя его семантику. Катафорические корреляты, напротив, отсылают к информации, содержащейся в пост- или интерпозитивном придаточном предложении. В этом случае сложное синтаксическое целое отличается абсолютным единством коммуникативного содержания. Главное предложение выполняет свое назначение только в соединении с придаточным предложением, и отдельные компоненты его лексико-грамматического состава получают ту или иную коммуникативную нагрузку лишь на общей линии актуального членения, характеризующего все высказывание в целом [Беднарская 2011: 29; Brauner 1997: 81].

В качестве коррелятов в сложноподчиненных актантных предложениях используются местоименные наречия *da* и *dort*, которые образуют регулярные адвербиальные скрепы с субьюнктором *wo* и способствуют уменьшению степени лексической абстракции последнего, например:

Er war da, wo er sein wollte (L. Feuchtwanger); Zu eklatant war die Veränderung, zu überwältigend das Wunder, das hier offenbar geschehen war: wo vor Wochenfrist ein geschundenes, verrohtes Tier gekauert hatte, da stand jetzt wahrhaftig ein zivilisierter, wohlgestalter Mensch (P. Süskind); Dort, wo er (der Weg) eben wird, beginnt der Bach seinen Lauf, und zu seiner Seite, rechts oder links von ihm, worin man wiederum abwechseln kann, ergehen Herr und Hund sich gern, entlang dem verschieden gestalteten Hange (Th. Mann); «Wo der Werner sich das geholt hat,

du dumme Gans, dort hättest du dich vor lauter Angst von oben bis unten be... schmutzt!» (D. Noll).

В этих и им подобных построениях *da, dort* обозначают какое-то определенное место в пространстве, где осуществляется действие главной части, выдвигая при этом на передний план семантику статического пребывания в пространстве.

В предложении коррелятивные элементы *da, dort* могут функционировать и как катафорические, и как анафорические корреляты.

Степень лексической абстракции субъюнктора *wo* уменьшается также за счет предикатов, реализующихся в главной части сложного целого. При этом речь идет не об аспектуальных качествах предикатов, с помощью которых прослеживаются связи известных классов лексических значений глаголов с категорией вида или ее аналогами, но о собственно семантических свойствах глагольных лексем.

Как показывает собранный фактический материал, чаще всего в главной части сложноподчиненных актантных предложений употребляются глаголы семантического класса локализации. Принадлежность глаголов к названному классу формирует определенные ожидания относительно числа и состава, семантических ролей актантов, включающихся в синтаксическую конструкцию, а также способах их внешнего (в том числе морфологического) оформления, порядка их взаимного расположения.

Класс глаголов локализации представляет собой относительно небольшой по объему класс; в него входят глагольные лексемы *sein*², *sich befinden*, *hingeraten*, *bleiben*, выражающие положение субъекта во вполне определенной точке пространства. Глаголы со значением локализации имеют два обязательных семантических актанта – субъект и пространственный локализатор. Например:

«Im übrigen», sagte er, «auch wenn du drei Monate fortbleibst oder drei Jahre: da du ein guter Deutscher bist, ist [Deutschland]_{Subjekt} [da, wo du bist]_{Lokalisator}» (L. Feuchtwanger); «[Wo Glaube ist]_{Lokalisator} 1, so spricht Hans Johst, [dort]_{Lokalisator 1} 'ist [Allmacht]_{Subjekt 1}! Und [wo Allmacht ist]_{Lokalisator 2} ... ist [das Reich]_{Subjekt 2} und [die

Herrlichkeit]_{Subjekt 2!}'!)» – «... *in Ewigkeit, amen...*», *flüsterte Gomulka (D. Noll); [Mensch]*_{Subjekt}, *bleib*, [*wo du bist und rühr dich nicht*]_{Lokalisator!} (E. von Hirschhausen).

Пространства в данных синтаксических конструкциях входят друг в друга полностью.

При анализе степени влияния глаголов локализации на семантическую структуру сложноподчиненных актантных предложений необходимо подчеркнуть особо, что прежде всего мы рассматриваем связи глаголов с семантическими актантами, которые определяются структурой кодируемой предметной ситуации, т.е. те или иные актанты включаются в семантическую структуру предложения не по требованию глагола, а по требованию отражаемых сознанием говорящего/пишущего отношений, и эти отношения уже имеют открытые позиции для одного или нескольких актантных и признакововых компонентов [Копров 2010: 64].

Как показывает проведенное исследование, релятивно-номинативный аспект является одним из ключевых аспектов анализа устройства сложноподчиненных актантных предложений. В рамках данного аспекта производится исследование реальных значений и функций информативно не минимальных синтаксических знаков посредством всестороннего рассмотрения семантико-структурных особенностей эксплицитных актуализаторов, к которым относятся субъонкторы, корреляты, лексико-синтаксическое окружение.

Было выявлено, что специфика сложноподчиненных актантных предложений заключается в том, что этот класс предложений репрезентирует исключительно отношения пространственной локализации. Отношения пространственной локализации передаются с помощью субъонктора *wo*, отличающегося высокой степенью лексической абстракции. В современном немецком языке субъонктор *wo* используется для выражения пространственных, временных, условных значений, поэтому степень семантической самостоятельности этого субъонктора находится в прямой зависимости от его собственного семантического диапазона.

Проведенный анализ показал, что уменьшению степени лексической абстракции субъюнктора *wo* способствуют корреляты и предикаты, реализующиеся в главной части сложноподчиненного предложения. При этом, говоря об особенностях функционирования предикатов в семантической структуре предложения, следует иметь в виду, что здесь прежде всего рассматриваются связи глаголов определенных семантических классов с семантическими актантами, которые определяются структурой кодируемой предметной ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. – Л.: Наука, 1973. – 206 с.
- Беднарская Л.Д. Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений: монография. – Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2011. – 132 с.
- Гулыга Е.В. Теория сложно-подчиненного предложения в современном немецком языке. – М.: Высшая школа, 1971. – 206 с.
- Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.
- Кошелев А.Д. Еще раз о значении имени существительного // Логический анализ языка: Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 29–51.
- Blühdorn H. Syntax und Semantik der Konnektoren. Ein Überblick. – Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2008. – 67 S.
- Brauner U. Temporale Satzgefüge mit einmaligem Zeitbezug im Deutschen und Italienischen. – Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1997. – 358 S.
- Beiträge zur Kenntnis Deutsch-Böhmischer Mundarten im Auftrage des Vereines für Geschichte der Deutschen in Böhmen. – Prag: Verlag des Vereines für Geschichte der Deutschen in Böhmen, 1899. – Teil I. Der Satzbau der egerländer Mundart von Josef Schiepek. – 641 S.

УДК 811.112.2'373

Федуленкова Т.Н.
Владимир, Россия
**ИЗОМОРФИЗМ
ЛЕКСИЧЕСКОГО
ВАРИАНТА В
ФРАЗЕОЛОГИИ
АНГЛИЙСКОГО,
НЕМЕЦКОГО И
ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ**

Аннотация. В результате сопоставительного анализа вариантов фразеологических единиц в английском, немецком и шведском языках выявляем их изоморфный характер. Научная база исследования – метод фразеологической идентификации А.В. Кунина.

Ключевые слова: *английский, немецкий, шведский, лексические варианты, фразеологические единицы, изоморфизм.*

Сведения об авторе: Федуленкова Татьяна Николаевна, член-корр. РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры ИЯПК.

Место работы: Владимирский государственный университет.

Контактная информация: 600026, г. Владимир, ул. Тракторная, 10 – 37.

e-mail: fedulenkova@list.ru

Код ВАК 10.02.01

Fedulenkova T.N.
Vladimir, Russia
**ISOMORPHISM OF LEXICAL
VARIANT IN
PHRASEOLOGICAL UNITS
OF THE ENGLISH, GERMAN
AND SWEDISH LANGUAGES**

Abstract. As a result of comparative analysis of variants in phraseological units of English, German and Swedish, we find out their isomorphic character. The analysis is based on the method of phraseological identification introduced by Alexander V. Kunin.

Keywords: *English, German, Swedish, lexical variants, phraseological units, isomorphism.*

About the Author: Fedulenkova Tatiana Nickolaevna, RANH correspondent member, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages PC.

Place of employment: Vladimir State University.

В основу исследования положен метод фразеологической идентификации, предложенный А.В. Куниным [Кунин 1996: 38]. В решении проблемы вариантности фразеологической единицы, одной из наиболее актуальных проблем в лингвистике, в качестве отправной точки принимаем функциональную связь между сторонами единицы, т.е. ее целостность как единицы системы [Федуленкова 2012: 19]. Именно такой подход к объекту

исследования обусловил выделение ряда критериев, на основе которых предлагается следующее определение вариантов: «Фразеологические варианты – это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [Кунин 1964: 442].

В сопоставительном изучении германской фразеологии исходим из того, что варианты одной и той же фразеологической единицы всегда вписываются в одну фразеологическую модель, как одномерную, так и двумерную [Федуленкова 2006: 75], что аргументирует принадлежность этого динамического компонента к структуре ФЕ.

Языковой материал исследования позволяет выявить следующие виды лексических вариантов в каждом из сопоставляемых германских языков:

1. Лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми глагольными компонентами (см. тж. [Fedulenkova 2001: 128]):

англ. to bind (tie) smb hand and foot – связать кого-л. по рукам и ногам, ограничить свободу действий, to pull (snatch) smb out of the fire – спасти кого-л. от неминуемого провала, выручить кого-л. из беды, to act (play) the fool – делать глупости, to trample (tread) under foot – попирать (чьи-л. чувства, человеческое достоинство и т.п.), to put (set) one's hand to the plough – приступать к чему-л., браться за что-л., to take (lay) smth to heart – принимать что-л. близко к сердцу, to bend (bow) the knee to smb – преклонить колена перед кем-л., покориться, подчиниться кому-л., to cast (throw) in one's lot with smb – связать свою жизнь с кем-л., разделить чью-л. судьбу, to bend an ear to smb (give ear to smb, lend an ear to smb) – внимать кому-л., to open (incline) one's ears – прислушиваться;

нем. alles über einen Leisten schlagen (machen) – мерить всех одной меркой, стричь под одну гребенку, j-n auf den Leim locken (führen) – поймать на удочку, обмануть кого-л., etw ins rechte Licht stellen (setzen) – правильно осветить, описать что-л., sich gleich

auf den Kopf stellen (setzen) – *разг.* сразу становиться на дыбы, легко впадать в амбицию, Kopf und Kragen aufs Spiel setzen (wagen) – рисковать головой, etw beim rechten Zipfel anfassen (anpacken) – умело взяться за что-л., unter die Räder kommen (geraten) – погибать, пропадать, разоряться, Wurzel schlagen (fassen) – пускать корни, прививаться, sich mit Händen und Füßen gegen etw sträuben (stemmen, wehren) – *разг.* отбиваться руками и ногами от чего-л., противиться всеми силами чему-л., die Karre in den Dreck fahren (schieben) – *разг. фам.* провалить дело;

швед. att förbanna (förinta, utplåna) den dag han blev född – проклинать тот день, когда появился на свет, att skölja (två) sina händer – умыть руки, уходить от ответственности, att utforska (rannsaka) ngn's hjärta – заглянуть к себе в душу, анализировать свои поступки, att se (beställa) om sitt hus – устроить свои дела, привести свои дела в порядок, att lägga (breda) ut ett nät för ngn's fötter – стараться поймать кого-л. в свои сети, att valla (styra) ngn med en stav av järn (järnspira) – править, держать в ежовых рукавицах, att fatta (visa) humör – разозлиться, att komma (vara) i gorget – быть модным популярным, att komma (råka) ur gängorna – выбиться из колеи, быть в плохом настроении, att bli (komma, vara) på efterkälken (med ngt) – отставать, отстать, оказаться в хвосте;

(б) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми субстантивными компонентами:

англ. to lose the day (field) – проиграть сражение, to nail one's colours (flag) to the mast – открыто отстаивать свое мнение, не сдавать своих позиций, to cross smb's hand (palm) – "посеребрить" ручку, to split hairs (straws) – вдаваться в чрезмерные подробности, проявлять педантизм, to find favour in smb's eyes (sight) – заслужить чье-л. расположение, благосклонность, любовь, to go to heaven (kingdom-come) – отправиться на небеса, pride goes before a fall (destruction) – гордыня до добра не доведет;

нем. j-m den Text (ein Kapitel, die Leviten, die Epistel) lesen – *разг.* отчитывать, журить кого-л., читать нотации, нравоучения кому-л., am Rande des Abgrundes (des Verderbens, des Unterganges, des Ruins) stehen – стоять на краю гибели, пропасти, ein Löwe auf dem Wege (den Gassen) – воображаемое препятствие, мнимая

опасность, Gerstenbrote (Brote) und Fische – земные блага, wie ein Blitz (Blitzschlag, Blitzstrahl, Donnerschlag) aus heiterem Himmel über j-n kommen – разразиться внезапно;

швед. att hänga sina lyror (harpor) i pilträden – перейти от веселья к унынию, inte vara värdig att knyta upp ngns sandalremmar (skorem(mar)) – быть недостойным (развязать ремень на башмаке кого-л.), [att se] flisan (grandet) i ngns öga – замечать сучок в чужом глазу, видеть чужой недостаток, att njuta av landets rikedomar (fetma) – жить припеваючи, att sätta sin lampa (sitt ljus) under sädesmättet (skäppan) – книжн. заглушать, не давать развернуться таланту, att sätta foten på ngns nacke (hals) – поработать, угнетать, всецело подчинять себе кого-л.;

(в) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми адъективными компонентами:

англ. to have a good (great) mind to do smth – иметь твердое намерение сделать что-л., to have a biting (bitter, caustic, venomous) tongue – быть злым на язык, [to be] leading (shining) light – светило, знаменитость, to rule with a heavy (high, an iron) hand – деспотически править, держать в ежовых рукавицах;

нем. in guten (zuverlässigen) Händen sein – быть в надежных руках, eine lockere (lose) Hand haben – давать волю рукам, böse (schlechte) Gesellschaft verdirbt gute Sitten – дурные примеры заразительны, eine spitze (scharfe, beißende, giftige) Zunge haben – быть злым на язык, ein brennend (scheinend) Licht [sein] – знаменитость, eine kräftige (gute) Handschrift schreiben – иметь тяжелую руку, сильно бить;

швед. att ha skuldlösa (rena, oskyldiga) händer – быть честным, незапятнанным, [att göra ngt] med redo (bägge) händer – усиленно, непрестанно (заниматься чем-л.), Mediens och Persiens orubbliga (oryggliga) lag – вечный, незыблемый закон, brinnande (skinande) lampa – знаменитость, den ohederliga (oråtrådige) mammon – деньги, богатство, den inre (invärtes) människan – внутреннее «я», ум, душа, ngns finger är grövre (tjockare) än ngn annans länd – и мизинца не стоит, ничто в сравнении, att ha en vass (elak, bitande, giftig) tunga – быть злым на язык, [att få] ett ogrumlat (friskt) öga – быть целеустремленным, честным, прямолинейным;

(г) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми препозитивными компонентами:

англ. to go beyond (over) the mark – перегнуть палку, хватить через край, to tear the mask from (off) smb – разоблачить кого-л., to cast a spell on (over) smb – очаровывать кого-л., to have a millstone about (round, around) smb's neck – испытывать тяжелую ответственность, to live on (off) the fat of the land – жить в роскоши, припеваючи, как сыр в масле кататься;

нем. Gnade vor (für) recht ergehen lassen – сменить гнев на милость, ein gutes Geschäft mit (bei) etw machen – хорошо заработать на чем-л., über Geschmack (den Geschmack) läßt sich nicht streiten – на вкус и цвет товарища нет, о вкусах не спорят, in die (zur) Grube fahren – *разг.* отправиться на тот свет, vor (bei) j-m Gnade finden – удостоиться чьей-л. милости, угодить кому-либо;

швед. att vända den andra kinden mot (åt) ngn (till) – подставить другую щеку, att stanken från (av) ngt i näsan – вызывать отвращение, омерзение у кого-л., att kasta pärlor åt (för) svinen – метать бисер перед свиньями, ngns blod ropar från (utav) jorden – лежать на чьей-л. совести, [att bli] våt inpå (in, på) bara kroppen – промокнуть до нитки, att få bukt med (på) ngn, ngt – совладать, справиться с кем-л., с чем-л. и мн. др.

Посредством структурно-семантического анализа выявляем следующие четыре вида лексических вариантов в английском, немецком и шведском языках:

- лексические варианты фразеологических единиц с взаимозаменяемыми глагольными компонентами,
- лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми субстантивными компонентами,
- лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми адъективными компонентами,
- лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми препозитивными компонентами.

Исследование фразеологии трех германских языков позволяет сделать следующие выводы:

- а) лексический вариант как динамический компонент в структуре фразеологической единицы, не противоречит ее тождеству,

- б) лексическая вариантность представляет собой изоморфное явление в германской фразеологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.

Кунин А.В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964.

Федуленкова Т.Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии: Монография. – Архангельск: Поморский ун-т, 2006.

Федуленкова Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков: Курс лекций. – М.: ИД «Академия Естествознания», 2012.

Fedulenkova T. Lexical variability of English phraseological units with the component 'make' // Collocations and Idioms 1: The First Nordic Conference on Syntactic Freezes / Ed. Marja Nenonen / University of Joensuu, 2006. – P. 98-99.

УДК 811.131.1

Филипацци Ю.А.

Москва, Россия

**ФОНОЛОГИЯ РИМСКОГО
ДИАЛЕКТА И ЕЕ
ОПИСАНИЕ В
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ**

Код ВАК 10.02.20, 10.02.05

Filipazzi Yu.A.

Moscow, Russia

**THE PHONOLOGY OF
ROMANESCO AND HER
DESCRIPTION IN
LINGUISTIC LITERATURE**

Аннотация. В статье делается обзор основной фонологической и диалектологической литературы, посвященной диалекту города Рима, указывается на проблемы в трактовке некоторых явлений римской речи, в частности, явлений синтаксической фонетики.

Ключевые слова: римский диалект (романеско), фонология, фонетический закон, закон Порена, фоно-синтаксическое удвоение.

Abstract. The article examines fundamental phonological and dialectological literature dedicated to the dialect of the city of Rome, points out problems in rendering some phenomena of the Roman speech, particularly the phenomena of the syntax phonetics.

Keywords: dialect of Rome (romanesco), phonology, phonetical law, Lex Porena, rafforzamento fonosintattico.

Сведения об авторе: Филипацци Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, референт-переводчик.

Место работы: Международный благотворительный фонд «За будущее фехтования», Москва.

Контактная информация: 141070, Московская обл., г. Королёв, ул. Калинина, 15, кв. 35.
e-mail: juliaflip@gmail.com

About the Author: Filipazzi Yulia Alexandrovna, Candidate of Philology.

Place of employment: International Charity Fund "For the Future of Fencing", Moscow.

Описание фонетики итальянских диалектов и, шире, языков романской группы, в классических трудах по романской филологии и энциклопедических изданиях [Алисова 2007, Нидерман 2001, Чельшева 2001, Rohlf's 1966 и др.] традиционно открывается системой вокализма: рассматриваются изменения в системе гласных при переходе от латыни к неолатинским языкам и диалектам. Особенности функционирования гласных проявляются

преимущественно в сфере слова, так как зависят от типа и места ударения, от позиции слога, в составе которого используется гласный; этот слог может быть ударным, пред(пред)ударным, заударным. В этой связи в романистике, как и в итальянистике используется деление слов на окситоны, парокситоны, пропарокситоны. Различные свойства гласных фонем, такие как, например, тембр и долгота, также рассматриваются в пределах слова или морфемы (слога) и гораздо реже – в более широком фонологическом контексте.

Иная ситуация наблюдается в системе консонантизма. Закономерные фонотактические изменения согласных, будь то ассимиляция, выпадение, озвончение и т.п., пронизывают более крупные фонологические единицы речи, нежели слово, игнорируя морфологические границы элементов высказывания. Однако лексикоцентрический принцип описания единиц и явлений языка, который, безусловно, является ведущим в лингвистике, относит эти явления на второй план, а потому часто оказывается сложно найти их адекватное описание даже в специальной литературе.

В описании фонологических систем итальянских диалектов имеет важность описание не только тех явлений, которые проявляются в слове и больше тяготеют к сфере языка, но и тех фонетических процессов, которые проявляются при комбинировании слов на синтагматическом уровне в речи. Проблема, очевидно, заключается в том, что порой трудно провести четкую границу между позиционными вариантами одной и той же согласной фонемы и случаями чередования разных фонем в одной и той же позиции, особенно если эта позиция оказывается синтаксической. Насколько нам известно, различные фонологические школы решали данный теоретический вопрос гласным образом применительно к фонологии слова, не перенося его в сферу фоносинтаксиса.

Классический способ описания согласных фонем романских языков и диалектов опирается на этимологический принцип, то есть объясняет, как, например, латинское слово *gutta* превратилось в итальянское слово *goccia*. Изменения согласных в синтагматике, при соединении слов в словосочетания, если и отражаются в описательной и справочной литературе, то, как правило, отдельно,

вне связи с основной фонологической системой, без этимологического или функционального объяснения природы этих явлений либо так, что объясняется лишь часть случаев, а из предложенных правил невозможно вывести следствия для правильной интерпретации других примеров.

Обязательное указание на явления фоновинтаксиса содержится в нормативных и дидактических работах по литературным романским языкам, например, французскому (явление “льзон”) или итальянскому (явление сандхи, обозначаемое термином *rafforzamento fonosintattico*), так как они являются частью орфоэпической нормы и лингвистической компетенции обучающегося иностранному языку. Разумеется, жанр таких изданий не предполагает изложение теории и представления различных гипотез относительно природы данных явлений.

Что касается описания итальянских диалектов, исследователи, разумеется, также не проходят мимо фактов синтаксической фонетики. В одних работах эти явления описываются вместе с другими фонологическими чертами того или иного диалекта, часто как простая номенклатура случаев, не имеющая под собой лингвистической трактовки. Другие работы рассматривают конкретные явления фоновинтаксиса в свете какой-либо теоретической гипотезы и подбирают примеры, доказывающие их правоту. В целом подача и описание явлений синтаксической фонологии страдает отсутствием системы и, как следствие, серьезными информационными лакунами.

Не составляют исключение и материалы, накопленные по фонологии римского диалекта. В настоящей статье мы рассмотрим два явления из области фоновинтаксиса – законы *Lex Porena Rafforzamento Fonosintattico* (сандхи).

Lex Porena. Закон Порена (названный по имени ученого, впервые зафиксировавшего данное явление) заключается в упрощении долгого или утрате краткого бокового согласного /l/ в словах, производных от латинского *illum*: в артиклях *la, lo, le, li*, в омофонических объектных клитиках, в формах местоимения *quello*, в предлогах, *связанных с артиклями, например, dalla, allo, nelle и др.*

П. Д'Акилле, упоминая закон Порена, причисляет его к самым ярким проявлениям диалектной фонологии Рима. Однако,

предлагая примеры для иллюстрации, он, как и многие другие исследователи, ограничивается констатацией факта, что закон проявляется *во многих синтаксических контекстах*: 'a casa 'la casa', daa ggente 'della gente', 'o vedi 'lo vedi', gnaa faccio < (nu)n je la faccio 'non ce la faccio', eccaa llà 'eccola lì', quoo bbòno 'quello buono' [D'Achille]. Каковы конкретные условия, при которых происходит выпадение или упрощение /l/, не раскрывается. Из перечисленных примеров можно заключить, что правило выпадения /l/ срабатывает в случае нередуцированного употребления указанных слов (то есть при отсутствии элизии).

Дж. Маротта, наоборот, останавливается на просодических и морфосинтаксических условиях действия *Lex Porena* [Marotta 2010]. По ее утверждению, для того, чтобы закон сработал, между элементом, содержащим /l/, и предшествующим элементом должна проходить морфологическая граница [Marotta 2005: 17]. В самом деле, М. Порена засвидетельствовал, что данное правило не работает в абсолютном начале высказывания, а только внутри его. Возможно, он имел в виду только моносиллабы *lo, la, le, li*, для которых требуется наличие предшествующего слова, ведь в римском диалекте итальянского языка в большинстве случаев слова оканчиваются гласными и тем самым создают условие интервокального положения для согласного /l/. Для слова *quello* наличие морфологической границы слева от него непринципиально: *Lex Porena*, как увидим ниже, здесь регулируется иными факторами, а главное, в слове *quello* соблюдено условие интервокального положения /l/. Получается, что предложенная формулировка охватывает лишь частный случай. Подобная путаница в описании возникает каждый раз, когда правила описания фонологии слова отделяются от правил описания синтаксической фонологии; в данном случае было достаточно распространить условие интервокальной позиции согласного на все фонотактические позиции, включая как середину слова, так и межсловесный стык (как делает Фанчулло [Fanciullo 1997: 12]).

Чуть более понятно утверждение Маротта о том, что просодическим фактором действия закона Порена выступает безударность гласного, которому предшествует согласный сегмент /l/: *ho venduto la cAsa* [o v:en'd'u:do a ga:sa], но *gli Uomini* ['lom:ini]

[Marotta 2005: 17]. Хочется сразу заметить, что в нередуцированной форме слов < ILLE гласный, стоящий перед /l/, всегда безударен; значит, ограничения на выпадение /l/ могут возникать только в случае редукции гласного (элизии). Из правила достоверно явствует, что *Lex Porena* действует в словах < ILLE, употребляемых перед словами, начинающимися на согласный, и не действует, если слова < ILLE оказываются связаны элизией со словами, начинающимися на ударный гласный. Случаи, когда слова < ILLE связываются элизией со словами, начинающимися на безударный гласный, специально не обговариваются и соответствующие примеры не даются.

В частности, из предложенного описания невозможно понять, как должно произноситься словосочетание *risolvere l'enigma* [resorve e'nimma] или [resorve le'nimma]? Если применить критерий интервокального положения, то правило Порена должно действовать, и тогда элемент /l/ выпадает. Однако в этом случае должна произойти утрата элемента, несущего в себе важную грамматическую информацию. Допускает ли система римского диалекта полное выпадение определенного артикля без его отражения в поверхностной структуре, как это происходит в тосканском или неаполитанском диалектах? Если допускает, то почему этот вариант никак не обговаривается, а если не допускает, то дело, вероятно, не в безударности последующего гласного, а в просодическом оформлении слова < ILLE (наличие/отсутствие элизии).

Особо следует отметить, что, вероятно, существует разная “степень” утраты /l/ в одних и тех же контекстах в разных условиях произношения: $\text{ll} \rightarrow \text{l}$, $\text{l} \rightarrow \text{'}$. Четкой системы в описании этих явлений в литературе не прослеживается.

Что касается местоимений *quello, quella, quelli, quelle*, есть источники, в которых свидетельствуется в пользу того, что закон Порена о выпадении/упрощении /l/ работает только в случае зависимого употребления этих местоимений в функции определения к существительному: *quelo sportello, quella casa, quella granne casa, perche' e' quella vecchia*. Когда эти местоимения используются в независимой синтаксической позиции, а именно в собственно указательной функции, тогда они не подчиняются *Lex*

Porena: e' quello, perche' quella e' vecchia. Налицо еще один фактор, определяющий условия действия рассматриваемого закона.

Raddoppiamento fonosintattico (сандхи). Продолжая разговор о Lex Porena, следует заметить, что упомянутая выше морфологическая граница (= интервокальное положение) перед словами < ILLE может иметь разное просодическое оформление, а именно заключать в своем составе как ударные, так и безударные гласные. Иначе говоря, предшествующее слово может быть окситонным либо неокситонным. В некоторых итальянских диалектах, в том числе римском, окситоны вызывают сандхи - усиление последующего согласного: *ho capito* [o k:apito]. В итальянистике это явление известно как *rafforzamento fonosintattico* (RF). Таким образом, существуют контексты, в которых теоретически применимы оба закона – и Lex Porena, и RF, а потому следует выявить, какой из этих двух законов является приоритетным и отменяет действие другого.

По Ф. Фанчулло, тосканские диалекты имеют тенденцию к реализации RF просодического типа, то есть в контекстах после ударных конечных гласных, в то время как центрально-южные диалекты, к которым относится говор Рима, реализуют RF морфологического типа, в ситуациях, когда в диахронии в указанных контекстах присутствовал конечный согласный, впоследствии ассимилировавшийся [Fanciullo 1997: 68]. В реальности картина является более сложной, особенно если принять во внимание гибридный характер римского диалекта, изначально более схожего с диалектами Юга Италии, но подвергнувшегося очень сильной тосканизации на определенном этапе своего развития.

В логике описания случаев сандхи контексты, в которых применим закон Порена, выступают как исключения, то есть Lex Porena блокирует применение правила RF [Rohlf's 1966: 237]. Напротив, RF начального /l/ местоименной частицы или артикля возможен в ситуации элизии перед ударным гласным: [pe l: antri] 'per gli altri', в отличие от безударного гласного в контексте [pe li figli] 'per i figli' [Loporcaro 1997: 86]. Однако, как мы уже сказали, при всей кажущейся простоте правила реальные случаи употребления показывают более сложную картину.

Проблема в том, что предложенные примеры не отражают всех частных случаев применения или неприменения RF. Понятно, что определенные артикли часто употребляются после предлогов, как показано выше. Но, все-таки, для лучшей иллюстрации правила было бы корректно привести примеры, в которых словам < ILLE предшествует окситонное слово или моносиллаб, вызывающий RF.

Рассмотрим следующий контекст: *Quann'e' vvenuto stavo a ssentì' la radio*. Интересующий нас фрагмент состоит из инфинитива *ssenti'* и фонологического слова *la radio* (клитика + опорное слово). Инфинитив образован апокопой *sentire* → *sentì'*, которая по своему просодическому статусу является окситоном и должна вызывать RF. Между тем, усеченные слова, оканчивающиеся на ударный гласный, не всегда вызывают RF, так как в сознании говорящих часто остается закрепленным воспоминание о прежней форме слова, которая не оканчивалась ударным гласным. В литературе, посвященной итальянским диалектам, нет прямого ответа на вопрос, считать ли римские инфинитивы апокопами или полноценными окситонами. Из различных фактов можно, тем не менее, вывести, что в данном случае мы имеем дело с окситонами, вызывающими RF.

Дальнейшее рассуждение натывается на еще одно препятствие. Приняв за руководство к действию тезис о том, что *Lex Porena* блокирует RF, мы рассчитываем получить контекст, в котором удвоение не реализуется, а вместо него происходит выпадение /l/: *stavo a ssentì' a radio*. Однако таких примеров мы в литературе не нашли. Возникает предположение о том, что, вероятно, механизм взаимодействия двух правил еще более тонок: *Lex Porena* (LP) происходит в контекстах, где уже были закреплены результаты RF: *sentì' la radio* → *ssenti' lla radio* (RF) → *sentì' la radio* (LP), где /l/ сначала удваивается за счет RF, затем упрощается согласно закону Порена. К сожалению, подобные контексты никак не интерпретируются ни при описании одного, ни при описании другого закона.

Объективная сложность в описании фонологии римского диалекта заключается в том, что приходится учитывать ряд процессов, начавшихся в диахронии, на какое-то время замедливших свое развитие из-за сильного тосканского влияния, а

сейчас возобновившихся. В интерпретации каждого диалекта лежит определенная логика, которая позволяет уложить данные в четкую систему. В отношении римского диалекта таких логик должно быть несколько. Его описание не должно ограничиваться простыми случаями, лежащими на поверхности, поскольку существуют фоносинтаксические контексты, которые оказываются на пересечении нескольких правил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алисова Т.Б. Введение в романскую филологию : учебник / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. - 3-е изд., испр. и доп. - М. : Высшая школа, 2007. – 453 с.
- Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 192 с.
- Чельшева И.И. Диалекты Италии // Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001. – С. 90 – 146
- D'Achille P. Italiano e dialetto a Roma. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.treccani.it/lingua_italiana/speciali/italiano_dialetti/D_Achille.html
- Fanciullo F. Raddoppiamento Sintattico e ricostruzione linguistica nel Sud italiano. - Pisa : Edizioni ETS, 1997. – 65 p.
- Loporcaro M. L'origine del raddoppiamento fonosintattico: saggio di fonologia diacronica romanza. Basel and Tubingen: «Francke Verlag», 1997. - Pp. Xiv + 181
- L'introduzione al dialetto romano. - Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.roma.andreapolett.com/58/dialett3.htm>
- Marotta G. Fonetica sintattica // Enciclopedia dell'italiano. IST. ENCICLOP. ITA. TRECCANI, 2010. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.treccani.it/enciclopedia/fonetica-sintattica_\(Enciclopedia_dell'Italiano\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/fonetica-sintattica_(Enciclopedia_dell'Italiano)/)
- Marotta G. Il consonantismo romano. Processi fonologici e aspetti acustici // Italiano parlato. Analisi di un dialogo. – Liguori Editore, 2005. - Pp. 1 – 24.
- Rohlf G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Fonetica. – Torino: Giulio Einaudi Editore s.p.a., 1966. – 522 с.

УДК 811.111

Чайкисова А.В.

Иркутск, Россия

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ
ИННОВАЦИИ В
СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ
ИЗМЕНЕНИЙ**

Аннотация. В статье рассматриваются новейшие изменения в грамматической системе современного английского языка с точки зрения факторов и механизмов, их обуславливающих. Предлагается обзор основных результатов исследований данной проблемы.

Ключевые слова: языковая динамика, грамматические изменения, американизация, грамматикализация, коллоквиализация. *Диверсификация, глокализация*

Сведения об авторе: Чайкисова Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения.

Место работы: ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске (филиал)

Контактная информация: 664080, г. Иркутск, мкр. Топкинский, д.66, кв.20.

e-mail: anncher@rambler.ru

Код ВАК 10.02.04

Chaykisova A.V.

Irkutsk, Russia

**GRAMMATICAL
INNOVATIONS IN MODERN
ENGLISH: FACTORS AND
MECHANISMS OF CHANGES**

Abstract. The article discusses recent changes in the grammatical system of modern English focusing on the factors and mechanisms determining the changes. It summarizes the main approaches and results in this field.

Keywords: language dynamics, grammatical changes, Americanization, grammaticalization, colloquialization.

About the Author: Chaykisova Anna Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies.

Place of employment: Eurasian Linguistic Institute.

Как и все естественные языки, современный английский язык находится в постоянном развитии. Изменения в нем происходят на всех языковых уровнях и под воздействием разных

факторов. Грамматические инновации в современном английском языке нуждаются в особом рассмотрении, поскольку, с одной стороны, являются менее заметными по сравнению с лексическими, с другой стороны, традиционная грамматика не всегда объясняет новые грамматические явления, встречаемые в реальном употреблении.

В рамках грамматической категории числа существительного отмечаются следующие изменения. Во-первых, встречается употребление ранее неисчисляемых существительных во множественном числе:

*All my **furnitures**, clothes, everything is stolen (COCA);*

*The availability of **equipments** in laboratories should be increased and teachers should be informed about how to use laboratories (COCA);*

*He claimed to have taken the **informations** of over a hundred witnesses, English and Irish (BNC).*

Данное явление наблюдается преимущественно в некоторых вариантах английского языка так называемого «внешнего круга» – индийском английском, филиппинском английском и др. Упомянутые изменения связаны, с одной стороны, с глокализацией (придаением языку локальных признаков в связи с глобальным распространением) [Pakir 1999 цит. по Прошина 2012: 203], с другой стороны – с диверсификацией (развитием английского языка в различных регионах земного шара) [Ларцева 2012]. Следует отметить, что исследуемые грамматические изменения постепенно получают все большее распространение и оказывают влияние на стандартный английский язык, в связи с чем происходит значительная динамика его норм.

Во-вторых, наблюдается образование множественного числа традиционно нерегулярных форм при помощи продуктивного грамматического суффикса -s, таким образом работает принцип выравнивания по аналогии:

*It was very strange for us, because the recruits were lying just like **sheeps** and goats (COCA);*

*These **phenomenons** are useful to study... (COCA);*

*...touch-screen computers with either different styluses or using finger gestures, different size **mouses**, or the use of interactive whiteboards (COCA).*

В области глагольных форм следует упомянуть устойчивое увеличение частотности употребления форм Continuous в целом и стативных глаголов в этих формах в частности:

I'm sure **I'm forgetting** something (COCA);

He is understanding the things that happen to your body as you age (COCA).

При объяснении факторов и механизмов данного явления также находим разные точки зрения. В качестве ведущей тенденции отмечается коллоквиализация [Biber 1999], влияние американского варианта на британский [Smith 2005], влияние региональных вариантов [Thomas 1996], другими словами, выше упомянутая глокализация [Прошина 2012].

Кроме того, отмечается рост употребления вспомогательного глагола get для образования пассивного залога, например: *they **got** injured* вместо *they **were** injured*. Здесь ученые указывают на тенденцию к коллоквиализации и влияние американского варианта английского языка [Mair 2006]. Необходимо отметить, что приобретение американским английским статуса доминирующей разновидности английского языка, оказывающей влияние на другие языки и варианты, в том числе и британский английский, обусловлено лидирующим положением США в экономике и культуре, а также тем, что около 70% общего числа англоговорящих в мире проживает в США [Ларцева 2012].

В системе модальных глаголов происходит значительное уменьшение частотности употребления основных модальных глаголов (can, may, shall, must) и увеличение частотности так называемых полумодальных глаголов (have got to, be able to, be going to, had better to и др.). Ряд исследователей связывает данные изменения с процессом коллоквиализации [Leech 2004, Klein 2009], другие настаивают на механизме грамматикализации [Krug 2000].

В системе местоимений наблюдается значительный рост употребления так называемого местоимения they единственного

числа (singular/generic they) и связанное с ним появление новых форм – притяжательного *their* единственного числа, и возвратного *themselves*, где в качестве антецедентов часто выступают неопределенно-личные местоимения *somebody*, *someone* и др.:

*How much can you tell about someone from **their** choice of Wellington boot? (OED);*

*This is the first step in helping someone to help **themselves** (OED).*

Исследователи указывают на два фактора, которые обуславливают данную инновацию: демократизацию (стремление избегать неравенства в коммуникации, прямого выражения контроля со стороны говорящего, и напротив, поощрять использование вежливых, эгалитарных форм в общении) и коллоквиализацию [Leech 2009].

Что касается изменений на уровне синтаксиса, то отмечается увеличение частотности употребления бессоюзных придаточных относительных, напр. *He opened the letter she had brought* вместо *He opened the letter which she had brought*. Данное явление также связывается с тенденцией к коллоквиализации современного английского языка [Leech 2009].

Особый интерес вызывает распространение в современном английском языке разных вариантов универсальных разделительных вопросов, таких как *isn't it (innit)*, *yeah, right, ok* и др.:

*You are going tomorrow, **isn't it?***

*We need to decide what to do about that now **innit**.*

*I'll show young Miss Hanna round to all the shops, **innit**.*

*It starts at six, **right?***

*They're coming, **or not?***

Считается, что распространение *innit* на территории Британских островов началось с речи определенных групп иммигрантов в Лондоне, другие тэги встречаются в разных вариантах английского языка и употребляются преимущественно тинэйджерами.

Кроме того отмечается, что в настоящее время *innit* и другие инвариантные тэги проходят через процесс грамматикализации и становятся прагматическими маркерами

[Martinez 2015], выполняя разнообразные дискурсивные и прагматические функции [Columbus 2010].

Таким образом, основными факторами, влияющими на текущие грамматические изменения в современном английском языке, являются грамматикализация, коллоквиализация, влияние американского варианта (американизация), влияние диалектов и вариантов английского языка (диверсификация и глокализация), влияние Интернета. Проблема заключается в том, что одно и то же явление объясняется разными лингвистами по-разному. На основе проведенного анализа представляется, что факторы и механизмы изменений, происходящих в языке в настоящее время, действуют не отдельно, а в тесной связи, например, сначала стимулом для грамматических изменений становится аналогия, когда малопродуктивные формы подчиняются продуктивным. Эти формы используются в разговорной речи, все больше закрепляются в ней, а затем проникают в письменную речь, то есть наблюдается коллоквиализация. Подобным образом могут быть связаны процессы демократизации и американизации. Что касается влияния региональных вариантов на стандарт, то здесь нельзя не учесть влияние интернет-коммуникации, в рамках которой пользователей трудно, а иногда и невозможно идентифицировать по их принадлежности к определенной языковой группе, а значит, разные черты перемешиваются в онлайн-общении и оказывают непосредственное влияние друг на друга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ларцева Е.В. Американский английский и его влияние на британский в дискуссиях зарубежных лингвистов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2012. – № 3 (105). – С. 147-159.

Прошина З.Г. Динамика развития английского языка в его региональных вариантах // Вестник иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – № 2ю(18). – С. 200-206.

Biber D. et al. The Longman Grammar of Spoken and Written English. –Harlow: Pearson Educational limited, 1999. – 1204 p.

- Columbus G. “Ah lovely stuff, eh?”—invariant tag meanings and usage across three varieties of English? // *Corpus Linguistic Applications, current studies, new directions*. – Amsterdam, NY: Rodopi, 2010. – P. 85-102.
- Klein B. Ongoing grammatical change in spoken British English: real-time studies based on DCPSE [Electronic resource]. – 2009. – URL: periodicals.narr.de/index.php/aaa/.../729.
- Leech G. Recent grammatical change in English: data, description, theory // *Advances in corpus linguistics. Proceedings of the 23rd ICAME Conference, Gothenburg, 2002/* ed. by B. Altenberg, K. Aijmer. – Amsterdam & New York: Rodopi, 2004. – P. 61– 81.
- Krug M. *Emerging English Modals: A Corpus-based Study of Grammaticalization*. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2000. –333 p.
- Leech G. et al. *Change in contemporary English: a grammatical study*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 341 p.
- Mair Ch. *Twentieth Century English: History, Variation and Standardization*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 244 p.
- Martínez I.P. Variation, development and pragmatic uses of innit in the language of British adults and teenagers // *English Language and Linguistics*, 19. – 2015. – P. 383-405.
- Smith N. *A Corpus-based Investigation of Recent Change in the Use of the Progressive in British English*, PhD thesis, Lancaster University, 2005.
- Smith N., Rayson P. Recent change and variation in the British English use of the progressive passive // *ICAME JOURNAL*, 2007. – No. 31 April. – P. 129-160.
- Thomas L. *Variation in English grammar* // *English: history, diversity and change*. ed. by D. Graddol, D. Leith, J. Swann. – London: Routledge, 1996. – P. 222-258.

УДК 808.1+81'33+82-91

Алексеевская А.И.

Екатеринбург, Россия

**БЛОГ Б. АКУНИНА:
ТЕМАТИКА, СТРУКТУРА
ЗАПИСЕЙ, СПОСОБЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С ЧИТАТЕЛЯМИ**

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию индивидуальных особенностей организации блога Б. Акунина (Г.Ш. Чхартишвили). Выбор тем, разнообразие жанров и языковых средств, используемых для оформления записей в блоге, характеризуют писателя как языковую личность, привлекают внимание широкого круга читателей.

Ключевые слова: Б. Акунин, блог, тематика, структура записи, читатель.

Сведения об авторе: Алексеевская Александра Ивановна, студентка Уральского Федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Контактная информация: 620034, г. Екатеринбург, ул. Черепанова, 30-365.

e-mail: sasha.alexeevskaya@gmail.com

Код ВАК 10.02.21

Alekseevskaia A.I.

Ekaterinburg, Russia

**B. AKUNIN'S BLOG:
THEMES, POST STRUCTURE,
WAYS OF INTERACTION
WITH READERS.**

Abstract. This article is devoted to research individual features in organisation of B. Akunin's blog (G. Chkhartishvili). The choice of themes, the diversity of genres and language tools used in the creation of posts characterise the writer as linguistic identity and attract the attention of a wide range of readers.

Keywords: B. Akunin, blog, themes, post structure, reader.

About the Author: Alekseevskaia Aleksandra Ivanovna, student of Ural Federal University named after the first president of Russia B. N. Yeltsin.

Личность Б. Акунина (Г. Ш. Чхартишвили) представляет особый интерес для исследования, так как писатель является творческим и разносторонне образованным человеком, общественным деятелем, представителем высокой культуры, внесшим вклад в ее развитие. Акунина можно с уверенностью

отнести к элитарным языковым личностям, «речевое поведение которых характеризуется осознанным и творческим отношением к языку» [Парсамова 2004: 4].

Неслучайно объектом исследования были выбраны именно блогговые записи писателя. Во-первых, в блоге автор не ограничен рамками одного жанра, стиля или одной темы. «Блог отражает полную свободу в выборе языковых средств и их организации с учетом того, к какому типу речевой культуры принадлежит автор, какие цели преследует» [Болотнова 2012: 211]. Во-вторых, в записях интернет-блога писатель имеет возможность рассказать о себе и своих интересах больше, чем в любом другом виде письменной речи, а также взаимодействовать с читателями. «Благодаря интерактивности коммуникации в интернет-среде, блоги стали общедоступной и популярной формой творческого самовыражения личности» [Черкасова 2012: 164].

В работе мы обозначим круг основных тем, затрагиваемых автором в записях блога, выявим тематически спорные и промежуточные (межтематические) публикации, проанализируем лингвистические особенности структурной организации записей, рассмотрим способы взаимодействия писателя с читательской аудиторией. Материалом для исследования послужили 60 записей из Живого Журнала Б. Акунина <http://borisakunin.livejournal.com/> за 2010 и 2012 гг. Следует уточнить, что записи за 2011 год в блоге отсутствуют вследствие взлома учетной записи писателя 19 декабря 2011 года. Были удалены не только записи, но и комментарии к ним.

Блог Б. Акунина носит название «Любовь к истории», что задает основное тематическое направление публикуемых записей. В записи от 13.11.10 (под заголовком «Добро пропадает») отражена причина создания блога – намерение писателя делиться с читателями интересными историческими фактами, которые зацепили его внимание. Тем не менее, помимо исторических заметок и эссе в блоге опубликованы записи других тематических направлений, которые были нами обозначены следующим образом: политика, личные записи, презентация собственных книг, ответы на вопросы читателей и

развлекательные записи. Поясним некоторые направления. К личным записям относятся истории из жизни автора, описание недавних событий, пересказ фрагментов из прочитанных книг, его впечатления, переживания и размышления. Группа записей под общим названием «ответы на вопросы читателей» на самом деле не имеет четкой тематической отнесенности: тематика ответов задается тематикой вопросов, которые предлагают читатели. Таким образом, в одной опубликованной записи может затрагиваться сразу несколько тем. К записям развлекательного характера относятся конкурсы и игры, устраиваемые писателем для читателей.

Отдельно стоит выделить те записи, которые занимают промежуточное положение между двумя тематическими направлениями, т. е. содержат черты двух смежных тем. Такие записи мы условно назвали смешанными. Среди проанализированных публикаций именно они встречались чаще всего. В записях смешанной тематики мы выделили комбинации тем: «личное + история», «личное + политика», «личное + презентация книги», «личное + литература», «личное + развлекательное», «история + развлекательное». Как видно, в большинстве случаев происходит совмещение какого-либо тематического направления с личным началом. Проиллюстрируем это одним примером. В записи «Коротко о главном» от 12.06.12 Б. Акунин описал демонстрацию в Москве за проведение городского референдума, в которой он лично принимал участие. Заметка содержит краткое описание события, действия автора и его мнение на этот счет. Таким образом, запись была отнесена к подгруппе «личное + политика».

Теперь приведем количественные данные в процентах по всем темам:

История – 7%; Политика – 16%; Личные записи – 20%;
Ответы на вопросы – 7%; Презентация книг – 10%;
Развлекательные записи – 10%; Смешанные записи – 27%;
Другие – 3%.

Уточним, что записи под названием «другие» – это записи, содержащие социологические опросы. Мы не выделили их в отдельную тематическую группу в связи с их малочисленностью,

однако в дальнейшем, с увеличением количества создаваемых писателем статей, вполне возможно, что социологические вопросы встанут в один ряд с основными тематическими группами. Показательно, что записи на исторические темы уступают по численности политике, презентации книг и развлечениям. Это говорит об отклонении писателя от основного тематического курса блога, от истории, больше в сторону политики. Сам писатель по этому поводу написал в заметке «Дань вежливости» от 01.08.12 следующие слова: «Вначале я обещал читателям лишь развлекать их «историческими занятостями», но довольно далеко отклонился от этого курса – стал писать про то, что в данный момент занимает меня самого» [Акунин 2012].

Обратимся к некоторым структурным особенностям записей в блоге Б. Акунина. Структура записи в блоге содержит следующие обязательные элементы: дата создания записи, заголовок, текст записи и комментарии. Структура текста записи может изменяться либо в зависимости от жанра, либо на усмотрение автора. Не все записи в блоге Б. Акунина имеют традиционную организацию: вступление, основную часть, заключение. К примеру, записи жанра интервью не имеют заключения. Структура таких текстов выглядит так: 1) вступление; 2) основная часть: вопросы и ответы. Запись может не содержать заключения еще в том случае, если в конце нее располагается опрос мнения читателей. Записи с презентацией книг не имеют ни вступления, ни заключения.

Вступление к записям может быть построено по-разному. Оно может содержать причину или цель публикации, в нем может быть обозначена основная проблема или только предисловие к ней. Разнообразие тем и жанров записей порождает разнообразие вступительных предложений. Писатель может начать с вопроса к читателям, с выражения благодарности, с обращения, с рассказа о событии, которое вдохновило его написать статью. Заключение, как правило, может содержать общий вывод, личное мнение автора, вопрос к читателям или информация о будущих записях. Также автор в некоторых

случаях включает в структуру текста постскрипtum, что делает запись похожей на письмо.

Записи блога Б. Акунина тяготеют к разговорному стилю. На это указывает разговорная, просторечная и жаргонная лексика (*тыща, химичить, голосовалка, сто пудов, подхарчиться* и т. д.), фразеологизмы (*рука руку моет*), разговорные грамматические конструкции (*Иду это я полчаса назад по Чистопрудному бульвару...*), изложение от первого лица, эмоционально окрашенные слова и словосочетания (*черт подери!, боже мой!*). Это говорит о том, что автор общается с читателем на равных, как в живой беседе.

Установление контакта с читателями очень важно для Б. Акунина. Возможности блога позволяют писателю использовать разнообразные способы взаимодействия с ними. Это и прямые вопросы, и побудительные предложения, и обращения, а также опросы и конкурсы. Довольно часто автор вставляет форму для голосования в свои записи, 22% всех рассматриваемых статей содержат опрос. Это удобный и быстрый способ узнать мнение большинства по предложенному вопросу и очень прост в обработке данных. В каждой записи отмечается тот или иной вид взаимодействия. Тем самым поддерживается постоянная коммуникация между писателем и читателями.

В выборе тем, жанров, стиля, лексических средств и способов организации записей блога ярко проявляется творческое начало писателя. Креативность в оформлении и подаче материала характеризуют автора как интересную языковую личность. Отклонение от основного тематического курса блога в сторону политики показывает, что автора волнуют проблемы, касающиеся не только его лично, но и общества и страны, в которой он проживает. В записях, посвященных политике, раскрывается активная гражданская позиция автора.

В блоге Б. Акунина ярко выражена коммуникативная составляющая, а значит, фактор адресата (в данном случае коллективного) накладывает заметный отпечаток на все записи. Многообразие использованных форм взаимодействия писателя с читателями подогревает их интерес к записям, позволяет им почувствовать себя полноправными участниками коммуникации.

Автор блога видит в своих читателях прежде всего единомышленников, что обуславливает как доверительный тон общения, так и заинтересованность писателя в мнении читателей о том или ином вопросе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акунин Б. Дань вежливости // Любовь к истории [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://borisakunin.livejournal.com/2012/08/01/> Дата обращения 18.10.15.

Болотнова Н.С. О некоторых жанрово-стилистических особенностях блога в аспекте регулятивности / Н.С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 1 (116). – С. 211–216.

Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана): дис. канд. филол. наук / В.Я. Парсамова; Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов: [б.и.], 2004. – 223 с.

Черкасова Н.В. Лингвокультурологические характеристики блога как жанра интернет-коммуникации / Н.В. Черкасова // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2012. – № 5 (259). – С. 164–168.

УДК 801.3=82(045/046):26

Бугакова Н.Б.

Воронеж, Россия

**К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ
СПОСОБАХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ
ОБЪЕКТИВАЦИИ ОБРАЗА
СОЛНЦА В ПРОИЗВЕДЕНИИ
И.С. ШМЕЛЕВА**

«СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»

Аннотация. В данном исследовании нами преследовалась цель выявить способы языковой репрезентации образа солнца в эпосе И.С. Шмелева «Солнце мертвых». Лексические средства, при помощи которых вербализуется образ солнца в анализируемом произведении, были нами отобраны и классифицированы. Были выявлены наиболее часто используемые.

Ключевые слова: образ, репрезентация, вербализация, солнце.

Сведения об авторе: Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Место работы: Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Контактная информация: 394048, д. 1а, кв. 263.

e-mail: ya_witch@mail.ru

Код ВАК 10.02.01

Bugakova N.B.

Voronezh, Russia

**TO A QUESTION ABOUT THE
BASIC METHODS OF
OBJECTIFICATION LEXICAL
IMAGE OF THE SUN IN THE
PRODUCT IS SHMELEV "THE
SUN OF THE DEAD"**

Abstract. In this study, our main goal was to identify the ways language representation of the image of the sun in the epic I.S. Shmelev "Dead's Sun". Lexical means by which verbalizes image of the sun in the analyzed work, we have selected and classified. Identified the most frequently used.

Keywords: image, representation, verbalization, the sun.

About the Author: Bugakova Nadezhda Borisovna, Candidate of Philology, the senior lecturer of chair of Russian and intercultural communications.

Place of employment: The Voronezh state architecturally-building university.

g. Voronezh, ul. Mezhdurеченская

Среди зарубежных русских писателей Иван Сергеевич Шмелев самый русский - так говорили о нем Иван Бунин, Константин Бальмонт, Иван Ильин. И на родине, и в вынужденной эмиграции Иван Шмелев писал «только о России,

о русском человеке, о его душе и сердце, о его страданиях» [Подвигина 2010 : 46]. Во время революции Шмелев уезжает с семьей в Алушту, где покупает дом с участком земли. Осенью 1920 года Крым был занят красными частями. Единственный сын Шмелева, Сергей, как офицер царской армии, арестован и без суда расстрелян. Ужасы массовой резни, устроенной большевиками в Крыму в 1920-21, привели Шмелева к тяжелой душевной депрессии [Бугакова 2013 : 107]. В ноябре 1922 он выезжает в Берлин, а с 1923 живет в Париже. Картина гибели всего живого в Крыму в период красного террора открывается в эпосе «Солнце мертвых» (1924), рисующей торжество зла, голод, бандитизм, постепенную утрату людьми человеческого облика [http://www.hrono.ru/biograf/bio_sh/shmelev_is.php].

Эпопея «Солнце мертвых» — безусловно, одна из самых трагических книг за всю историю человечества. История одичания людей в братоубийственной Гражданской войне написана не просто свидетелем событий, а выдающимся русским писателем, может быть, одним из самых крупных писателей XX века [Бугакова 2012 : 109]. Эпопея создавалась в марте-сентябре 1923 года в Париже и у Буниных, в Грассе. На калейдоскоп страшных впечатлений должна была лечь траурная тень личной трагедии. В «Солнце мертвых» о погибшем сыне — ни слова, но именно глубокая человеческая боль, которую Шмелев не мог унять даже выстраданным словом, придает всему повествованию огромную масштабность. Многие знаменитые писатели, а среди них Томас Манн, Герхард Гауптман, Сельма Лагерлеф, считали «Солнце мертвых» самым сильным из созданного Шмелевым. Эмигрантская критика – Николай Кульман, Петр Пильский, Юлий Айхенвальд, Владимир Ладыженский, Александр Амфитеатров — встретили шмелевскую эпопею восторженными откликами [Подвигина 2011 : 224]. Но, пожалуй, наиболее проникновенно написал о «Солнце мертвых» прекрасный прозаик Иван Лукаш: «Эта замечательная книга вышла в свет и хлынула, как откровение, на всю Европу, лихорадочно переводится на „большие“ языки... Читал ее за полночь, задыхаясь. О чем книга И. С. Шмелева? О смерти русского

человека и русской земли. О смерти русских трав и зверей, русских садов и русского неба. О смерти русского солнца. О смерти всей вселенной, — когда умерла Россия — о мертвом солнце мертвых...» [<http://tululu.org/read75045/2/>]. Несмотря на ужас пережитого, Шмелев против русского человека не озлобился, хотя жизнь «новую» проклял. Но и там, под чужим небом, желал упокоиться в России, в любимой им Москве. Творчество Шмелева, его память освещает солнце — вечно живое солнце русского страдания и русского подвижничества.

Задачей данного исследования является рассмотрение способов языковой репрезентации образа солнца в произведении И.С. Шмелева «Солнце мертвых».

В русском языке солнце - это «величайшее, самосветное и срединное тело нашей вселенной, господствующее силою тяготения, светом и теплом над всеми земными мирами, планетами» [<http://slovari.yandex.ru>], то есть «раскаленное плазменное тело шарообразной формы, вокруг которого обращается Земля и другие планеты» [<http://www.ozhegov.com/words/33637.shtml>]. Также под словом солнце понимается свет, тепло, излучаемые этим светилом, или то, что является источником, средоточием чего-то ценного, высокого, жизненно необходимого [<http://www.ozhegov.com/words/33637.shtml>].

Проанализируем способы вербализации образа солнца в анализируемом произведении. Обратимся к примерам.

Для репрезентации образа солнца автором используется непосредственно лексема *солнце*:

«Солнце как будто светит, но это не наше солнце... - подводный какой-то свет, бледной жести» [Шмелев 2007 : 14]. Вербализован когнитивный признак «чужое, неживое».

«Мои лохмотья... Последние годы жизни, последние дни — на них последняя ласка взгляда... Они не пойдут старьевщикам. Истают они под солнцем, истлеют в дождях и ветрах, на колючих кустах по балкам, по птичьим гнездам...» [Шмелев 2007 : 15]. Вербализован когнитивный признак «оно уничтожает».

«Правее еще — мохнатая шапка лесного Бабугана. Утрами золотится он; обычно дремуче-черен. Видны на нем щетины

лесов сосновых, когда солнце плавится и дрожит за ними. Оттуда приходит дождь. Солнце туда уходит» [Шмелев 2007 : 16]. Вербализован когнитивный признак «изменяет свое место».

«Солнце уже высоко ходит – пора выпускать куриное семейство» [Шмелев 2007 : 18]. Вербализован когнитивный признак «отмеряет время».

«Это же солнце смеется, только солнце! Оно и в мертвых глазах смеется» [Шмелев 2007 : 22]. Вербализован когнитивный признак «не замечает чужого несчастья».

«Мертвое море здесь: не любят его веселые пароходы. Не возьмешь ни пшеницы, ни табаку, ни вина, ни шерсти... Съедено, выпито, выбито – все. Иссякло.

А солнце все пишет свои полотна!» [Шмелев 2007 : 24]. Вербализован когнитивный признак «не замечает чужого несчастья».

«Такая вот она, пустыня!

Смеется солнце. Поигрывают тенями горы» [Шмелев 2007 : 26]. Вербализован когнитивный признак «умеет радоваться».

«... солнце обманывает, блеском, - еще заглядывает в душу. Поет солнце, что еще много будет праздничных дней чудесных, что вот и виноградный, «бархатный» сезон подходит, понесут веселый виноград в корзинах, зацветут виноградники цветами, осенними огнями... Всегда будет празднично-голубое море, с серебряными путями.

Умеет смеяться солнце!» [Шмелев 2007 : 31]. Вербализован когнитивный признак «умеет радоваться».

«Завтра будет все то же. И дальше – то же. Сиди и смотри на солнце. Жадно смотри на солнце, пока глаза не стали оловянной ложкой. Смотри на живое солнце!» [Шмелев 2007 : 38]. Вербализован когнитивный признак «единственно нужное».

«Какое жгучее солнце! Выше подымается, напекает. По горам жаровая дымка, начинают синеть и мерцать горы. Двигутся, ожидают. Смотрят. И солнце – плавится и играет в море» [Шмелев 2007 : 40]. Вербализован когнитивный признак «причиняет боль».

«Ну, посмотри на солнце... ты его любила, хоть и не знала, что это. А там вон – горы, синие какие стали! Ты и их не знала, а

привыкла. А это, синее такое, большое? Это – море. Ты, маленькая, не знаешь. Ну, покажи свои глазки... Солнце! И в них солнце!.. только совсем другое – холодное и пустое. Это – солнце смерти. Как оловянная пленка – твои глаза, и солнце в них оловянное, пустое солнце. ...Я пошепчу тебе, скажу тебе тихо-тихо: солнце мое живое, прощай! А сколько теперь больших, которые знали солнце, и кто уходит во тьме!..» [Шмелев 2007 : 41]. Вербализован когнитивный признак «отражает смерть».

«Когда же наконец солнце потонет за Бабуганом?! Скорей бы...» [Шмелев 2007 : 42]. Вербализован когнитивный признак «отмеряет время».

«Слепящее солнце стоит еще высоко над раскаленной стеной Куш-Каи, зноем курятся горы» [Шмелев 2007 : 51]. Вербализован когнитивный признак «причиняет боль».

«Приглядывается солнце, помнит: Баба-Яга в ступе свое несется, пестом погоняет, помелом след замечает... Солнце все сказки помнит... Вписывает в себя. Придет время – прочтется» [Шмелев 2007 : 51]. Вербализован когнитивный признак «вечное».

«- А который теперь час, доктор?

- Декрет! – пугливо-строго говорит доктор и поднимает черный от грязи палец. - Часы теперь строго воспрещены, буржуазный предрассудок!... но я и без часов могу, потому что читал когда-то Жюль Верна...

Он прищуривается на солнце, растопыривает пальцы и глядит в развилку» [Шмелев 2007 : 55]. Вербализован когнитивный признак «отмеряет время».

«...вам, как и всем кругом, - голод, и страх, и смерть. Какой же погост огромный! И сколько солнца!» [Шмелев 2007 : 79]. Вербализован когнитивный признак «сопровождает смерть».

«Все накалилось, струится, млеет. Солнце все мысли плавит» [Шмелев 2007 : 80]. Вербализован когнитивный признак «способно уничтожать ».

«Я беру ветку сухого тиса и веду по земле, мету. Где теперь планы и ... философия? Так и все. Чья-то слепая сила. Метет... И... солнце по кругу ходит. Вечно ли ходить будет... Придет и

на него сила. И оно не будет ходить по кругу» [Шмелев 2007 : 82]. Вербализован когнитивный признак «оно невечно».

«Да когда же накроет ночь это ликующее кладбище?! Солнце остановилось над Бабуганом, не уходит. Не насмотрелось. Смотри, смотри... Нет, западает солнце. Судакские цепи золотятся вечерним плеском... Заходит солнце за Бабуган, горит щетина лесов сосновых» [Шмелев 2007 : 82]. Вербализован когнитивный признак «отмеряет время».

Для вербализации образа солнца автором исследуемого произведения, помимо лексемы *солнце*, используются также производные данной лексемы. Так, например, лексема *солнышко*, образованная при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса:

«... сидит тупорылый парень с красной звездой на шапке, зыкает-сторожит подвалы:

- Эй! Отходи подальше!..

И на штыке солнышко играет» [Шмелев 2007 : 23]. Вербализован когнитивный признак «для него все равны».

Автор использует также прилагательное *солнечный*:

«... какое же может быть утро в Крыму, у моря, в начале августа?! Солнечное, конечно. Такое ослепительно-солнечное, роскошное, что больно глядеть на море: колет и бьет в глаза» [Шмелев 2007 : 15]. Вербализован когнитивный признак «причиняет боль».

Итак, проведя анализ языковых средств, используемых И.С. Шмелевым для репрезентации образа солнца в эпосе «Солнце мервых», мы можем сделать вывод, что в исследуемом произведении образ солнца представлен при помощи лексем *солнце*, *солнышко*, *солнечный*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бугакова Н.Б. Актуализация концепта «Великий пост» в языковой картине мира И.С. Шмелева // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2012. №8. – С. 109.

Бугакова Н.Б. К вопросу об индивидуально-авторской специфике лексической объективации религиозных концептов в романе И.С. Шмелева «Лето Господне» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2013. - № 11. – С. 107.

Подвигина Н.Б. Специфика языковой картины мира И.С. Шмелева // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Стерлитамак, 2011. – С. 224.

Подвигина Н.Б. Индивидуально-авторское своеобразие языковой картины мира И.С. Шмелева (на материале религиозной лексики произведения «Лето Господне») / Н.Б. Подвигина // дисс. ... канд. филол. наук, Воронеж, 2010. – С. 46.

Шмелев И. С. Солнце мертвых / И.С. Шмелев // М.: Вече, 2007. – 384 с.

Шмелев Иван Сергеевич. Библиографический указатель [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_sh/shmelev_is.php.

Шмелев И.С. Солнце мертвых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tululu.org/read75045/2/>.

Солнце. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ozhegov.com/words/33637.shtml>.

УДК 801.675.1

Василенко А.П.

Брянск, Россия

**СУБСТАНТИВНЫЕ
ЛЕКСЕМЫ В ПОЛЕВОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ**

«ЛЮБОВЬ»

(на материале песен

М. Фармер и Э. Пиаф)

Аннотация. В статье предлагается полевая систематизация имен существительных, встречающихся в песенных текстах М. Фармер и Э. Пиаф. Обнаруженные имена существительные группируются по принципу *ядро – центр – периферия*, представляя понятие «любовь» в его разнообразных субстантивных проявлениях.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, ядро, центр, периферия, понятие «любовь», контекстуальное значение, имя существительное.

Сведения об авторе: Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка.

Место работы: Брянский государственный университет.

Контактная информация: 241036, г. Брянск, улица Бежицкая, 14.
e-mail: a.p.vasilenko@mail.ru

Код ВАК 10.02.05

Vassilenko A.P.

Bryansk, Russia

**THE NOUNS IN THE
LEXICO-SEMANTIC FIELD
"LOVE"**

(based on the songs

M. Farmer and E. Piaf)

Abstract. The article offers the lexico-semantic field based on the songs M. Farmer and E. Piaf. The discovered nouns are grouped according to the principle of the *core – centre – periphery*, introducing the concept of "love" in its various manifestations.

Keywords: *lexico-semantic field, nucleus, center, periphery, the concept of "love", contextual meaning, noun.*

About the Author: Vassilenko Anatole Petrovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of French Language.

Place of employment: Bryansk State University.

Слово является основной номинативной и когнитивной единицей языка, именует и сообщает информацию о предметах, признаках, процессах, явлениях действительности. Слово представлено разными единицами языка. В кругу нашего внимания – имя существительное, которое представляет понятие «любовь».

Любовь характеризуется обращенностью чувств и воли к

личности, общностью или идеей. Любовь сопровождается потребностью создать единое целое – духовное и эмоциональное. Любовь – сильное чувство. Любовь выражают в поступках, стихах и, конечно же, в песнях различных жанров. Ярким примером этого могут служить тексты песен Э. Пиаф и М. Фармер.

Эти две известные певицы – две разные эпохи, жизни их также складывались по-разному.

Э.Пиаф – женщина со сложной судьбой. Воспитывалась бабушкой и дедушкой, которые не баловали её заботой и вниманием. Часто болела. Чтобы выжить, выступала с отцом на улицах, затем самостоятельно подрабатывала певицей в кабаре. Рано начала самостоятельную жизнь. На личном фронте не складывалось – была счастлива лишь короткие промежутки своей жизни. Сложные годы жизни приходится на период Второй мировой войны. На Эдит обрушивается настоящий триумф лишь в зрелом возрасте. Пережила две автокатастрофы. Всё это, разумеется, не могло не отразиться на творческой карьере.

М. Фармер – звезда современности. Сильная и решительная. Мечтала стать актрисой, поэтому получила соответствующее образование. Знакомится с человеком, который надолго стал её спутником и повлиял на её карьеру. Записав свой первый альбом, Милен вскоре становится французской суперзвездой. Стремительно шагая по карьерной лестнице, Фармер выпускает несколько десятков саундтреков и завоевывает миллионы поклонников.

Небольшой биографический обзор необходим с той целью, чтобы начертить основную жизненную и творческую линию героев, которая, в какой-то степени, воплощается и в песенных текстах, по-своему представляя рассматриваемое нами понятие «любовь»

При полевой систематизации имён существительных, которые встречаются в песенных текстах Э. Пиаф и М. Фармер, мы опираемся на известную теорию (об этом, например, [Диброва 2001: 260 – 264]) лексико-семантической группировки слов по принципу: *ядро – центр – периферия*.

Концентрация на такой части речи, как имя

существительное, продиктовано лишь тем, что предметный ряд, который явился целью исследования, наиболее органично сочетается с заголовочной субстантивной лексемой («любовь»). Есть и случаи использования адъективных и процессуальных лексем при раскрытии понятия «любовь», но это будет являться темой для отдельного повествования.

Приведем лишь некоторые случаи субстантивной реализации понятия «любовь» в песенных текстах. И упомянем собственно лексему *amour* (любовь), которая находится в ядре рассматриваемого понятия.

Э. Пиаф «A quoi ça sert l'amour?»:

*L'amour ne s'explique pas!
C'est une chose comme ça!
Qui vient on ne sait d'où
Et vous prend tout à coup.*

Буквальный перевод (здесь и далее – перевод А.В.):

*Любовь не объясняет!
Это вещь сама по себе!
Которая приходит неизвестно откуда,
И вас поглощает внезапно.*

Согласно словарю [Robert 2013: 61], основные значения, которые реализует слово *amour* (любовь), следующие: 1) *disposition à vouloir le bien d'un autre que soi et à se dévouer à lui* (букв.: стремление желать добра другому, посвятить себя другому); 2) *affection entre les membre d'une famille* (привязанность между членами семьи); 3) *inclination envers une personne le plus souvent à caractère passionnel, fondée sur l'instinct sexuel* (привязанность по отношению к человеку, чаще всего, страстная, основанная на сексуальном инстинкте).

В тексте песни: *L'amour – c'est une chose*. Существительное *chose* (вещь) является контекстуальным выражением слова *amour* (любовь).

М. Фармер «Tristana»:

*Dans la ronde des fous elle pleure tout doux
L'amour a tué les mots qui la touchent, touchent
Contre ta bouche elle veut qu'on la couche.*

Буквальный перевод:

*В кругу глупцов она плачет совсем тихо.
Любовь убила слова, которые трогают, задевают
Твои уста, она хочет, чтобы они уснули.*

В данном примере *любовь* выполняет деструктивное действие, носит негативный характер – это настолько сильное чувство, что в случае безответности может даже убить.

Итак, у обеих исполнительниц в *ядро* понятия «любовь» попадают имена существительные, представленные собственно лексемой *любовь*.

Для обозначения *центра* понятия «любовь» основными субстантивными единицами у Э.Пиаф являются: *bonheur* (счастье), *larme* (слеза), *jalousie* (ревность), *cœur* (сердце), *chagrin* (печаль), *sourire* (улыбка), *amant* (возлюбленный). М.Фармер использует следующие имена существительные: *vie* (жизнь), *charme* (шарм), *destin* (судьба), *solitude* (одиночество), *âme* (душа), *émoi* (волнение), *monde* (мир), *tristesse* (грусть).

Для *периферийного* обозначения понятия «любовь» основными примерами существительных у Э.Пиаф являются: *temps* (время), *chemin* (дорога), *nuit* (ночь), *lit* (кровать), а М.Фармер для выражения понятия «любовь» использует следующие имена существительные: *mémoire* (память), *faiblesse* (слабость), *oiseau* (птица), *prière* (просьба).

Исследование, проведённое на материале песенных текстов Э.Пиаф и М.Фармер, показало, что Э.Пиаф в понятие «любовь» вкладывает своё эмоциональное состояние. М.Фармер в понятие «любовь» вкладывает преимущественно наличие этого чувства, возможность его реализации.

Поэтому следует говорить о том, что «любовь» у Э.Пиаф – это *чувство*, которое связано с нелёгким жизненным путём и,

возможно, является некоторым воспоминаем (ярким или не очень) по прошествии лет. «Любовь» для М.Фармер – это *факт*, что также связано с её биографией, где ранний успех, огромное количество поклонников позволяют певице говорить о любви как о явлении обычном, подвластном всем и каждому.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Диброва Е.И. Современный русский язык. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – Часть 1. – 540с.

Lyrsense. Тексты французских песен [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fr.lyrsense.com/>. – Дата обращения: 10.01.16.

Robert P. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française. – Paris: Le Robert, 2013. – 2158р.

УДК 821.111'42

Дымова А.В.

Екатеринбург, Россия

**ЧАСТОТНЫЕ
МЕТАФОРИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РОК-
ЛИРИКИ**

Аннотация. Данная статья описывает результаты исследования частотности основных метафорических моделей современной англоязычной рок-лирики. Особое внимание автор уделяет значению наиболее частотных метафорических моделей в моделировании действительности англоязычной рок-лирики.

Ключевые слова: метафорическая модель, рок-лирика, метафора, концептосфера, частотность.

Сведения об авторе: Дымова Алена Вячеславовна, аспирант кафедры английского языка, методики и переводоведения.

Место работы: Уральский федеральный университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 459.
e-mail: dym.alyona@yandex.ru

Код ВАК 10.02.01

Dymova A.V.

Ekaterinburg, Russia

**FREQUENT
METAPHORICAL MODELS
IN MODERN ENGLISH
ROCK LYRICS**

Abstract. This article describes the results of research on the frequency of metaphorical models in modern English rock lyrics. Special emphasis is laid on the meaning of the most frequent metaphorical models in modeling the reality of English rock lyrics.

Keywords: metaphorical model, rock lyrics, metaphor, concept sphere, frequency.

About the Author: Dymova Alyona Vyacheslavovna, Postgraduate student of the Chair of the English Language, Language Teaching Methods and Translation Theory.

Place of employment: Ural Federal University.

Одним из ключевых понятий данной статьи является метафорическая модель – «существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов сферы-источника служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы-магнита» [Чудинов 2004: 107]. Иными словами, это ментальный перенос

слова с одного предмета на другой на основе их аналогии, позволяющий использовать знания об окружающем мире, оформляя и выражая это все в языке. Метафорическая модель изменяется для каждого индивида в зависимости от его фоновых знаний, хотя и имеет сходные структуры. Более того, в каждой стране существуют свои приоритетные концептосферы, складывающиеся из основных концептов, выражаясь в метафорах и создавая метафорические модели, характерные именно для их менталитета.

Так, в каждом типе дискурса выделяются собственные характерные им метафорические модели, определяющиеся частотностью. Частотность, в свою очередь, обуславливается количеством метафор внутри конкретной метафорической модели.

В ходе исследования основных англоязычных метафорических моделей в современной англоязычной рок-лирике нами было проанализировано 75 музыкальных альбомов, включающих 925 песенных текстов. Методом сплошной выборки мы выделили материал рок-дискурса 20 англоязычных групп: *Muse, Blue October, RHCP, The Verve, The Killers, Aerosmith, Fall Out Boy, Incubus, Placebo, Nirvana, Blue Oyster Cult, Nine Inch Nails* и др. Среди всех просмотренных текстов метафоричными было признано – 538, содержащих 682 концептуальные метафоры.

Анализируя выделенные концептуальные метафоры текстов англоязычных рок-групп, на данном этапе было выявлено 15 метафорических моделей, которые мы классифицировали по следующим исходно-понятийным сферам-источникам:

- 1) Антропоморфная метафора – 3 метафорические модели, 154 концептуальные метафоры;
- 2) Натуроморфная метафора – 4 метафорических модели, 261 концептуальная метафора;
- 3) Социоморфная метафора – 5 метафорических моделей, 189 концептуальных метафор;
- 4) Артефактная метафора – 3 метафорических модели, 78 концептуальных метафор.

Выделенные метафорические модели варьируются по их частотности. В данной работе мы рассматриваем и сравниваем количественное и процентное соотношение концептуальных метафор (кол.; проц.):

1) Антропоморфная метафора:

- морбиальная (108; 15,8%);
- сексуальная (6; 0,8%);
- физиологическая (40; 5,8%).

2) Натуроморфная метафора:

- зооморфная (84; 12,3%);
- абиотическая (131; 19,2%);
- фитоморфная (12; 1,7%);
- сверхъестественная (34; 4,9%).

3) Социоморфная метафора:

- военная (22; 3,2%);
- метафора пути (35; 5,1%);
- религиозная (72; 10,5%);
- метафора игры (41; 6%);
- криминальная (19; 2,7%).

4) Артефактная метафора:

- домашняя (54; 7,9%);
- техническая (19; 2,7%);
- кулинарная (5; 0,7%).

Рассмотрев количественную и процентную частотность основных метафорических моделей англоязычной рок-лирики, мы можем разделить их на 3 следующие группы, руководствуясь количеством употреблений концептуальных метафор той или иной метафорической модели по сравнению с другими метафорическими моделями:

1) Актуальные (10-20%) – абиотическая, морбиальная, зооморфная и религиозная метафорические модели;

2) Менее актуальные (2-9%) – домашняя, игры, физиологическая, пути, сверхъестественная, военная, криминальная и техническая метафорические модели;

3) Неактуальные (0-1%) – фитоморфная, сексуальная и кулинарная метафорические модели.

Так, можно сделать вывод, что картина мира англоязычного рок-героя складывается из следующего:

1) Абиотическая метафорическая модель, относясь по сферам-источникам к натуроморфным метафорам, через которые человек описывает действительность по подобию окружающего его мира, является самой частотной, следовательно, базисной в концептосфере рок-героя. С одной стороны, в рамках данной модели рок-герой, являясь частью этого мира, описывает происходящее с ним, прибегая к параллелям с неживой природой: сравнивая свои чувства со стихиями, перемены – с погодными условиями и т.д.

(1) *You're always ahead of the game/ I drag behind/ You never get caught in the rain/ When I'm drenched to the bone every time.* (“Drag”, Placebo; “Meds” 2006).

В тоже время абиотические метафоры «служат для контрастирования со «своей действительностью» [Григорьева 2009: 22]. Так, мечты и желания, часто недостижимые, сравниваются с небесными светилами.

(2) *I will be chasing the starlight/ Until the end of my life/ I don't know if it's worth it anymore.* (“Starlight”, Muse; “Black holes and revelations” 2006).

2) Морбиальная метафорическая модель существует в английском языке уже долгое время и, содержа базисные концепты «боль» и «болезнь», известные человечеству с начала времен, входит в антропоморфные метафоры, через которые человек описывает окружающий его мир по своему подобию. «Соответствующие рассматриваемой концептуальной метафоре образы объединяются настроением тревожности, в них отражаются безысходность, дурные предчувствия или неверие в возможность счастья, а также немощность человека, его неспособность бороться за свою жизнь» [Шинкаренкова 2005: 70].

(3) *Sometimes I feel broken/ And can't get fixed.* (“Hole in My Soul”, Aerosmith; “Nine Lives” 1997).

Следовательно, такие метафоры, имея эмотивный характер, в рок-лирике чаще всего описывают какие-либо неприятные чувства, ошибки прошлого, безысходность или абсурдность ситуации.

(4) *And as you showed me your scars/ I only held you closer.* (“Broken Pieces”, Apocalyptica, Lacey Sturm; “7th Symphony” 2010).

3) Как известно, зооморфная метафора имела начало и играла особенную роль в мифологии и фольклоре. В англоязычной рок-лирике данная метафорическая модель, которая также относится к натуроморфным метафорам, чаще всего наделяет и характеризует людей как отрицательными, так и положительными качествами животных.

(5) *You're/ not so brave/ When I'm the snake/ And you're my prey.* (“James”, Blue October; “Consent to Treatment”, 2000).

(6) *Look, my heart it's a bird,/ It needs to sing and to be heard.* (“Revolution Roulette”, Poets of The Fall; “Revolution Roulette” 2008).

4) Религиозная метафорическая модель относится к социоморфным метафорам, описывающим события при помощи общественных по происхождению явлений. Так, религиозная метафора позволяет описать какой-либо неизвестный объект или нечто возвышенное, обращаясь к параллелям с Высшим существом и его миром.

(7) *Paradise comes at a price/ That I am not prepared to pay.* (“Megalomania”, Muse; “Origin of Symmetry” 2001).

(8) *Going through this life, looking for angels.* (“Looking for Angels”, Skillet; “Comatose” 2006).

Таким образом, мы можем сделать ряд выводов касательно частотности основных метафорических моделей современной англоязычной рок-лирики:

1) Доминантными метафорическими моделями являются: абиотическая (131), морбиальная (108), зооморфная (84) и религиозная (72). Такой результат на фоне остальных метафорических моделей говорит о том, что именно они

отражают действительность современной англоязычной культуры, являясь доминирующими в концептосфере носителей данного языка;

2) Неактуальные метафорические модели, такие как фитоморфная и сексуальная, имея небольшое количество употреблений концептуальных метафор и второстепенное значение в рок-лирике, могут являться доминантными в других видах дискурса;

3) Количество концептуальных метафор – 682, что уступает количеству изученных текстов – 925. Это может быть объяснено следующим рядом причин: а) приоритет ставится на качество музыки, а не на эффектность текстов; б) метафоричности текстов варьируется под действием различных, чаще личных, факторов – индивидуальной авторской характеристикой;

4) Самая частотная сфера-источник – натуроморфная метафора (261). Природа и ее составляющие (стихии, погодные условия и т.д.) занимают умы человечества с незапамятных времен; об этом свидетельствуют и мифология, и язычество. Все это говорит о том, что данная метафора существует в языке уже долгое время и находится в основе восприятия окружающего мира, отражая различные сферы деятельности человечества. Поэтому не удивительно, что и для рок-лирики она является доминантной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Григорьева О.В. Метафорическое моделирование дихотомии «свое – чужое» в контркультурной рок-лирике США и СССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2009. – 25 с.

Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное описание метафорической модели // Лингвистика. – 2004. – № 13. – С. 102-114.

Шинкаренкова М.Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 314 с.

УДК 811'42

Ермолаева Е.В.

Волгоград, Россия

**МЕДИТАЦИЯ И
МЕДИТАТИВНЫЕ
ТЕКСТЫ: К
ОПРЕДЕЛЕНИЮ
ПОНЯТИЙ**

Аннотация. Данная статья разграничивает понятия медитации и медитативного текста, а также предлагает типологию медитаций и медитативных текстов.

Ключевые слова: *медитация, медитативный текст, типология, нарратив, троп.*

Сведения об авторе: Ермолаева Елена Владимировна, аспирант кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Контактная информация: 400081, г. Волгоград, ул. М. Рыбалко, 12, к.53.
e-mail: a-lenushka@inbox.ru

Код ВАК 10.02.19

Ermolaeva E.V.

Volgograd, Russia

**MEDITATION AND
MEDITATIVE TEXTS: THE
DEFINITION OF CONCEPTS**

Abstract. The main idea of the article is to delineate the concepts of meditation and meditative text, as well as to offer a typology of meditations and typology of meditative texts.

Keywords: *meditation, meditative text, typology, narrative, figure of speech.*

About the Author: Ermolaeva Elena Vladimirovna, postgraduate student of the Department of English Philology of Volgograd State Socially Pedagogical University

Традиция медитации давно известна в России, теперь о широком приобщении социума к этой практике свидетельствуют многочисленные интернет-сайты, книги, тренинги оздоровительные, личностного и профессионального роста. Обращение к медитации в настоящий момент носит поистине массовый характер. И число практикующих медитацию продолжает расти.

Отчасти это связано с ускорением темпа жизни, возрастанием нагрузки на психику человека, а как следствие, необходимостью гармонизации внутреннего мира человека. Отсюда проистекает исследовательский интерес к медитации как у психологов, педагогов, философов, физиологов, так и у лингвистов (В. В. Шлахтер, К. К. Сунгуртян, Р. Уолш, Д. Шапиро, М. Мерфи).

Медитация (от лат. *Meditatio* - размышление) представляет собой работу ума, направленную на самоотрешенность от внешних раздражителей, самоуглубление и концентрацию на определенных ощущениях. [СФС].

Для разграничения понятий медитации и медитативного текста определим, что медитация представляет собою процесс, медитативный текст является инструментом медитации. Исследование медитаций и медитативных текстов позволило выявить их типологии.

Предлагаем типологию медитаций, выделенную нами по ряду критериев, отражающих многообразие форм медитаций.

По наличию коммуникативно-прагматического критерия, маркированного намеренностью, можно выделить медитации спонтанные и осознанные. В отличие от спонтанной медитации, в которую реципиент погружается ненамеренно, вхождение в состояние осознанной медитации достигается при помощи специальной процедуры, набора средств и методов, в том числе таких, как медитативные тексты и имеет четкую прагматическую цель.

По характеру аксеологических ценностей, содержащихся в медитативных текстах.

По критерию креолизации выделяем медитации, обращающиеся ко вспомогательным средствам из различных семиотических систем: предметы и изображения, стихии природы, физиологические акты, танец, звуки, движение в пространстве, а так же тексты.

По критерию авторства медитации делятся на анонимные и авторские.

По критерию использования в различных социокультурных сообществах (религиозных, профессиональных) медитации делятся на буддийские, ведические, йоговские, психотерапевтические и др.

По гендерному критерию есть медитации, адресованные женской, мужской аудитории, либо той и другой одновременно.

Особый интерес для лингвистического исследования представляет собою медитативный текст.

Исследованием текста занимались такие ученые как Бахтин М. М., Гальперин И. Р., Мурзин Л. Н., Колшанский Г. В., Лукин В. А., Зарубина Н. Д., Дридзе Т. М., Лосева Л. М. и многие другие. Исследователями дан целый ряд определений понятию текста: от широкого понимания Бахтиным М. М. текста как «связного знакового комплекса» до определения текста И.Р. Гальпериным как «письменного сообщения, объективированного в виде письменного документа, состоящего из ряда высказываний, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющего определённый моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанного». [Бахтин 1979: С. 281-307], [Гальперин 1974: 67].

Согласно нашим наблюдениям медитативный текст в его развернутом варианте обладает всеми сущностными характеристиками текста.

Медитативный текст мы определяем как письменный или устный креолизованный текст, обладающий смысловым единством и законченностью, построенный в соответствии с определенными канонами, прагматической установкой, имеющий характерные лексические, грамматические и логические связи и соответствующий критериям экологической коммуникации. В нашей работе мы рассматриваем текст медитации в его письменной фиксации.

Характерные черты медитативных текстов позволили выявить следующую их типологию:

1. Медитативный текст (мантра), состоящий из слова или нескольких слов на санскрите и имеющих священный смысл «аум», «ом мане падме хум», «таята ом бекандзе бекандзе махабекандзе бекандзе радза самутгате сваха». Для реципиента данный текст обычно снабжен переводом и комментариями.

2. Медитативный развернутый текст. Согласно нашим наблюдениям данные тексты строятся согласно различным жанровым канонам. Мы выделяем следующие жанры медитативных текстов:

2.1 Медитация-совет. Вслед за толковым словарем под редакцией С. И. Ожегова под советом подразумеваем «мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, что

сделать; наставление, указание» [Ожегов 1987: 644]. Рассмотрим медитацию-совет на примере медитации *«Образ банкноты»*: *«Вам понадобится крупная денежная купюра. Возьмите купюру в руки, внимательно и неспешно изучите ее с обеих сторон, хорошенько рассмотрите, а затем закройте глаза и мысленно представьте себе эту купюру сначала с одной стороны, затем с другой. Постарайтесь по памяти воспроизвести купюру во всех подробностях, не забывайте даже о мельчайших деталях. Таким образом, Ваше подсознание привыкнет к образу денег, в нем запечатлится образ крупной денежной купюры, и включится ориентация на деньги»*. Таким образом, мы видим, что текст медитации состоит из трех частей: первая часть состоит из описания условия подготовки к процессу медитации *«вам понадобится крупная денежная купюра»*, вторая (самая значительная по размеру) часть представляет собой подробную пошаговую инструкцию с описанием действий, которые надлежит исполнить реципиенту. Характерно использование целого ряда глаголов повелительного наклонения *«возьмите, изучите, рассмотрите, закройте, представьте, постарайтесь, не забывайте»*, третья часть представляет собой прогностическую часть, а именно, описание эффекта, который должен произойти как результат медитации *«Ваше подсознание привыкнет к образу денег, в нем запечатлится образ крупной денежной купюры, и включится ориентация на деньги»*. Собственно признаками совета обладает вторая часть текста. Пре-текст инструкции по вводу реципиента в медитативное состояние и пост-текст с инструкцией по выходу из него, в данном типе медитативных текстов факультативен и в приведенном примере не представлен.

2.2 Медитации-призывы. В толковом словаре С. И. Ожегова третьим значением слова «призыв» является «просьба, мольба». Как пример, толковым словарем приводится «Призыв о помощи. Услышать чей-нибудь призыв. Откликнуться на чей-нибудь призыв». [Ожегов 1987: 511]. В качестве примера рассмотрим извлечение из медитации *«Обращение к Архангелам»*: *«Сейчас я призываю могущественного Архангела Михаила явиться по мою правую руку. Пожалуйста, наполни*

меня мужеством и силой, помоги достичь положительных результатов в моих начинаниях. Мечом своим освободи меня от всех удручающих пут и привязанностей...Теперь я призываю могущественного Архангела Гавриила явиться по мою левую руку в луче яркого белого света. Наполни мою ауру чистой светлой энергией и укажи мне следующий шаг или мой путь. Пожалуйста, освети и оживи знаки моей жизненной миссии. Наполни моё существование радостью, праведностью, чистой, пониманием, щедростью и порядком...». Композиция текста данной медитации построена по простой схеме: призыв к Архангелу, который вербализуется как обращение «*Архангел Михаил!*», «*Архангел Гавриил!*», а после призыва следует просьба, мольба о помощи «*наполни меня мужеством и силой*», «*наполни мою ауру чистой светлой энергией*». Пре-текст и пост-текст с инструкциями по входу и выходу из медитативного состояния в рассматриваемом нами примере так же отсутствуют и являются факультативными для медитативных текстов данного типа.

2.3 Медитации-рассуждения. Толковый словарь под ред С. И. Ожегова значение слова «рассуждение» определяет как «умозаключение, ряд мыслей, изложенных в логически последовательной форме». [Ожегов 1987: 578]. Рассмотрим в качестве примера извлечение из медитации «*Паттерны сегодняшнего дня*»: «*У каждого из нас есть периоды жизни, когда мы чувствуем необходимость развиваться духовно, умственно и физически. В этот период вы можете уделить особое внимание своим упражнениям и диете. Возможно, это время размышлений и обучения? Возможно, в такие периоды вы занимались молитвой и медитацией?.. Часто совершенно различные люди хотят соединиться для достижения общей цели. Возможно, это происходило в вашем доме, возможно, на работе, но вы обязательно переживали нечто подобное...».* Как мы видим, в тексте данной медитации присутствуют такие признаки рассуждения, как ряд мыслей, изложенных в логически последовательной форме, как того требует заложенная автором интенция. В языковом плане медитациям, построенным в форме рассуждения, свойственны перечисления, призванные точнее охарактеризовать состояния, чувства или статус реципиента «У

каждого из нас есть периоды жизни, когда... Возможно, в такие периоды вы занимались... Возможно, это время когда... В этот период вы можете». Риторические вопросы призваны активнее увлечь реципиента вслед за логической цепочкой умозаключений репродукента: *«Возможно, это время размышлений и обучения? Возможно, в такие периоды вы занимались молитвой и медитацией?»*. Пре-текст и пост-текст с инструкциями по входу и выходу из медитативного состояния в рассматриваемом нами примере так же отсутствуют и являются факультативными для медитативных текстов данного типа.

2.4 Медитации нарративно-описательные. В лингвистике существует множество подходов к описанию и определению нарратива в трудах ряда ученых: Т. Гомза, Л. В. Татару, В. А. Андреева, В. Г. Будькин, К. М. Шилихина, И. В. Палашевская, И. Н. Борисова, О. А. Леонтович, И. В. Алещанова, Г. В. Белая, К. И. Симонов, В. И. Тюпа, Н. В. Егоршина, Н. Н. Гринцевич, О. Г. Алифанова, М. Л. Макаров, А. С. Обухов, Е. Е. Чурилова, Е. В. Падучева. Исследователями выделяются различные характерные черты нарратива. Но общим критерием, определяющим нарратив или повествование, исследователи считают действие, а глагол является фактором особого структурирования текста. Отсюда проистекает наше особое внимание к функционированию глагола в тексте нарративно-описательных медитаций.

Данный тип медитации в определенной пропорции содержит как нарратив, так и описание. Композиция текста нарративно-описательных медитаций состоит из пяти частей: инструкции по погружению в медитацию, путешествие по миру наглядно-чувственных образов, советы реципиенту по поведению в мире наглядно-чувственных образов, прогностический текст и инструкция по выходу из процесса медитации. Действие пронизывает весь текст медитации и позволяет рассматривать его как нарратив. Характерной чертой для первой, третьей и четвертой части является использование глаголов повелительного наклонения. Выбор данной грамматической формы определен интенцией репродукента - побудить реципиента выполнить комплекс мероприятий, являющихся обязательными для успешного погружения в

медитацию (расслабить мышцы тела, абстрагироваться от внешних раздражителей, мыслей и чувств, сконцентрироваться на тех наглядно-чувственных образах, которые предлагает репродукцент), а так же поведению в ходе медитативного процесса и во время выхода из него. Так, в медитации «Единение половинок» нарратив инструктивной части медитации структурирован глаголами повелительного наклонения «включите, лягте, почувствуйте, представьте». Далее следует вторая часть медитативного текста, а именно, создание художественного текста, представляющего собой соединение нарратива и описания, насыщенного литературными тропами. Цель обращения продуцентом/репродукцентом к арсеналу приемов художественной речи - создание лингвистическими (и паралингвистическими) средствами наглядно-чувственной картины такой степени яркости и достоверности, когда реципиент может практически так же достоверно ощутить запахи, звуки, цвета, тактильные ощущения, как если бы действие происходило в реальности. Описательная часть медитативного текста широко использует ряд стилистических фигур и синтаксических приемов, таких как сравнение «*по небу плывут облака, как белый снег*», «*Сложите руки перед грудью, как при молитве*», метафора «*Проживите тотальное единение ваших существ, будто вы растворились и купаетесь друг в друге*», «*И ваша половинка будет с вами столько, сколько нужно вам, чтобы наполниться ею*», олицетворение «*Ваша Душа расправляет крылья*» и «*мир распахивается вам навстречу — открывает свои бескрайние возможности творчества, любви, света*», метонимия «*Вот половинка подошла к вам, и вы обнялись*», эпитет «*буйная зелень*», «*плывут облака*» и «*царствует покой*», градация и гипербола «*все ваши заботы, хлопоты, волнения остались там, далеко, за тысячи километров*», перифраз «*самый дорогой человек*» или «*... и начался мистический, таинственный акт единения*», антитеза «*почувствуйте нежность этой скалы*», риторический вопрос «*Что вы ощущаете при этом?*», риторическое восклицание «*Будьте счастливы и благодарны!*» и риторическое обращение «*Любимая моя!*», умолчание «*Сделайте пометку в уме о том,*

что вы сейчас почувствовали...», эпифора *«научимся прямо сейчас слышать друг друга, отвечать друг другу»*, анафора *«поприветствуйте окружающее Вас пространство... поприветствуйте энергию эфира, стихии воды, земли, воздуха и огня»*, часто используется эллипсис (что придает повествованию дополнительный динамизм) *«Это-остров в океане», «вверху — чистое голубое небо»* и повторы, использующиеся для усиления *«Потрите ладошки друг о друга сильно-сильно»*, дополнительную динамичность тексту придает такой синтаксический прием как бессоюзие *«мир...открывает свои бескрайние возможности творчества, любви, света»*.

Проследим за функционированием глагола, как определяющего элемента в построении нарратива, в каждой композиционной части медитативного текста.

Во второй части композиции нарративно-описательных медитаций нарратив базируется на использовании личных глаголов настоящего времени *«слышится, припекает, царствует, не давит, остается, окрыляет, обретаете, расправляет, распахивается, открывает, идет, движется, чувствуете, не совпадает, снимает, открывает, становится, творит, сближает, улучшает, ускоряет»* и незначительном количестве модальных глаголов *«бывает, может появиться, может не соответствовать»*. Использование личной формы глагола в настоящем времени можно рассматривать как дополнительный прием призванный сосредоточить реципиента на его присутствии и ощущениях в мире наглядно - чувственных образов и создать ощущение происходящего действия *«здесь и сейчас»*. Еще один прием для придания тексту большей убедительности – использование глаголов без отрицательных частиц. В анализируемом материале глаголы в сочетании с отрицательной частицей используются в 4% случаев употребления *«не давит», «не совпадает»*. Показательным примером многоуровневого использования глаголов, как основы нарративного текста, с одной стороны, и как экономного выразительного средства с большим потенциалом, с другой стороны, является использование во второй части композиции текстов нарративно-описательных медитаций, прошедшего

времени личной формы глаголов, именно в том случае, когда речь идет о «заботах, хлопотах и волнениях» реципиента. Этот прием подчеркивает, что неприятности реципиента в прошлом. Таким образом в медитативном тексте при помощи такого выразительного средства как временная форма глагола создается дихотомия: «заботы, хлопоты и волнения» реципиента отделяются от него и отправляются в прошлое с помощью использования глаголов в личной форме прошедшего времени, а мир, где «царствует покой, красота, гармония», таким приемом, как использование настоящего времени личной формы глагола, соединяется с настоящим реципиента и становится его «здесь и сейчас».

Перейдем к описанию четвертой части композиции текстов нарративно-описательных медитаций. Данная часть является инструкцией, поясняющей реципиенту, что необходимо ему предпринять, почувствовать, увидеть в мире наглядно-чувственных образов для осуществления своего прагматического намерения. В связи с интенцией этой части медитативного текста модулируется и грамматическое оформление глаголов, структурирующих данный нарративный текст. Глаголы вновь преобразуются в форму повелительного наклонения *«Делайте, что вам хочется: купайтесь, играйте, занимайтесь любовью или просто лежите на песке...почувствуйте тело вашей половинки...услышите дыхание, примите свою половинку...отпустите себя, пофантазируйте!»*

Пятая часть медитативного текста нарративно-описательного типа представляет собой прогностический текст, где репродукцент информирует реципиента о том, как события в мире наглядно-чувственных образов, а равно и в реальной жизни реципиента, будут разворачиваться далее. Как прием для создания текста с чертами прогноза, используется личная форма глагола в будущем времени *«...ваша половинка будет с вами столько, сколько ...а потом она уйдет сама, и вы проводите ее без грусти — потому как теперь она будет приходить к вам тогда, когда вы пожелаете. После этой практики вы обязательно встретите свою половинку, она придет к вам реальной жизни».*

В качестве резюме добавим, что в ходе изучения процесса медитации и медитативных текстов составлена их типология по различным основаниям, что свидетельствует о богатстве форм медитации и медитативных текстов. Среди развернутых медитативных текстов выделены различные жанровые группы: медитация-совет, медитация-призыв, медитация-рассуждение, нарративно-описательная медитация. Описаны композиционные особенности медитативного текста каждой жанровой группы, проведен анализ языковых средств, создающих специфику нарративно-описательных медитаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин // Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 281-307.
- Гальперин, И.Р. О понятии «текст» / И. Р. Гальперин // Вопросы языкознания. – 1974.- № 6. – С. 68–77.
- Ожегов, С. И. Призыв / С. И. Ожегов // Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – М.: Рус. Яз., 1987. – С.511
- Ожегов, С. И. Рассуждение / С. И. Ожегов // Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – М.: Рус. Яз., 1987. – С.578
- Ожегов, С. И. Совет / С. И. Ожегов // Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – М.: Рус. Яз., 1987. – С.644
- СФС – Советский философский словарь // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/советский-философский-словарь> (дата обращения: 22.04.2015).

УДК 806.(092)

Разумкова Н.В.

Тюмень, Россия, Цюйфу, Китай
**КОНЦЕПТОСФЕРА ЦВЕТА В
ЛИРИКЕ ОСИПА
МАНДЕЛЬШТАМА
(К 125-ЛЕТИЮ ПОЭТА)**

Код ВАК 10.02.01

Kuznetsov P.S.

Ekaterinburg, Russia
**COLOR CONCEPT SPHERE
IN THE POEMS BY OSSIP
MANDELSTAM (THE 125-th
ANNIVERSARY OF THE
POET)**

Аннотация. В статье анализируется фрагмент поэтической картины мира Мандельштама, рассмотренный сквозь призму цветообразных соответствий на примере концептов черный, белый, золотой.

Ключевые слова: *Осип Мандельштам, концептосфера цвета, поэтическая картина мира, цветовое обозначение.*

Abstract. This article analyzes a fragment of Mandelstam's poetic picture of the world, considered through the prism of color metaphor on the example of concepts black, white, gold.

Keywords: *Ossip Mandelstam, color concept sphere, poetic picture of the world, color word.*

Сведения об авторе: Разумкова Надежда Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, эксперт факультета русского языка.

Место работы: Тюменский государственный университет, Цюйфуский педагогический университет.

Контактная информация: 625048, г. Тюмень, ул. Республики, д. 94, кв. 180.
e-mail: 18nadezhda3@mail.ru

About the Author: Kuznetsov Petr Sergeevich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В качестве пролога к тому, о чем пойдет речь в статье, стоит отметить в рамках *in memoriam* знаменательное событие 2016 года - 125-летие со дня рождения величайшего поэта двадцатого века Осипа Мандельштама, творчество которого во многом определило духовный облик ушедшего столетия, стало культурным паролем русской интеллигенции, достоянием мировой литературы и культуры.

Объектом нашего внимания является представленный в

текстах стихотворений Мандельштама поэтический мир, который мы рассматриваем сквозь призму цветообразных соответствий, опираясь на разработанные в когнитивной лингвистике подходы выявления и описания концептов (труды С.Г. Воркачева, Е.С. Кубряковой, Ю.Е. Прохорова и др.). Концепты, сочетаясь, образуют концептуальную систему – концептосферу, наполненную множеством личностных смыслов, объединенных вокруг единого семантического компонента [Лихачев 1993: 3-9]. Концептосфера, явленная в художественном тексте, выступает как авторская картина мира – итог интерпретации образа мира художником слова. Каждый большой поэт обладает новым взглядом на мир [Панова 2003:35]. Авторское мировосприятие репрезентируется тремя когнитивными структурами: мироощущение, передаваемое образной стороной текста; миропредставление – система ценностных представлений об окружающей действительности и отношениях с этой действительностью; миромодель – «лексическая сетка координат» (А. Вежбицкая), при посредстве которой автор строит индивидуальный образ мира.

Мандельштам удалось создать грандиозную по художественному замыслу фреску – поэтическую картину мира, в текстовом пространстве которой, каждое слово, играя своей ассоциативной «аурой», служит образцом выразительности. Исключительно важное значение имеют колоронимы, «наглядные лексикализованные сенсibiliи» (О.А. Корнилов), которые по воле мастера устанавливают отношения с другими единицами по семантическому притяжению или звуковому подобию, поэтому краски звучат (*хрипкая охра*), имеют запах и вкус (*с розоватым винным паром полетит шашлычный дым*), ощущаются тактильно (*горячая синева*). Решение поэтической темы вытекает из особой обработки предметно-чувственных явлений в виде наглядно оформленного натюрморта: *Медлительнее снежный улей; Прозрачнее окна хрусталь, и бирюзовая вуаль Небрежно брошена на стуле («Медлительнее снежный улей...»)*. Роль цветовых номинаций не ограничивается только живописной декоративностью: она более значительна, так как цветное обозначение (ЦО) становится частью

психоментального пространства мастера, в котором сходятся его зрение и мысль.

Задача описания функционально-символического статуса цветового слова впервые ставилась нами в диссертационном исследовании [Разумкова 2009]. Цветовые реалии поэтической картины мира Мандельштама были представлены, во-первых, как философская категория, связанная с первоосновой мира, во-вторых, как эстетическая категория, в-третьих, как психологическая категория, объединяющая физический, культурный, эмоциональный опыт восприятия мастера. Цветовые характеристики, несущие потенциальный заряд для описания и познания мира, используются поэтом для прояснения сущности художественных реалий. В наполнении цветового концепта, помимо самого цвета, принимают участие различные образы, выражающие как конкретные предметы, так и абстрактные явления, «фантомные» сущности. Метафорическая функция ЦО характеризуется тем, что цвету самому по себе больше не присуще значение объективного феномена, он становится субъективно и символически нагруженным. Феномен цвета как абстрактная сущность привлекается не только для характеристики какого-либо акустического или визуального элемента, но и для индикации процессов, которые находятся вне сферы физического восприятия. Переход к использованию ЦО в абстрактном значении происходит следующим образом: сначала расширяются границы использования цвета как признака и свойства предметов, а затем ему придается индивидуальное содержание, выходящее за рамки его собственных непосредственно воспринимаемых качеств, и как следствие: цвет в поэтическом выражении не служит для передачи свойств определенных, чувственно воспринимаемых объектов. Классифицирование цветовых образов по денотатам позволило выявить колористические предпочтения поэта.

Предмет нашего внимания – «именной» облик образа (типа *черный бархат ночи, черная любовь, белый богатырь, золотая лень*), который по языковому основанию вполне сопоставим с конкретной лирической ситуацией. «Ассоциативное многословие» (В.В.Лосев) Мандельштама на фоне

метафорических контекстов вызывает определенную сложность в структурировании материала. Концепты **черный**, **белый**, **золотой** представлены множеством образов, отражающих субъективность и неповторимость авторского замысла; имеют обширную вербализационную зону – 310 контекстов, заимствованных из проанализированных 395 стихотворений [Мандельштам 1991].

Концепт **черный** репрезентируется в следующих образах: абстрактных *зло, любовь, труд*; артефактных *кафедра, квадриги, книга, лента, лестница, носилки, парус, свечка*; вегетативных *розы*; зооморфных *паутина, птички стаи, устрицы*; пространственных *Авентин, земля, море, Нева, пашня, солнце, ухабы*; синестетических *бархат, ветер, визги, вино, мех, шелк*; темпоральных *ночь*. Например: *Смутно-дышащими листьями **Черный** ветер шелестит* («Смутно-дышащими листьями»); *И для матери влюбленной Солнце **черное** взойдет* («Как этих покрывал и этого убора»); *В **черном** бархате всемирной пустоты* («В Петербурге мы сойдемся снова»); *О Боже, как **черны** и синеглазы Стрекозы смерти, как лазурь **черна!*** («10 января 1934»).

Концепт **белый** репрезентируется в следующих образах: абстрактных *работа, рай, совесть*; антропоморфных *лицо, невеста, рука*; артефактных *занавеска, колонны, окно, подушки, покров, постель, прялка, трость*; зооморфных *бабочка, рыбы, ужи*; пространственных *звезды, камни, облака*; метеорологических *снег*; синестетических *масло, сметана*; темпоральных *день, ночь*. Например: *Нежнее нежного Лицо твое, **Белее** белого Твоя рука* («Нежнее нежного Лицо твое»); *Разве Россия не **белый** рай И не веселье наши сны?* («В белом раю лежит богатырь»); ***Белизна** снегов гагачья Из вагонного окна* («Эта область в темноводье»).

Концепт **золотой** репрезентируется в следующих образах: абстрактных *забота, обида, счастье, ум, лень*; антропоморфных *волосы, лики соборов, пальцы, плешина, щеки*; артефактных *ботинок, гвозди, гири, занавесь, лоскут, мокко, обруч, овчина, струна, сутана, тулупы, часы*; вегетативных *бананы, семя, трава, елки, черешня*; зооморфных *глаза козы, грива, живот*,

перья, рыбы, пространственных луна, месяц, песок, равнина, солнце, синестетических жар, жир, мед, огни, темпоральных день, вечер. Например: *Часы песочные желты и золотисты* («Ариост»); *Сусальным золотом горят В лесах рождественские ёлки* («Сусальным золотом горят»); *Я хочу поужинать, и звезды Золотые в темном кошельке* («Золотой»).

Вместо эпилога. Концептосфера цвета в лирике Мандельштама обладает «чудовищно-уплотненной реальностью» («Утро акмеизма»), характеризуется многообразием лексической репрезентации в рамках денотативных зон. Каждый цветовой концепт имеет индивидуальный символический потенциал, который актуализируется эксплицитно и имплицитно на ассоциативно-смысловом уровне. Семантика белого, черного, золотого, обусловленная национально-культурной традицией, в лирике Мандельштама приобретает амбивалентные свойства. Как известно, белый цвет тождествен свету, Божественному миру, символ непорочности и чистоты. Противоположный ему черный цвет символизирует ад, мрак, зло, грех. Золотой – трансцендентный символ, одновременно свет и цвет, обозначает сияние Божественной славы. Золотой не знает, как белый и черный, дихотомии свет/тьма, выражает приобщение к миру вечных ценностей. В аксиологии Мандельштама данная триада теряет присущее ей высокое статусное содержание. Так, в стихотворении «Золотой» сталкиваются эпитеты *золотой* и *темный*, контрасты *звезды* и *кошелек*. Обладающие положительными коннотациями, *золотой* и *звезды* проникают в негативный контекст (*темный, подвал, кошелек*): местоположение звезд оказывается не в небе, а в кошельке, лирический герой спускается в подвал – ад. Подобным образом связываются поэтом в одну цепочку белый цвет и черный, олицетворяющие жизнь и смерть, совесть, правду и беду, в стихотворении «Умывался ночью во дворе». Символическая многозначность художественных реалий, получивших индикацию *черный, белый, золотой - печальнейшее из созвучий* («В смиренно-мудрых высотах») спаивается воедино, указывая на тональность стихов. Главенствует нота скорби, черной

музыки, предвещающая судьбу поэта и грядущие потрясения в мире. Однако в эсхатологической перспективе отчетливо видно, как в *черном бархате советской ночи все цветут бессмертные цветы*. Траурная чернота приглушается *бессмертными цветами*. Это уже поворот к другой теме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воркачев С.Г. *Счастье как лингвокультурный концепт*. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.

Лихачев Д.С. *Концептосфера русского языка // Известия РАН: серия литературы и языка*. – 1993. Т. 52, № 1. – С. 3-9.

Мандельштам О.Э. *Собрание сочинений в 4-х т. Т. 1*. – М.: ТЕРРА, 1991. – 684 с.

Панова Л.Г. *«Мир», «пространство», «время», в поэзии Осипа Мандельштама*. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 808 с.

Разумкова Н.В. *Лексико-семантическое поле цвета и света как когнитивно-поэтический феномен (на материале произведений К. Батюшкова и О. Мандельштама): дис. канд. филол. наук*. – Тюмень, 2009. – 191 с.

УДК 821.161.1

Рябова И.Ю.

Екатеринбург, Россия

**ПОНЯТИЙНАЯ И ОБРАЗНАЯ
СОСТАВЛЯЮЩИЕ
КОНЦЕПТА «ПУТАНИЦА» В
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЯХ
РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО
«АННА КАРЕНИНА»**

Аннотация. Данная статья акцентирует внимание на сопоставительном анализе выбранных метафорических тропов из четырех англоязычных переводов романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Исследование в рамках данной статьи основано на компонентном анализе составляющих концептуальную метафору лексем, что позволяет с разных точек зрения интерпретировать созданные в контекстах образы.

Ключевые слова: лексема, перевод, компонент, транспонированная метафора, символический, контекст.

Сведения об авторе: Рябова Ирина Юрьевна, преподаватель английского языка, аспирантка ИИЯ.

Место учебы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 459.
e-mail: i.y.ryabova_3012@mail.ru

Код ВАК 10.02.01

Ryabova I. Y.

Ekaterinburg, Russia

**CONCEPTUAL AND
IMAGINATIVE
COMPONENTS OF THE
NOTION «CONFUSION» IN
THE ENGLISH VERSIONS OF
LEO TOLSTOY'S NOVEL
«ANNA KARENINA»**

Abstract. The article in question dwells upon comparative analysis of the chosen metaphoric units from four English translations of Leo Tolstoy's novel «Anna Karenina». The investigation within the article is based on the component analysis of the lexemes, building the metaphoric unit, that enables us to shed light on the differences of images created in these four interpretations.

Keywords: lexeme, translation, component, transport metaphor, symbolic, context.

About the Author: Ryabova Irina Yurievna, an English teacher, aspirant of the Faculty of Foreign Languages.

Place of studying: Ural State Pedagogical University.

Эмоциональная тональность романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» задана единством психологизации и глубокого драматизма, проявляющимся как в событийном ряде, так и в

словесном составе произведения. Ссылаясь на известного литературоведа Э. Г. Бабаева, посвятившего много лет изучению романа-трагедии, отметим, что каждая из восьми частей романа написана под эгидой определенного концепта, являющегося узловым элементом развития отношений между героями: первая часть романа – путаница, вторая – пучина, третья – неопределенность, четвертая – таинственное общение и т.д. [Бабаев, 1978: 115 – 124]. В рамках данной статьи остановимся на отношениях Анны и Вронского в первой части романа. По заметкам Л. И. Ереминой в работе «Рождение образа: о языке художественной прозы Льва Толстого» проявлениями путаницы в «диалектике души» Анны становятся свет в глазах, дрожь в улыбке и полумрак как символ темноты [Еремина, 1983: 156]. Нами были выбраны четыре разных англоязычных перевода трех контекстов, связанных с блеском в глазах героини как аллегорией ее жизненных сил, улыбкой, волновавшейся на ее губах при встрече с Вронским на железнодорожной станции и состоянием «колеблющегося полумрака» в поезде на обратном пути из Москвы в Петербург. Рассмотрим данные англоязычные контексты с точки зрения компонентного анализа с целью изучения образов, созданных переводчиками, и интерпретацией ключевых особенностей идиостиля Л. Н. Толстого. К особенностям художественного и идейного мастерства художника, согласно нашему исследованию, в рамках данных эпизодов, относятся следующие концептуальные метафоры:

- 1) звездная метафора или метафора «звздообразности» [Толстой, 2014: 7 – 23];
- 2) метафора движения [Густафсон, 2003: 307; Browning, 2010: 15];
- 3) метафора концентричности кругов [Бабаев, 1978: 108];
- 4) метафора открытия [Густафсон, 2003: 307];
- 5) метафора мореплавателя или морская метафора [Бабаев, 1978: 143].

Первый выбранный нами контекст произведения – «...Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее

воли в чуть заметной улыбке...» [Толстой, 2014: 93]. Он представлен следующими переводами:

1) Р. Пивер и Л. Волохонски – «She deliberately extinguished the light in her eyes, but it shone against her will in a barely noticeable smile...» [Peaver, 2000: 61].

2) А. и Л. Моод – «She deliberately tried to extinguish that light in her eyes, but it shone despite of her in her faint smile» [Maude, 1918: 60].

3) К. Гарнетт – «Deliberately she shrouded the light in her eyes, but it shone against her will in the faintly perceptible smile» [Garnett, 1901: 108].

4) Н. Доул – «... but in spite of her, the veiled lightning of her eyes gleamed in her smile...» [Dole, 2015: 69].

Особый интерес для нас представляют две транспонированные метафоры: «потушила свет в глазах», «он светился в улыбке» и их соответствующие переводы (термин «транспонированная метафора» – по классификации М. В. Никитина).

Рассмотрим компонентный состав лексем, создающих различия контекстов:

Extinguish – 1) cause (a fire or light) to cease to burn or shine (OxD); 2) destroy (OxD); 3) subdue or reduce (someone) to silence (OxD). Cease – bring to an end (OxD). Barely – 1) (archaic) openly; explicitly (OxD); 2) in a simple and sparse way (OxD). Sparse – thinly dispersed or scattered (OxD). Scatter – throw in various random directions (OxD). Random – 1) made, done, or happening without method or conscious decision (OxD); 2) (of masonry) with stones of irregular size and shape (OxD). КЛС 1-ой метафоры (действие) – положить конец, ДС1 (характер) – намеренно, ДС2 (результат) – молчание. КЛС 2-ой метафоры (действие) – производить, ДС1 (сила) – свет, ДС2 (характер) – открыто, ДС3 (качество) – разрозненно, как попало, ДС4 (причина) – неосознанность действия.

Faint – 1) slight (OxD); 2) feeble (OxD); 3) (archaic) grow weak or feeble; decline (OxD). Slight – not profound or substantial; rather trivial or superficial (OxD). КЛС 1-ой метафоры (действие) – положить конец, ДС1 (характер) – не полностью, ДС2 (качество)

– намеренно. КЛС 2-ой метафоры (действие) – производить, ДС1 (сила) – свет, ДС2 (результат) – слабость света, ДС3 (характеристика) – не подлинный, не глубокий.

Shroud – 1) cover or envelop so that to conceal from view (OxD); 2) wrap or dress (a body) in a shroud for burial (OxD). Envelop – wrap up, cover, or surround completely (OxD). Perceptible – (especially of a slight movement or change of state) able to be seen or noticed (OxD). КЛС 1-ой метафоры (действие) – завернуть, ДС1 (объект) – свет, ДС2 (цель) – скрыть, ДС3 (характер) – полностью, ДС4 (результат) – смерть. КЛС 2-ой метафоры (действие) – производить, ДС1 (сила) – свет, ДС2 (характер) – слабеющий, ДС3 (причина) – движение души.

Veil – 1) partially conceal, disguise, or obscure (OxD); Veil (noun) – a piece of fine material worn by women to protect or conceal the face (OxD). Disguise – give (someone or oneself) a different appearance in order to conceal one's identity (OxD). Lightning – the occurrence of a natural electrical discharge of very short duration and high voltage between a cloud and the ground, accompanied by a bright flash and thunder (OxD). Voltage – an electromotive force (OxD). Electromotive – tending to produce an electric current (OxD). Current – a body of water or air moving in a definite direction (OxD). Gleam – look bright and show that you are excited or happy (CoCo). КЛС 1-ой метафоры (действие) – скрыть, ДС1 (цель) – намеренно, ДС2 (качество) – частично, ДС3 (объект) – внешность, ДС4 (характер объекта) – сильная эмоция, ДС5 (причина) – движение, поток. КЛС 2-ой метафоры (действие) – выглядеть, ДС1 (качество) – ярко, ДС2 (причина) – счастье.

Итак, переводчиками созданы абсолютно разные образы, и интерпретированы различные толстовские мотивы. Р. Пивером и Л. Волохонски поддержана толстовская звездная метафора – Анна в их версии подобна камню, источающему тихое молчание и умиротворение, и причина ее эмоций – неосознанная природа «диалектики души». Именно такой многогранной и загадочной она предстает перед Вронским в романе в начале произведения. У А. и Л. Моод подчеркнута сознательная попытка Анны погасить свое чувство семантикой глагола try. Характер ее улыбки двойственен: она слабая, угасающая, с одной стороны, с

другой – не открытая и не откровенная. Основой этого контекста является толстовская метафора «ключа и дома» – отсутствие смелости приближать к себе Вронского. В переводе К. Гарнетт также выдержана толстовская метафора «ключа и дома», но в иных смысле и форме: внутренний мир героини, наполненный движением, окутан тайной от посторонних глаз, что создается посредством семантики глагола *shroud*, ведущей героиню к гибели. Версия Н. Доула отличается усилением чувства Анны – оно, подобно природной стихии, способно намеренно сметать все на своем пути, несмотря на желание героини завуалировать свое чувство и выдать его за другое. В этом контексте приобрела силу толстовская метафора движения.

Второй контекст связан с улыбкой Китти, которая появляется в тексте как транспонированная метафора воды: «... и с тою же улыбкой, волновавшеюся между губами и глазами, подала руку Вронскому» [Толстой, 2014: 96]. Эпизод представлен в четырех переводах:

- 1) Р. Пивер и Л. Волохонски – «... and with the same smile wavering between her lips, gave her hand to Vronsky» [Peaver, 2000: 63].
- 2) А. и Л. Моуд – «... and with the same smile hovering between her lips and eyes held out her hand to Vronsky» [Maude, 1918: 62].
- 3) К. Гарнетт – «... and with the same smile fluttering between her lips and her eyes, she gave her hand to Vronsky» [Garnett, 1901: 111].
- 4) Н. Доул – «Then she gave her hand to Vronsky with the smile that seemed to belong as much to her eyes as to her lips» [Dole, 2015: 71].

Ключевыми различиями обладают лексемы *waver*, *hover*, *flutter*, а также фразы *give one's hand* и *hold out*. Рассмотрим их подробнее.

Waver – 1) move in a quivering way; flicker (OxD); 2) not able to decide about something (CoCo). *Flicker* – 1) be felt or shown briefly or faintly (OxD); 2) make small, quick movements (OxD). *Quiver* – 1) tremble or shake with a slight rapid motion (OxD); 2) cause (something) to make a slight rapid motion (OxD).

КЛС (действие) – двигаться, ДС1 (характер) – быстро, ДС2 (объект) – вода, ДС3 (причина) – дрожь, ДС4 (результат) – нерешительность.

Hover – 1) remain in one place in the air (OxD); 2) remain at or near a particular level (OxD); 3) in an uncertain situation or state of mind (CoCo); 4) birds can do that by moving their wings quickly (CoCo).

КЛС (действие) – оставаться, ДС1 (место) – в воздухе на определенном месте, ДС2 (субъект) – птицы, ДС3 (причина) – уверенность.

Flutter – 1) fly unsteadily (OxD); 2) move with a light irregular or trembling motion (OxD); 3) move restlessly (OxD).

КЛС (действие) – двигаться, ДС1 (характер) – расслабленно, ДС2 (качество) – нерегулярные движения, ДС3 (результат) – неуверенность.

Belong – have an affinity (OxD). Affinity – similar in some ways (CoCo). Similar – resemblance in character (OxD). Have – 1) possess, hold (OxD); 2) provide or indulge oneself with (OxD). КЛС (действие) – иметь сходство, ДС1 (причина) – похожесть, ДС2 (результат) – обеспечение себя чем-то.

Итак, разные образы и характер присущи улыбке героини. В трех переводах из четырех сохранена толстовская метафора движения (за исключением перевода А. и Л. Моод). В случае Р. Пивера и Л. Волохонски улыбка – «скорость и дрожь» диалектики души, в них отражена резкость душевных изменений Анны. В переводе А. и Л. Моод улыбка – состояние покоя парящей птицы, затихшей перед приземлением. У К. Гарнетт улыбка символична легкости бабочки и кокетства, с какими героиня в данном эпизоде относится к Вронскому. Н. Доул опускает элемент тропа, прибегая к уравниванию значения глаз и губ героини в выражении ее эмоций.

Третий контекст русскоязычной версии романа, важный с точки зрения метафорических оборотов, – «Она чувствовала, что нервы ее, как струны, натягиваются все туже и туже на какие-то завинчивающиеся колышки. Она чувствовала, что глаза ее раскрываются больше и больше, что пальцы на руках и ногах нервно движутся, что в груди что-то давит дыханье и что все

образы и звуки в этом колеблющемся полумраке с необычайную яркостью поражают ее» [Толстой, 2014: 137].

1) Р. Пивер и Л. Волохонски – «She felt her nerves tighten more and more, like strings on winding pegs. She felt her eyes open wider and wider, her fingers and toes move nervously; something inside her stopped her breath, and all images and sounds in that wavering semi-darkness impressed themselves on her with extraordinary vividness» [Peaver, 2000: 101].

2) А. и Л. Моуд – «She felt that her nerves were being stretched like strings drawn tighter and tighter round pegs. She felt her eyes opening wider, her fingers and toes nervously moving, and something inside her stopping her breath, and all the forms and sounds in the swaying semi-darkness around struck her with unusual vividness» [Maude, 1918: 99].

3) К. Гарнетт – «She felt as though her nerves were strings being strained tighter and tighter on some sort of screwing peg. She felt her eyes opening wider and wider, her fingers and toes twitching nervously, something within oppressing her breathing, while all shapes and sounds seemed in the uncertain half-light to strike her with unaccustomed vividness» [Garnett, 1901: 176].

4) Н. Доул – «She felt her nerves grow more and more excited, her eyes open wider and wider, her fingers clasped convulsively, something seemed to choke her, and objects and sounds assumed an exaggerated importance in the semi-obscurity of the car» [Dole, 2015: 111].

Основные различия в переводах представляют колышки и характер полумрака. Рассмотрим лексемы подробнее.

Тип колышков вызывает разночтение.

Wind – 1) move in or take a twisting or spiral course (OxD); 2) wrap (OxD); 3) turn (a key or handle) repeatedly round and round (OxD); 4) wrap it around it several times (CoCo). Course – 1) the route or direction followed by a ship, aircraft, road, or river (OxD); 2) a set of adjacent strings on a guitar (OxD). Wrap – cover or enclose in paper or soft material (OxD). КЛС (движение) – двигаться, ДС1 (направление) – по курсу корабля, ДС2 (количество) – много раз.

Screw – rotate (OxD); 2) (informal) cheat or swindle (someone), especially by charging them too much for something. Rotate – move

or cause to move in a circle round an axis or centre (OxD). КЛС (движение) – двигаться, ДС1 (основа) – ось, ДС2 (повторяемость) – много раз, ДС3 (причина) – обман.

Характер натягивания струн-нервов также различен.

Draw – 1) move them in that direction, usually by pulling them gently (CoCo). Tighten – tight – very firm; 2) tense, irritated, or angry (OxD). Strain – stretch (something) tightly. Tightly – very firm (OxD). Stretch – 1) to tighten one's muscles or in order to reach something (OxD).

Характер полумрака изображен следующими средствами:

Waver – 1) flicker (OxD); 2) falter (OxD). Flicker – alternately flaring up and dying down (OxD). Falter – 1) move unsteadily or hesitantly (OxD); 2) lose your confidence and stop doing something or start making mistakes (CoCo). КЛС (движение) – двигаться, ДС1 (характер) – неуверенно, ДС2 (причина) – отсутствие уверенности, ДС3 (результат) – ошибка.

Sway – to move slowly or rhythmically backwards and forwards or from side to side (OxD); 2) control, rule (OxD). КЛС (движение) – двигаться, ДС1 (направление) – из стороны в сторону, ДС3 (причина) – влияние.

Итак, детали переводов различны. В интерпретации Р. Пивера и Л. Волохонски передана метафора концентричности кругов. Колышки в данном контексте символичны жизненному пути Анны, а события ее жизни, подобно снежному кому, приобретают свою последовательность. Вся жизнь – корабль, плывущий по курсу, избираемому героиней. В этом морская метафора контекста. Колеблющийся полумрак – идея начала и конца, конца уверенности в завтрашнем дне и начало совершения ошибок, которая в определенной степени становится проявлением толстовской метафоры открытия. У К. Гарнетт также выражена метафора концентричности кругов. Ось вращения – чувство к Вронскому, предполагающее обман в будущем. В обоих переводах присутствует метафора движения. Движение в интерпретациях К. Гарнетт и А. и Л. Моод неразрывно связано с желанием достижения цели. Н. Доул передает движение вверх посредством лексемы *grow*, избегая сравнения со струнами, и выдвигая на первый план эмотивный

компонент состояния героини. В полной мере и художественной образности передан контекст в переводе Р. Пивера и Л. Волохонски.

Подводя итог выше рассмотренным примерам, можно сделать вывод, что переводчикам с помощью лексических средств художественной речи в разной степени удастся передать элемент путаницы в отношениях Анны и Вронского в первой части романа, показать «глубокие» концептуальные метафоры Л. Н. Толстого, достичь единства образов в сцеплениях художественного произведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бабаев Э. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. – М.: Художественная литература, 1978. – 155 с.
- Густафсон Р. Ф. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. – СПб.: Академический проект, 2003. – 476 с.
- Еремина Л. И. Рождение образа: О языке художественной прозы Льва Толстого. – М.: Наука, 1983. – 189 с.
- Толстой Л. Н. Анна Каренина. – М.: ЭКСМО, 2014. – 958 с.
- Browning G. L. A «Labyrinth of Linkages» in Tolstoy's Anna Karenina. – USA: Academic Studies Press, 2010. – 130 p.
- Collin's Cobuild Dictionary ABBYY Lingvo 6.
- Dole N. Anna Karenina. – New York: Thomas Y. Crowell & CO. Publishers, 2015.
- Garnett C. Anna Karenina. – USA. – Planet eBook, 1901.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Macmillan Education, 2002.
- Maude A., Maude L. Anna Karenina. – London: Wordsworth Classics, 1918.
- Oxford Dictionary ABBYY Lindvo 6.
- Peaver R., Volokhonsky L. Anna Karenina. – London: Penguin Classics, 2000.

УДК 821.111'2(Стоппард Т.)

Степанова О. В.

Екатеринбург, Россия

**ЗАКОНОМЕРНОЕ И
СЛУЧАЙНОЕ В ПЬЕСЕ**

Т. СТОППАРДА «АРКАДИЯ»

Аннотация. Статья посвящена изучению упорядоченного и спонтанного в одной из наиболее ярких и известных пьес современного британского драматурга Тома Стоппарда. В работе исследуются отношение героев к порядку и хаосу, выраженное в их речи, действия персонажей и построение пьесы. Автор приходит к выводу, что закономерное и случайное в пьесе тесно переплетены.

Ключевые слова: закономерное, случайное, хаос, драма, Стоппард.

Код ВАК 10.02.01

Stepanova O.V.

Ekaterinburg, Russia

**ORDER AND RANDOMNESS
IN TOM STOPPARD'S PLAY
“ARCADIA”**

Abstract. The article studies order and randomness in one of the brightest and well-known plays of Tom Stoppard, the contemporary British playwright. The author analyses the characters' attitude to order and chaos expressed in their speech, the characters' actions, organization of the play and concludes that order and randomness in the play are interrelated.

Keywords: order, randomness, chaos, drama, Tom Stoppard.

Сведения об авторе: Степанова Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры германской филологии Института Гуманитарных Наук и Искусств (ИГНИ).

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина.

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, ауд.208.

e-mail: ovsya@mail.ru

About the Author: Stepanova Olga Vladimirovna, senior lecturer of the Chair of German Philology, Institute of Humanities and Arts.

Place of employment: Ural Federal University n.a. the First President of Russia B.N. Yeltsin

Т. Стоппард – один из наиболее читаемых и изучаемых драматургов современности. Его стилю присущи игра, интеллектуальность, комизм. «Аркадия» - одна из самых ярких и интересных пьес данного автора. По мнению Ю. Г. Фридштейна, «Аркадия» «пленила вновь своей ослепительной театральностью,

тем абсолютным знанием законов сцены, которое никогда, кажется, не было в драматургии Стоппарда явлено столь ошеломительно» [Фридштейн 2000: 311]. По мнению критика, «Аркадия» стала началом нового периода в творчестве драматурга. В пьесах, написанных в этот период («Аркадия», 1993, «Индийская тушь», 1995, «Открытие любви», 1997), Том Стоппард создает своего рода коллаж, мозаику, перебирая различные философские концепции, физические и математические теории, критические исследования, постоянно меняя пространственно-временной план.

В «Аркадии» герои конца XX века пытаются восстановить картину прошлого, подробнее узнать о происшедшем в XIX веке события, описать эпизод из жизни. Из отдельных фактов, предположений, гипотез, набросков, подобно мозаике, воссоздается событие. Действие происходит в одной из комнат дома семьи Каверли. На сцене поочередно изображаются две эпохи: начала XIX века и конца XX века – однако место действия не меняется. В обстановке комнаты нет ничего характерного для одной из эпох. В конце пьесы герои обеих эпох оказываются на одной сценической площадке. Они кружат в танце.

Вопрос о роли закономерного и случайного (спонтанного), порядка и хаоса в «Аркадии» вызывает несомненный интерес. По мнению Джима Хантера, в начале XIX века Томасина получает образование, традиционное для эпохи Просвещения [Hunter 2000: 168]. Это эпоха торжества разума, в которую любое явление можно было предсказать и объяснить законами физики. Это эпоха закономерных явлений. С другой стороны, герои живут в век Романтизма, когда на первый план выходят чувства, иррациональное, непредсказуемое и случайное. В XX веке персонажи также опираются на теорию хаоса, согласно которой явления происходят случайно, спонтанно, но в конечном итоге складываются в определенную, упорядоченную картину. Джим Хантер утверждает: “Stoppard establishes a vague parallel between Romanticism and modern chaos theory – seeing the latter as a sort of Romantic maths” [Hunter 2000: 170].

В пьесе эти теории переплетаются, иногда противореча, иногда дополняя друг друга. Рассмотрим некоторые примеры.

Идея направленности времени и потери энергии при движении от прошлого к настоящему звучат в следующих высказываниях: «*VALENTINE: It won't work backwards. ... You can put back the bits of glass, but you can't collect the heat of the smash. It's gone.*» [Stoppard 1993: 93]. Эта же идея - в словах Валентайна об остывающем чае: «*VALENTINE: ...Heat goes to cold. It's a one-way street. Your tea will end up at room temperature. What's happening to your tea is happening to everything everywhere.*» [Stoppard 1993: 78].

Случается, что герои, твердо верящие в законы Ньютона, вдруг опровергают их. Например, размешивая пудинг, Томасина обнаруживает: «*When you stir your rice pudding ... the spoonful of jam spreads itself round making red trails ... But if you stir backward, the jam will not come together again. You cannot stir things apart.*» [Stoppard 1993: 5]. Тем самым Томасина опровергает принцип обратимости. Другой пример: «*CHLOË: The universe is deterministic all right, just like Newton said, I mean it's trying to be, but the only thing going wrong is people fancying people who aren't supposed to be in that part of the plan.*» [Stoppard 1993: 73]. Т.е. сама жизнь, реальность часто доказывает несостоятельность некоторых правил, например, предсказуемости, запрограммированности жизни.

Герои пьесы говорят о некоторых явлениях, которые происходят по теории хаоса, сочетая в себе беспорядок и порядок: «*VALENTINE: If you knew the algorithm and fed it back say ten thousand times, each time there'd be a dot somewhere on the screen. You'd never know where to expect the next dot. But gradually you'd start to see this shape, because every dot will be inside the shape of this leaf.*» [Stoppard 1993: 47]. Т.е. несмотря на непредсказуемость появления точек, на экране в итоге появится определенный результат. Валентайну принадлежат и следующие слова: «*We can't even predict the next drip from a dripping tap when it gets irregular. Each drip sets up the conditions for the next, the smallest variation blows prediction apart.*» [Stoppard 1993: 48]. Т.е. из неисправного крана капли будут падать (это - предполагаемый итог), но с какой периодичностью - неизвестно (это непредсказуемо).

В некоторых высказываниях персонажей речь идет о явлениях, сочетающих в себе законы Ньютона и теорию хаоса. Валентайн рассуждает об изменениях в численности популяции золотых рыбок: «*This year there are X goldfish. Next year there'll be Y goldfish ... Nature manipulates the X and turns it into Y ... Your value for Y becomes your next value for X. The question is: what is being done to X?*» [Stoppard 1993: 45]. С одной стороны, природа по своим, неведомым людям, законам определяет количество рыбок, люди могут составить лишь примерный алгоритм изменения численности рыбок (это проявление теории хаоса). Однако то, что сейчас Y, через год превратится в X; обратного движения нет. Вектор времени направлен в будущее (это - следствие из законов Ньютона). Рассмотрим другой пример: «*SEPTIMUS: You should no more grieve for the rest than for a buckle lost from your first shoe, or for your lesson book which will be lost when you are old ... The missing plays of Sophocles will turn up piece by piece, or be written again in another language. Ancient cures for diseases will reveal themselves once more. Mathematical discoveries glimpsed and lost to view will have there time again.*» [Stoppard 1993: 38]. Т.е. где и когда появляются утраченные произведения и открытия - неизвестно, но они появятся. Так проявляет себя теория хаоса. Септимус также подчеркивает, что не нужно смотреть в прошлое и сожалеть о случившемся: время идет вперед. Прослеживается идея направленности времени. То, что случилось в прошлом, неактуально сейчас; эмоции остывают, охлаждаются (закон потери энергии).

Герои обеих эпох приходят к выводу, что сами люди с их эмоциями, чувствами, спонтанными поступками делают закономерную, упорядоченную жизнь непредсказуемой. Как замечает Хлоя, “*the universe is deterministic all right, just like Newton said, ... but the only thing going wrong is people fancying people who are not supposed to be in the plan*” [Stoppard 1993: 97].

Интересно, что само построение пьесы также подчинено законам Ньютона и теории хаоса. Действие происходит то в начале XIX века, то в конце XX века. Проявляется закономерность и обратимость действия. Читатели и зрители имеют возможность по частям воспроизвести происшедшее. С

другой стороны, события появляются хаотично, случайно, спонтанно. Это сбивает с толку персонажей XX века и читателей, заставляет делать неправильные, преждевременные выводы. К концу пьесы складывается полная картина происшедшего. Пьеса завершается танцем, в котором есть эмоции и упорядоченность, закономерное и случайное.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Фридштейн Ю.Г. Розенкранц, Гильденстерн и другие [Послесловие] // Стоппард, Том. «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» и другие пьесы, СПб, 2000.

Stoppard T. Arcadia. – London; Boston: Faber and Faber, 1993. – 97 p.

Hunter J. Tom Stoppard: Rozencrantz and Guildenstern Are Dead, Jumpers, Travesties, Arcadia. – London; New York, 2000. – 240 p.

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ УрГПУ основан в 1937 году. Является ведущим образовательным учреждением в области преподавания иностранных языков и повышения квалификации преподавателей вузов и учителей в Уральском регионе, а также готовит специалистов в сфере устного и письменного перевода. Лицензирован и аккредитован. Имеет давние и прочные связи с зарубежными образовательными учреждениями и центрами, многолетние традиции научного и культурного обмена с Германией, Австрией, Францией, Великобританией и США; тесно сотрудничает с факультетами иностранных языков и кафедрами С.-Петербурга, Москвы, Н.Новгорода, Н. Тагила и др. городов РФ. Имеет высокий рейтинг в научном мире.

В состав ИИЯ входят **5 специализированных кафедр**:

- английского языка, методики и переводоведения,
- английской филологии и сопоставительного языкознания,
- немецкой филологии,
- романских языков,
- профессионально-ориентированного языкового образования,

а также

- 5 ресурсных языковых центра (языковое образование, немецкий, французский, испанский, австрийский),
- магистратура,
- аспирантура, докторантура,
- центр дополнительного образования,
- подготовительные курсы (уровень ЕГЭ).

Научные школы

Научные исследования в институте проводятся в рамках комплексных тем: "**Типологические аспекты функционирования и эволюции языков**", "**Оптимальные технологии обучения иностранным языкам в системе профессионального образования**". Исследования проводятся в двух направлениях: 1) сопоставительное языкознание; 2) теория и методика обучения ИЯ.

Оба направления соответствуют профилю подготовки специалистов, бакалавров, магистров, аспирантов. Результаты исследования реализуются в учебном процессе УрГПУ, вузов Свердловской области и Уральского региона.

К настоящему моменту сформировались несколько научных школ института:

- профессора И.А.Гиниатуллина - "Методика самостоятельной учебной деятельности"
- профессора З.И.Комаровой - «Сопоставительное терминоведение»
- профессора Н.В.Пестовой - "Сопоставительная лингвистическая поэтика"
- профессора Н.А.Пирогова - "Сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание"
- профессора Н.Н.Сергеевой - "Методика обучения иностранным языкам в системе профессионального образования"
- профессора В.П.Хабирова - "Креолистика и социолингвистика"
- профессора Е.В.Шустровой – " Когнитивная лингвистика"

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики»
ПРОВОДИТСЯ ЕЖЕГОДНО В ПЕРВЫЕ ПЯТНИЦУ-СУББОТУ ФЕВРАЛЯ
Материалы по итогам конференций размещаются в электронной библиотеке ИИЯ УрГПУ <http://ifl.uspu.ru/lib>
Мы всегда рады видеть Вас среди участников!

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ,
РОМАНИСТИКИ И РУСИСТИКИ**

Часть I

МАТЕРИАЛЫ

ежегодной международной научной конференции
5 февраля 2016 года
г. Екатеринбург, Россия

Подписано в печать _____. Формат 60Ч841/16.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 500 экз.
www.uspu.ru

Оригинал-макет И.А. Николаева

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750 г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22. Тел. (34364) 2-25-03
Заказ № 2016 г.